

ОГОНЁК

№ 33 АВГУСТ 1960

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

У нас хорошее настроение!

СИЛА ВЗРЫВА — ТРИ АТОМНЫХ БОМБЫ
Записки М. Докучаева

СИЛЬВА—рассказ Р. Зерновой

ПО СЛЕДАМ ГОЛУБЫХ ПЕСЦОВ. Очерк Рытхэу

ВОСКРЕСНЫМ
ДНЕМ

Фото Г. Копосова
(ТАСС).

*Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!*

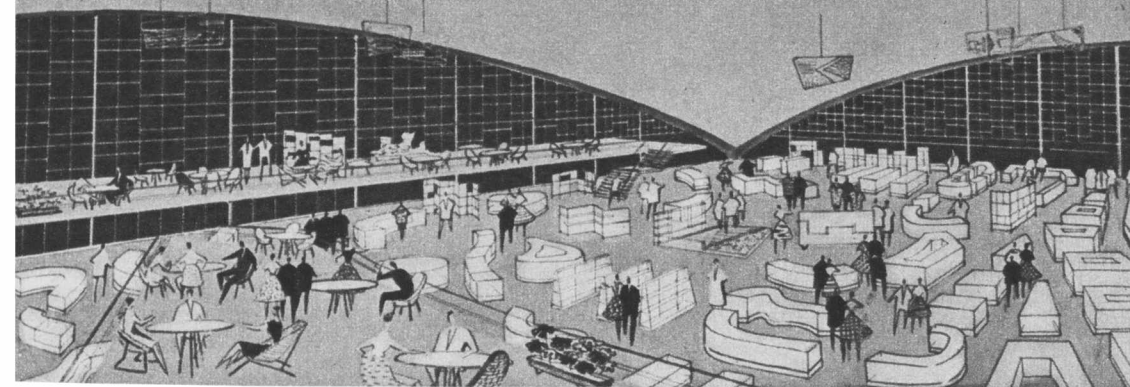
ОГОНЁК

№ 33 (1730)

14 АВГУСТА 1960

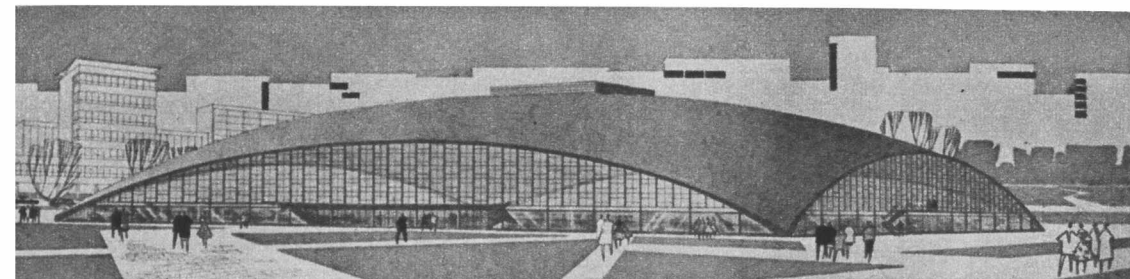
38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Проект торгового центра. Интерьер зала. Авторы: архитекторы П. Е. Селецкий и В. Н. Жадовская, конструктор В. Г. Марков.

К Н И Г У

Перспектива торгового центра.

Ж А Л О Б —

Д. Д. КОРОЛЕВ,
первый заместитель министра торговли РСФСР

ЦК КПСС и Советом Министров СССР принято постановление «О мерах по дальнейшему улучшению торговли».

Корреспондент «Огонька» обратился к заместителю министра торговли РСФСР Д. Королеву с просьбой рассказать о некоторых новинках, которые уже порадовали покупателя или порадуют в недалеком будущем. Вот что он рассказал.

Прежде всего хотелось бы рассказать читателям о том snack, который сделан после того, как было принято постановление партии и правительства о дальнейшем развитии и улучшении общественного питания. Только в Российской Федерации за год — с 1 июля 1959 по 1 июля нынешнего года — построено более шести тысяч столовых, ресторанов, закусочных, кафе и чайных. Дали первую продукцию новые фабрики-кухни, холодильники, молочные заводы, цехи пищевых полуфабрикатов. Но это — начало. Понятно, что теперь, когда обнародовано постановление «О мерах по дальнейшему улучшению торговли», дело пойдет еще быстрее. Надо будет пересмотреть некоторые планы в сторону увеличения.

Увеличение и улучшение — эти два понятия все более активно должны определять стиль советской торговли.

...Вы куда-то торопитесь. Времени в обрез.

Но еще нужно успеть где-то перекусить. И не только быстро, но вкусно и за доступную цену. И, если хотите, красиво. Да, да, потому что есть весьма заметная разница между двумя чашками совершенно одинакового кофе, из которых одна выпита в специально отведенном для продажи горячих напитков светлом уголке магазина, а вторая — в неприглядном закутке где-нибудь за кассой.

Кафе и столовые самообслуживания — это уже не новость. Никого не надо убеждать в их выгоды и удобстве. Они агитируют сами за себя. Зайдите на ВДНХ. Здесь в одном из кафе самообслуживания по требованию покупателей тут же, в их присутствии, готовятся вкусные шашлыки. Метод — готовить блюда на глазах у покупателя — завоевывает все больше сторонников. Действительно, разве не приятно съесть только что выпеченный пончик, поджаренную сосиску, сбитый молочный коктейль?

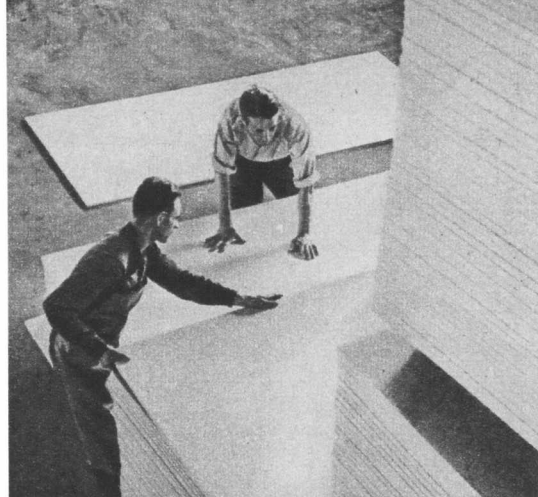
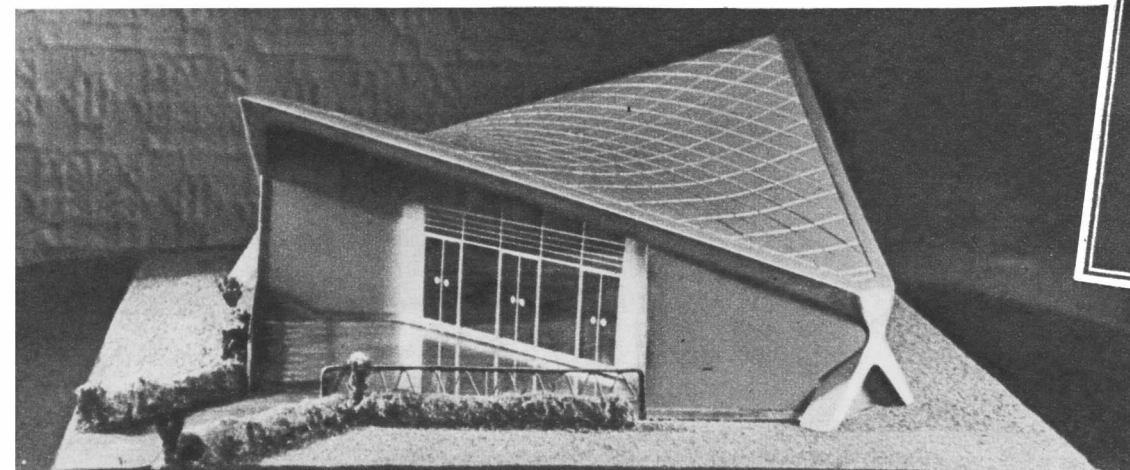
В Москве уже есть 345 летних кафе самообслуживания, которые расположились в парках, на бульварах и улицах, и 370 кафетериев, оборудованных в продовольственных и промтоварных магазинах. Период увлечения гигантоманией миновал. Теперь все признают, что кафе может быть и небольшое — на 3—5 столиков. Займет оно всего несколько метров канонами-будь свера, уголок тротуара, а пользу принесет немалую да и улицу украсит.

И все-таки ресторанов и кафе у нас мало.

(Продолжение на стр. 5).

В А Р Х И В !

Макет нового кафе.

ПЛИТЫ ИЗ ДРЕВЕСНЫХ ОПОЛОК И СТРУЖЕК, спрессованные в три слоя, хорошо служат при изготовлении мебели и строительстве зданий. Выпуск таких плит начал Усть-Ижорский фанерный завод.

На снимке: приемка новых плит на складе готовой продукции.

Фото Г. Копосова (ТАСС).

ИНЖЕНЕР-МАШИНОСТРОИТЕЛЕМ решил стать Владимир Ломатов, горный мастер рудника Заполярное в Норильске. Вместе с другими молодыми производственниками и демобилизованными воинами Советской Армии он поступает в Московский институт химического машиностроения.

На снимке: В. Ломатов (слева) на экзамене по немецкому языку.

Фото А. Новикова.

ВЕЛОСИПЕД ДЛЯ ПРОГУЛОК ПО МО-РЮ сконструировали и изготовили в Харькове в Центральном конструкторском бюро велостроения по заказу Крымского курортного управления.

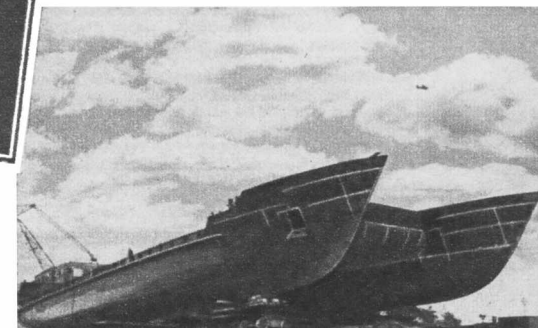
На снимке: испытатели гидропеда Я. С. Агранович и В. А. Боровой на реке Лопани.

Фото В. Юдаева.

ВЫПУСК НОВЫХ ТЕПЛОХОДОВ для перевозки на палубе тяжелых грузов начал Горьковский завод имени 40-й годовщины Октября.

На снимке: новые суда на заводском слипе перед спуском на воду.

Фото В. Изволенского.

ДЛЯ ПЕРЕГОВОРОВ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ в Советский Союз прибыла правительственная делегация Республики Ганы. Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев, отдыхающий на Южном берегу Крыма, принял гостей из дружественной африканской страны.

На с н и м к е (слева направо): генеральный секретарь Конгресса профсоюзов Ганы Дж. Теттега, член Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям Д. Д. Дегтярь, Н. С. Хрущев, генеральный секретарь Народной партии Ганы Т. Адамафио на прогулке в парке.

Фото А. Конькова (ТАСС).

ОТРЯД КОРАБЛЕЙ Краснознаменного Балтийского флота побывал с визитом дружбы в Финляндии. Народ соседней страны сердечно встретил балтийцев.

Гости из Советского Союза возложили венок на могилу выдающегося государственного деятеля Финляндии Ю. К. Паасикиви.

На с н и м к е: советские моряки у могилы Паасикиви.

Фото ТАСС.

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ Латинской Америки. Их поет, аккомпанируя себе на гитаре, наша гостья мексиканская певица Элиа Касановас.

Фото А. Новикова и Е. Умнова.

НОВЫЙ СОРТ КУКУРУЗЫ «МЕСТНАЯ ГЕРШОНСКАЯ» вывел учитель Гершонской семилетней школы близ Бреста Виктор Иванович Полянский. Выращивая кукурузу на одном поле с кормовой свеклой, он получает хороший урожай.

Фото В. Долькина.

М. БАРЫКИН

Торе пришло в семью Михаила Матисовича Гершафта более трех лет назад: тогда его мать и два младших брата, Леон и Мотек, эмигрировали в Израиль. С тех пор их письма из далекой страны не дают покоя Михаилу Матисовичу.

Мы сидим с ним на крылечке его дома — он живет в поселке Комсомольском, на Волге, — и Гершафт в который уже раз повторяет одну и ту же фразу: «Если бы я с ним встретился! Я бы ему показал эти письма...»

Речь идет о корреспонденте Израильского агентства, который на пресс-конференции Н. С. Хрущева в Вене задал вопрос: «Готово ли правительство Советского Союза дать согласие на то, чтобы в рамках решения вопроса о воссоединении семей было дано разрешение лицам еврейского происхождения в Советском Союзе на переселение в Израиль?»

— Да-а-а... Я бы поехал в Израиль! — все в том же гневно-ироническом тоне продолжает Михаил Матисович. — Но, знаете, зачем? Чтобы набить морду тем, кто смеялся над моим братом и братьями, тем, кто замучил там мою мать и издевался теперь над братьями. Заодно я бы объяснился и с этим корреспондентом...

Семья Гершафтов с давних времен жила в Варшаве. Когда полчища гитлеровцев напали на Польшу, мать и три сына бежали в Советский Союз и здесь нашли спасение.

Жили в Челябинске, затем в Средней Азии. В 1942 году старший брат, Михаил, ушел из семьи и стал жить самостоятельно. Работал на стройках в Чирчике, Анггаре, на Волго-Доне, затем на «Нуй-

бышевгидрострое». Потом обосновался в поселке Комсомольском на берегу Волги и обзавелся семьей.

По-другому сложилась судьба матери и младших братьев. В 1946 году они вернулись в Польшу. А оттуда, поддавшись пропаганде сионистов, эмигрировали в Израиль.

— И меня уговаривали поехать, — вспоминает Михаил Матисович.

Гершафт с горечью рассказывает о злключениях родных. Бесконечные поиски работы, вечная нужда, жизнь впроголодь, бесправное, унижающее положение, особая подозрительность к приехавшим из социалистических стран.

В 1958 году мать заболела. Пока были деньги, ее держали в больнице и лечили. Когда нечем стало платить, ее выгнали.

— Тебе, — сказали врачи, — больше здесь делать нечего. Живи сколько бог даст. Бесплатно лечить не полагается.

Вскоре мать умерла. Начались новые злключения. Надо платить деньги за разрешение на получение места на кладбище, за похороны, за разрешение поставить памятники... С каким возмущением пишут об этом братья-эмигранты!

Деньги! Всюду деньги! А заработать их в Израиле нелегко. Это сразу видно по письмам из «рая» от Леона, его жены Лизы и Мотека. Вот несколько отрывков из этих писем.

«15 декабря 1958 года. Здравствуйте, дорогие родные Миша, Аня, Валерик, Галочка. Только за разрешение поставить памятники они требуют 198 фунтов. Мы всюду писали, скандалили, но никто ничего знать не хочет. Нет у нас таких денег. Я не имею уже больше двух месяцев работы... На хлеб пока есть, а завтра увидим. Леон».

«26 декабря 1958 года. Я и Мотек не работаем. Нет работы. Думаем ехать к границе Израиля с Египтом. Там, кажется, есть работа. Здесь у нас беда. Не знаем, что делать, где жить. Кто нам поможет? Нет выхода. Что делать? Не знаем, когда придет счастье. Будем ждать счастья. Леон».

«15 февраля 1959 года. Миша, Аня, честно говоря, нечего писать. Все то же самое. Беда, и беда, и еще раз беда. Нет работы. Живем надеждой, что будет хорошо, когда сможем уехать отсюда... Леон».

«25 августа. Сегодня уже 15 дней, как Мотека взяли в армию. Вы себе представляете, как он переживает! Но что можно сделать? Леон».

«18 ноября 1959 года. Не могу себе простить того, что мы наделали — переехали в Израиль. Честным людям здесь надо мучиться... Леон».

«20 декабря 1959 года. Мотеку в армии нехорошо, потому что он написал вам письмо. Ну, ничего, как-нибудь стерпит. А у нас теперь будет лучше. Лиза поступила на шоколадную фабрику. Платят там мало, но что делать? И то хорошо. Леон».

Но к Лизе сионисты относились с особой неприязнью. Она родилась и выросла в Советском Союзе, приехала в Израиль с советским паспортом. Она могла бы давно вернуться на Родину. Но встретила в Израиле с Леоном. Любовь, замужество, дети. И вот результат:

«22 января 1960 года. Лиза не работает. Работала всего 8 дней и 2 часа. В таких усло-

виях не хочется жить... Дети у нас растут хорошие. Только проклятая жизнь не удалась. Меня ждет новая беда. Берут в армию на 33 дня. Леон».

«5 апреля 1960 года. Лиза сидит дома. Работы ей не дают. Для русских граждан, объясняют, нет работы. Предлагают ей сдать русский паспорт, тогда получит работу. После армии мне не давали работы 14 дней. Потом я 7 дней работал, но заплатили только за 5 дней и 2 часа. Леон».

— У меня пенсия — девятьсот двадцать пять рублей, — говорит Михаил Матисович. — А мой брат в расцвете сил получает в «раю» в два с лишним раза меньше меня, инвалида, если перевести на наши деньги.

Во время одного несчастного случая на «Куйбышевгидрострое» Михаил Матисович лишился ноги. Варшавские сионисты пытались использовать его несчастье, угрожая уехать в Израиль. «Мы объявим тебя жертвой коммунизма, и будешь жить в полном достатке», — соблазнили они инвалида. Но Михаил Матисович не поддавался на провокацию. Недавно он переселился в новую двухкомнатную квартиру. Получил бесплатно инвалидную автомобильную карточку.

А из «рая» по-прежнему приходят письма-вопли.

«21 мая 1960 года. Нам сейчас очень плохо. Нет денег. Мало зарабатываю. Прошу из-

ПЛАЧ

XXV международный конгресс востоковедов открылся в Москве. В работе конгресса принял участие Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян.

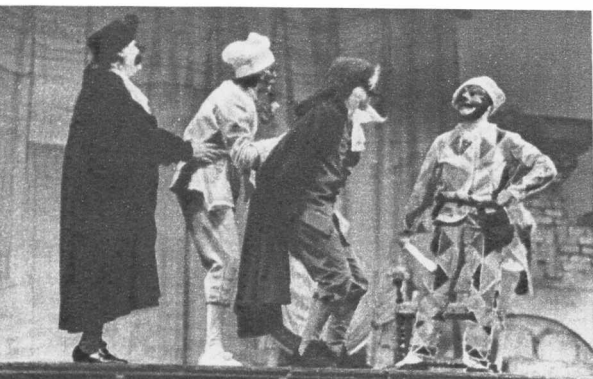
На с ним же: В кулуарах конгресса. А. И. Микоян у книжной витрины.

Фото А. Бочина.

КУБИНСКИЙ САХАР ДОСТАВЛЕН В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ. Напрасно американские империалисты грозят революционной Кубе экономической блокадой: ей есть с кем торговать. Эти кубинские моряки с парохода «Рио Джибако» привезли в советский порт Клайпеду около 5 тысяч тонн сахара. Пока судно стояло под разгрузкой, моряки с Кубы осмотрели город и порт.

Фото В. Рупшляукиса (ТАСС).

ИТАЛЬЯНСКИЙ ТЕАТР В МОСКВЕ. Веселый, озорной спектакль «Слуга двух господ» показали артисты театра «Пинколо ди Милано», гастролирующего в СССР.

Интересна сравнительно небольшая история этой итальянской труппы. Театр открылся 14 мая 1947 года пьесой Горького «На дне». Этот спектакль долгое время сохранялся в репертуаре и сыграл значительную роль в утверждении реалистических тенденций. С тех пор театр поставил восемьдесят четыре пьесы и побывал с ними в 67 городах Италии и 22 странах мира.

Фото И. Ефимова.

НА ОСТРОВЕ МАДАГАСКАР в городе Тананариве 29 июля начались торжества по случаю провозглашения независимости Мальгашской Республики. Никита Сергеевич Хрущев направил президенту Мальгашской Республики Филиберу Цирану сердечные поздравления. На снимке: Филибер Циранна выступает на торжествах.

17 АВГУСТА народ Индонезии отмечает пятнадцатилетие со дня провозглашения республики.

Не перечислить всех сокровищ, какими природа щедро наделила эту страну, раскинувшуюся на трех тысячах островов, омываемых двумя океанами. Но более трех с половиной веков индонезийские острова были вотчиной голландских колонизаторов. Японские оккупанты в годы второй мировой войны, объединенные силы голландских, английских, американских империалистов после ее окончания — все эти черные силы колониализма старались задушить героическое освободительное движение 82-миллионного народа.

17 августа 1945 года на политической карте мира появилось новое государство — Республика Индонезия. Молодой стране пришлось отстаивать свое существование в борьбе с целой серией заговоров, мятежей, диверсий, организованных колонизаторами.

Суровые испытания еще теснее сплотили индонезийский народ вокруг президента Сукарно — выдающегося борца против колониализма, недавно ставшего лауреатом международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Сегодня народ Индонезии успешно строит новую жизнь. В стране открываются новые школы, сооружаются плотины, гидроэлектростанции, промышленные предприятия.

В день славного национального праздника Республики Индонезии советский народ желает дружественной стране успехов и процветания.

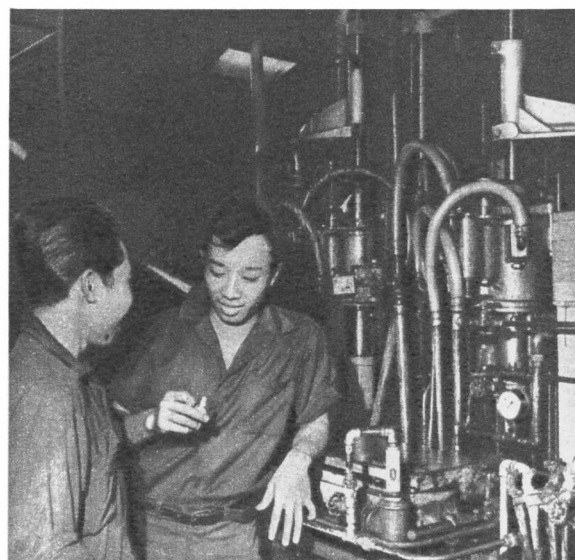

Студентки университета в Сурабае.

МИР И ПРОЦВЕТАНИЕ

Этот снимок сделан на новом стекольном заводе в Джокьякарте.

Фото Н. Драчинского.

винить, если буду писать только один раз в месяц. На почтовые марки ведь тоже нужны деньги... Леон».

«17 июня 1960 года.

Лиза еще не работает. Вы, может быть, думаете: «Неужели там так плохо?» Вы себе и представить не можете, как плохо...

До скорой встречи в СССР.

Леон».

Мечтой о возвращении в Советский Союз пронизаны все письма из «рая». Их много, целая пачка. И все наполнены горечью безрадостного существования.

Вопли отчаяния звучат в бесконечных просьбах к Михаилу Матисовичу: «Помогите вернуться в Советский Союз!»

«Миша и Аня, я вас очень прошу, сделайте все, что можете, чтобы мы были вместе с вами, чтобы мы приехали в СССР.

Леон».

«Мы получили справку из вашего Министерства иностранных дел. Очень большое спасибо. Теперь опять поедем к консулу. Сейчас Мотек уходит к товарищу, приглашает и меня. Но я останусь дома. Буду слушать по радио доклад товарища Хрущева, а потом пойду спать и буду ждать, когда придет счастье.

Леон».

«Дорогие! За каждое русское слово, которое вам пишу, я имею неприятности в армии от «моих» руководителей. Но верьте, что я все-таки вырвусь.

Мотек».

Кровью сердца написано заявление Гершафтов в Президиум Верховного Совета СССР. Вот несколько строк из этого волнующего документа.

«Мы одни из обманутых сионистской пропагандой, которая обещала нам свободу еврейскую родину. Но мы ее не нашли. Мы нашли горе и беду. Нас преследуют на каждом шагу. Мы здесь нужны как солдаты, защищающие интересы капитализма. Мы воспитаны в Советском Союзе, а все, что тут есть, — чужое для нас. Мы совершили большую ошибку, но мы молодые люди, мы хотим жить, а жизнь и будущее для нас — Советский Союз... Разрешите нам выехать в СССР».

Так под ударами капиталистической действительности рассыпаются в прах и националистические предрассудки. Так капиталистическая действительность помогает распознавать истинных друзей и врагов трудового народа.

И все же сионисты не прекращают своей деятельности по заманиванию евреев в Израиль. Действуют они самыми разнообразными способами. Младшие братья Гершафты чуть не в каждом письме предупреждают Михаила Матисовича, чтобы он тоже не попался на удочку сионистской пропаганды:

«Миша, Аня. Здесь говорят, будто все евреи из Советского Союза поедут в Израиль. Так пишут в израильских газетах. Неужели это правда? Люди будут ехать на гибель. Я знаю многих, которые пешком бежали бы из Израиля.

Леон».

Сионисты заманивают евреев в Израиль не только красноречивыми обещаниями «райской» жизни. Вот что пишет о сионистах Леон своему брату:

«Они хотят нас сделать провокаторами, изменниками. Предлагают нам деньги и вещи, чтобы выслать родных, которые живут в России. Я не хочу посылать вам такие посылки.

Леон».

Этот метод одурачивания простаков сионисты поизмывались у западногерманских реваншистов. Те пользуются им для заманивания немцев — советских граждан в свой буржуазный «рай».

Недалеко от поселка Комсомольского, в той же Куйбышевской области, расположен город Отрадный. Здесь живет двадцатипятилетний немец Александр Иванович Гебель. Он даже не знает, сколько поколений его родичей жило и родилось в нашей стране, сколько десятков лет прошло с той поры, когда первые Гебели переселились сюда из Германии. Давным-давно считают они Россию своей родиной. Русским языком Александр Иванович владеет лучше, чем немецким. И вдруг у него оказались щедрые «благодетели» в Западной Германии. Стали присылать ему посылку за посылкой. А потом поступил официальный вызов с приглашением переселиться в ФРГ. На это приглашение Гебель ответил письмом в редакцию областной газеты:

«Помогите мне избавиться от непрощенных зарубежных «благодетелей». Не нужна мне их помощь. Пусть лучше эти вещи они отдадут действительно нуждающимся, которых немало в Запад-

ной Германии. И ехать в капиталистическую страну я не желаю».

Мы познакомимся с Александром Ивановичем. Недавно он написал новелле.

— Вера! Достань на западногерманское тряпье, — попросил Александр молодую супругу.

На диван полетели марлевые пеленки, распашонки, одеяльце и другие детские вещицы, лоскуты из хлопчатобумажных и синтетических тканей. Прислали даже ниток, черных и белых, по паре катушек, иголки, чтобы было чем сшить немудреные принадлежности детского туалета.

— Неужели они и впрямь считают, что мы так бедны и не можем это барахло купить? — развела руками Вера Алексеевна Гебель.

А вот черная дерюга, внешне напоминающая шевит и многозначительно именовавшаяся в описи при посылке «отрезом» материи.

Посылки и вызов поступали от имени Альфреда Штро.

— Кем он вам, — спрашиваем, — приходится?

— У моей матери, — отвечает Александр Иванович, — есть сестра Евгения, а у той был муж, он умер. Так вот Альфред Штро — отец мужа сестры моей матери.

Родня, как говорится, десятая вода на киселе.

Оказывается, Альфред и сам-то живет далеко не «по-райски». И не от щедрости, не от избытка жизненных благ шлет он Гебелям подарки. Посылки эти снаряжают западногерманские разведчики, используя имя Штро.

...В мире капитализма дрянной товар, говорят, требует рекламы. Но и самая изощренная реклама буржуазного «рая» — будь то израильский или западногерманский — дает осечку. Правду об этих пресловутых «раях» скрыть нельзя.

ИЗ «РАЯ»

МАЛЬЧИШ

Давно ли это было? Еще вчера. Да что там — еще сегодня утром жизнь Сережки была беззаботной и безмятежной.

Можно было наперегонки с лифтом слететь по лестнице во двор. Кликнуть во весь голос своего друга, «земляка» и однолетку Андрюшу, а потом мчаться с ним по дворовой стометровке.

Или забраться на «грибок», что стоит над песочницей. И вовсе не потому, что там тень. А просто так...

Или летать и летать на качелях. Высоко-высоко, чуть ли не под самые крыши.

И какой же мальчишка не любит быстрой езды! Как не помочь «дяде Пете» сменить камеру! Уговор дорожке денег — скоро помчимся по Кутузовскому проспекту.

Все это будет еще не раз в жизни и Сережки и Андрюшки. И все-таки беззаботная жизнь друзей кончилась.

Через несколько дней многие «лица без определенных занятий» из дома № 47 по Кутузовскому проспекту станут учениками 1-го класса 742-й московской школы.

Ближе заветный день, чаще отправляются будущие одноклассники на разведку.

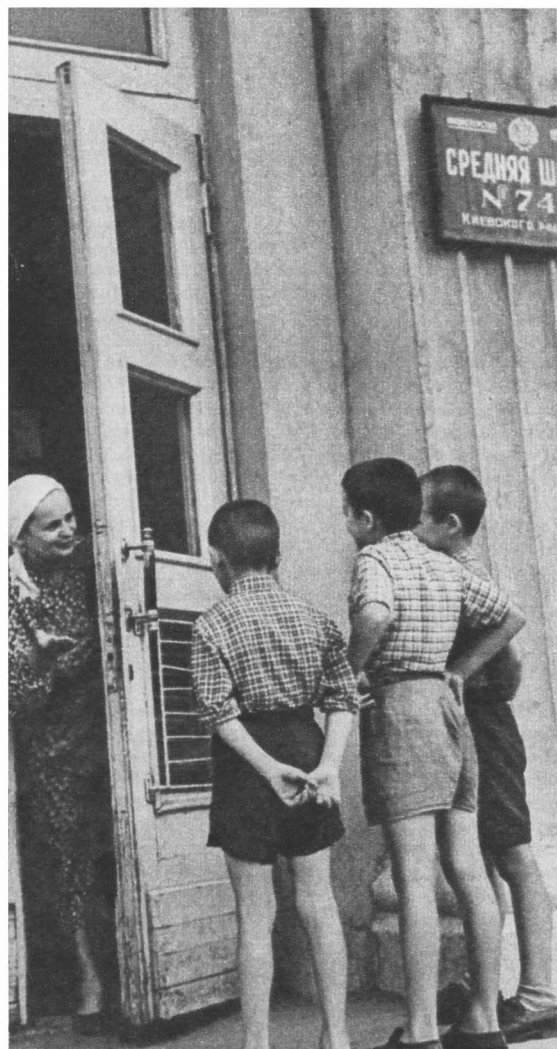
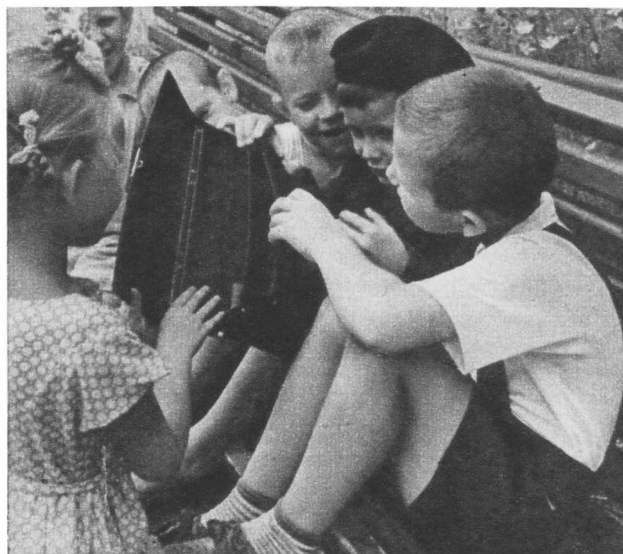
Где школа? Известно, за углом. А вот где класс?

Вот этот класс. Андрей уже облюбовал себе место.

Таким Сергея еще во дворе никто не видел. В новенькой форме. При портфеле.

«Общественность» дома придирчиво проверяет одного из своих посланцев в первый класс.

А таким, притихшим, задумчивым, не представляли Андрея ни мать, ни старшая сестра, Ира, его «первая учительница».

КНИГУ ЖАЛОБ — В АРХИВ!

Окончание

Правда, их стало значительно больше, чем в прошлые годы. Но «больше» еще не значит достаточно.

Сейчас разработано несколько проектов простых в строительстве и удобных в эксплуатации кафе и ресторанов. Горисполкомам стоило бы заинтересоваться этими проектами. Я думаю, что рязанцы не будут возражать, если на одной из улиц их города вырастет простое по форме, но красивое здание кафе. Разве, скажем, краснодарцев не порадует кафе-магазин, в котором можно покушать, купить коробку конфет, сувенир, букет цветов? А поздно вечером, когда все магазины закрыты, один из отделов кафе будет торговать полуфабрикатами, булочными изделиями. Удобно? Безусловно.

Большое распространение получит продажа товаров автоматами. Дело это значительно упростится, когда войдет в силу новый масштаб цен и появится в обращении новая металлическая монета. Уже разработаны образцы автоматов для продажи охлажденного молока стаканами, кофе и какао, бубликов, минеральной воды в бутылках и других товаров.

Мы стремимся как можно шире ввести прогрессивные формы торговли, всячески поощряя их. Москвичи, живущие около площади Маяковского, хорошо знают магазин «Огонек». Тут самообслуживание, а это доброе дело влечет за собой другие: магазин хорошо оборудован, удобна его планировка, в зале даже как будто света прибавилось. Здесь давно отказались от громоздких прилавков, отделяющих продавца и товары от покупателей, от тех, для кого, собственно, и предназначены магазины. Нелепое это дело — высокие, тяжелые прилавки. В них так и чувствуется недоверие и человеку, какая-то настороженность. И уж, во всяком случае, они не украшают торгового зала. Куда удобнее открытая выкладка товаров.

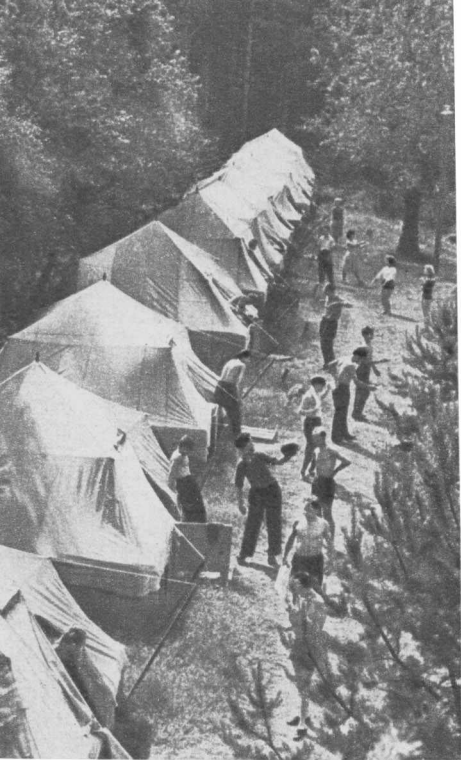
И все же пока это дело идет медленно. Сейчас в стране около двух с половиной тысяч магазинов, в которых торгуют без продавца, — капля в море. Представьте, на всю Москву имеется только 250 таких магазинов! Откроют в нынешнем году еще около ста. Но и этого мало. Тут есть проблема, которую надо решать как можно скорее. Предприятия должны больше выпускать фасованных товаров. Однако иногда слишком инертными оказываются и торговые работники. Разве сложно наладить расфасовку в небольшие пакеты, скажем, свежего лука или других овощей? А это очень удобно и выгодно. Вот характерный пример. Овощной магазин № 52 в Москве, на Фрунзенской набережной, раньше торговал репчатым луком в грубых бумажных пакетах. Не шел лук. Максимум 50—80 килограммов за день продавали. Положили лук в целлофановые пакеты, и в тот же день продали целую тонну.

Упаковка — это та самая одежда, по которой встречают. И пусть она будет разнообразной, привлекательной. Мы ждем от промышленности пергамент, целлофан, полиэтиленовые пленки. Они очень нужны. Особенно сейчас, когда осваивается выпуск новых для нашей страны готовых продуктов и полуфабрикатов. Это прежде всего изделия из картофеля, кукурузы. Очень вкусна и, безусловно, будет пользоваться успехом жареная картофельная стружка, так называемые чипсы. Их легко приготовить: сначала картофель обессахаривается, моется, очищается, режется, а затем тонкие его ломтики особым образом обжариваются, сушатся и, наконец, расфасовываются. Купил пакет такой «стружки» или «соломки» и сразу же ешь ее. Вкусно, питательно! Жареный картофель может быть пресным, подсоленным, приготовленный в различных сортах масла. Одним словом, на любой вкус! В ближайшие месяцы в Москве, Ленинграде, Иванове, Свердловске, Перми, Новосибирске, Красноярске, Челябинске, Кемерове и Воронеже начнется строительство специализированных предприятий для производства продуктов питания из картофеля. Как все это облегчит труд работников столовых да и домашних хозяек!

Много вкусных и полезных продуктов будет выпускаться из кукурузы. Воздушная кукуруза и хрустящие хлопья уже известны. В магазинах появляются хлопья в шоколаде, соленые, сладкие. Осваивается производство кукурузы в сахаре или обработанной сиропом. Нет возможности перечислить все, что можно делать из кукурузы. Это поистине волшебный продукт! В нынешнем году Московский городской совнархоз должен дать тысячу аппаратов, с помощью которых можно тут же, при покупателе, готовить воздушную кукурузу. В Москве, Ленинграде, Горьком, Свердловске и Куйбышеве, а затем и в других городах скоро откроются специализированные магазины по торговле изделиями из картофеля и кукурузы.

Расширяя сеть специализированных магазинов, мы думаем и о еще более прогрессивной форме организации торговли — о создании торговых центров. Они мыслятся как своеобразные торговые городки с промтоварными и продуктовыми магазинами, с ателье и починочными мастерскими, кафе и ресторанами, со складами и бюро по доставке товаров на дом, а некоторые и с гостиницами. Торговые центры уместно размещать в новых кварталах, отводя для них большую территорию. В ближайшее время в Москве начнется строительство трех таких центров.

...Мы твердо верим, что настанет день, когда традиционную «Книгу жалоб» назовут как-нибудь иначе, например, «Книга благодарностей и пожеланий». Во всяком случае, и конструкторы торговой техники и продавцы постараются, чтобы судьба «Книги жалоб» сложилась именно так.

П. КРАВЧЕНКО,
К. КОНСТАНТИНОВ

Клуб — слово заманчивое. Вот одно из объяснений словаря иностранных слов:

«Клуб (англ. club) — общественная организация, объединяющая людей определенного круга... в деловых и политических целях, в целях организации совместных развлечений, спортивных игр и т. д.»

Итак, «люди определенного круга».

«— Зайдем в Гриннинг? — спросил Шелтон, когда они проходили мимо клуба».

В эту минуту из дверей вышли двое элегантно одетых молодых людей в белых брюках, и приятели невольно оглядели себя критическим взглядом.

— Идите, если вам хочется, — с усмешкой сказал Крокер.

Шелтон покачал головой.

Этот разговор состоялся когда-то между двумя молодыми людьми на Хай-стрит, «величественной улице, священной для каждого, кто учится в Оксфорде», — сообщает нам английский писатель Голсуорси. И хотя Крокер и Шелтон тоже были выпускниками Оксфорда,

но «в эту минуту» белых брюк у них не было. Они не рискнули зайти в клуб, где собрались люди «определенного круга»...

Все ясно. Ну, а как быть, когда рамки «определенного круга» расширились до такой степени, что их очертания теряются где-то далеко-далеко за горизонтом?

Пусть читатель не посетует на нас еще за одну цитату, взятую из газеты «Советский спорт» от 16 июля сего года.

«Коллективы физической культуры ряда ведущих предприятий страны выступили с предложением присваивать наименование «Спортивный клуб» коллективам, достигшим высоких показателей в работе».

Такие заводские клубы — один за другим — будут сейчас рождаться в нашей стране. Но эти клубы не будут иметь ничего общего с тем узким кастовым объединением, каким являлся «Гриннинг».

ров-общественников, что поняли: беспокоиться нечего. Здесь дело спорта в надежных руках.

— Понимаете, если бы я и вздумал вдруг отстать от спорта, — улыбается двадцатипятилетний сборщик-механик Анатолий Филиппов, общественный тренер, — то уже сейчас мне бы просто не позволили отстать. Попробуй отстань — бригадир Владимир Ильич Дмитриев покажет тебе, что значит отставать! Я тренирую своих ребят по баскетболу, а Дмитриев печется и о футболе, и о хоккее, и о волейболе, ни одной игры не пропускает. Не так проведешь игру — в обеденный перерыв достанется на орехи! А начальник цеха Лев Ильич Вороничев! Да ведь он сам из школы Алексева. Его девиз: хороший спортсмен — значит, отличный производственный. Да и кто из ребят позволил бы мне отстать!

Черноволосый мускулистый фрезеровщик Борис Лагунов, общественный тренер по штанге, пытается слухавить:

— Прощаюсь со спортом.

— Почему?

— В десятый класс перешел. Живу в Сестрорецке. На разъезды до Ленинграда много времени уходит. Когда же спортом заниматься?

— А вы ему и поверили? — смеется Анатолий Егоров, сборщик-механик. — Его от спорта за уши не оттащишь. Он и конькобежец, и боксер, и городошник. А штанга, гири? Да каждую свободную минуту сам занимается и ребят учит. Это ему наслаждение. Видали, какая мускулатура?

В цехе, где 80 процентов рабочих — спортсмены, нас окружили тренеры-общественники. Подошел и старший мастер механического участка Григорий Ефимович Андриянов. Он сказал нам весьма внушительно:

— Вы, может, думаете, что завод — это большой станок? А завод — это коллектив, где все в ответе друг за друга. Отработал парень семь часов — куда ему идти? В пивную? Или мостовые полировать своими подошвами? Нет, дорогой мой, так не пойдет в нашем коллективе! Иди учись — у нас в цехе процентов сорок, небось, учатся. Учись, а мы тебя проконтролируем. А в спорт все влюблены настолько, что влюбленность эта передается каждому новенькому. Выиграла наша цеховая команда? Ну, а как же ей не выиграть? Обязана! Но для порядка — «молния» на двухметровом листе: мол, поздравляем команду цеха в составе таких-то наших товарищей, выигравших кубок по баскетболу! Выиграла по хоккею — опять «молния». И на рисунке — вратарь Верекин Геннадий, сборщик-механик. Стоит у ворот, ворота на замке, а в руках кубок. Таких «молний» знаете сколько за год выпускать приходится!

— Ну, а если проиграли?

— Тогда мы «молний» не пишем, — усмехается старший мастер. — Тогда у нас первый день в цехе траур и уж только на второй — обсуждение: почему, мол, проиграли и как выправить. Тут нам и начальник цеха Вершинский помогает. Он сам помогал формировать нашу футбольную команду: старый спортсмен, знает, что к чему.

В РИМЕ — 21, НА Г

В прошлом году на стадионе в Лужниках проходила Вторая Спартакиада народов СССР. Трудно забыть восклицание одного из зрителей: — Но подождите, а что это за ГОМЗ? На такой спартакиаде выигрывать два первых места — по легкой атлетике и по плаванию — это ведь грандиозно! Что это — новое спортивное общество? Когда оно родилось?

А ГОМЗ — это один из ленинградских заводов — оптико-механический. Завод, а не обширное спортивное общество! Как же спортсмены одного завода сумели добиться такого неслыханного успеха?

ГОМЗу, прямо скажем, просто повезло с самого начала.

Не только Ленинград, не только Москва, а и за граница очень хорошо знает чудесного человека, заслуженного тренера Виктора Ильича Алексева. Много лет назад он начал воспитывать детей рабочих, мальчиков и девочек, именно на этом ленинградском заводе. Ребятишки влюблялись в него и ходили замороженные.

Оказалось, что удивительно красивая вещь — спорт. Виктор Ильич не нянчился с ними, он этих ребят просто любил. Самые дерзкие из мальчишек, учившиеся у Виктора Ильича, вдруг заметно взрослели и начинали понимать: «Ты сначала человек, а потом — спортсмен. Советский. Это значит: умелый, толковый работник. Хороший товарищ. Неудержимый в своих спортивных успехах, расчетливо и весело неудержимый».

Спросите о Викторе Ильиче у его воспитанников, которых он брал со школьной скамьи, а теперь известных рекордсменов: у Галины Зыбиной, Тамары Тышкевич, Анатолия Михайлова, Юрия Лукьянова, Александра Горшкова, Евгения Лутковского, Тамары и Ирины Пресс и многих, многих других, — они вам расскажут о своем воспитателе, вероятно, лучше, чем мы.

Ну, хорошо. Заводу помогло то, что первым спортсменам путевку в жизнь дал Виктор Ильич Алексеев. А дальше? Неужто один Алексеев добился того, что завод стал в ряды передовых спортивных коллективов страны?

На заводе ГОМЗ мы не застали Виктора Ильича Алексева: он был в Москве на соревнованиях. Сначала мы огорчились. Но уже через час в цехах завода познакомились с таким огромным количеством трене-

На Карельском перешейке, в девяноста километрах от Ленинграда, молодежь завода построила для себя оздоровительно-спортивный лагерь. Кухня, столовая, спортивные площадки. За лето в шести сменах здесь отдыхает и тренируется до тысячи человек. Путевка на 12 дней стоит 144 рубля. Сто рублей платит рабочий, 44 доплачивает заводом.

Огромное озеро чуть потемнело. По нему ходят небольшие волны, ошметиниваясь кое-где барашками. Вокруг озера густые лесные заросли, среди мощных стволов — серые и светло-охристые с белым валуны. За озером на холмах — опять лес, справа — островок с чистыми березками. Березки такие легкие, словно собрались в небо взлететь, но раздумывают: пусть, мол, пройдет сначала эта торопливая туча, из-под которой уже заулывали дальние, очень дальние золотистые облака.

...По дороге лихо промчались, подпрыгивая, мотоциклисты, нырнули один за другим в лес. Их провожает взглядом молодой парень. Лицо у него густо обсыпано веснушками, волосы такие вихрастые, что вряд ли и лучший парикмахер уложил бы их в прическу с пробором. На курносом лице — печать глубокой мрачности. Великолепными белыми зубами он грызет веточку и морщится.

— Что, не хватило мотоцикла?

Парень взглядывает на нас, проводит пальцем по светлым бровям, смущенно улыбается и говорит юношеским, ломким тенорком:

— Нет, не мотоциклист я. Все думал, может, Чистов Юрий сегодня на воскресенье подъедет. Вот бы с кем заняться!

— А кто этот Чистов? Гимнаст?

— Гимнаст? — с возмущением тянет парень, и его волосы, кажется, еще больше взъерошиваются. — Вы что, Юрия Чистова не знаете? Самбист он, мастер спорта. Сборщик десятого цеха. Значит, такой случай... Неужели не слыхали? Идет он раз поздним вечером по Ленинграду, а к нему подходят. Двое, а вот так сюда — еще двое. Так. Берут его за пиджак. «О, — говорят, — смотри, мастер спорта! По какому виду?» Он им и скажи шуткой: по пинг-понгу, мол. «Ага. Ну вот что, пинг-понг, снимай-ка, милый, пиджак, да побыстрее, а то нам некогда...» Тут он им и показал «некогда». Схватили они его, тогда он — одного че-

рез голову об землю, другие холодное оружие вынули, так он другого, третьего, четвертого... Потом на суде выяснилось: грабители рецидивисты были. А вы говорите, гимнаст! Пинг-понг! Моя бы воля — я бы на всем заводе все виды спорта запретил бы... ну, может, футбол бы оставил, а остальных всех ребят до единого принудил бы самбо заниматься. Мы тогда одним нашим заводом хулиганов истребили бы в городе, на веки вечные зареклись бы они хулиганить. Никак не могу забыть, как в позапрошлом году от двух всего хулиганов ногами спасался... Уж бег-то нам изучать ни к чему. Самбо, только самбо — и всем рабочим до единого! В Ленинграде их не так много, хулиганов, всех бы разыскали и отвадили от их проступков!

Нет, этот юноша был настроен слишком уж категорически.

В лагере завода мы встретили многих влюбленных в спорт. Вот милая застенчивая девушка. Внешне она мало походит на спортсменку, фигурка ее кажется довольно хрупкой.

— Вы в какой секции занимаетесь?

— Ой, я сюда сейчас только в гости! Сейчас занимается вторая смена, я в первой была, а сегодня выходной — не удержалась, приехала.

— Туристка она, — сказал подошедший физорг Вячеслав Анатольевич Соловьев. — Приехала уговаривать, чтобы трехдневный туристский поход здесь организовать. Заметьте, что сама она не может принять в нем участие: работать нужно, — а за лагерь волнуется.

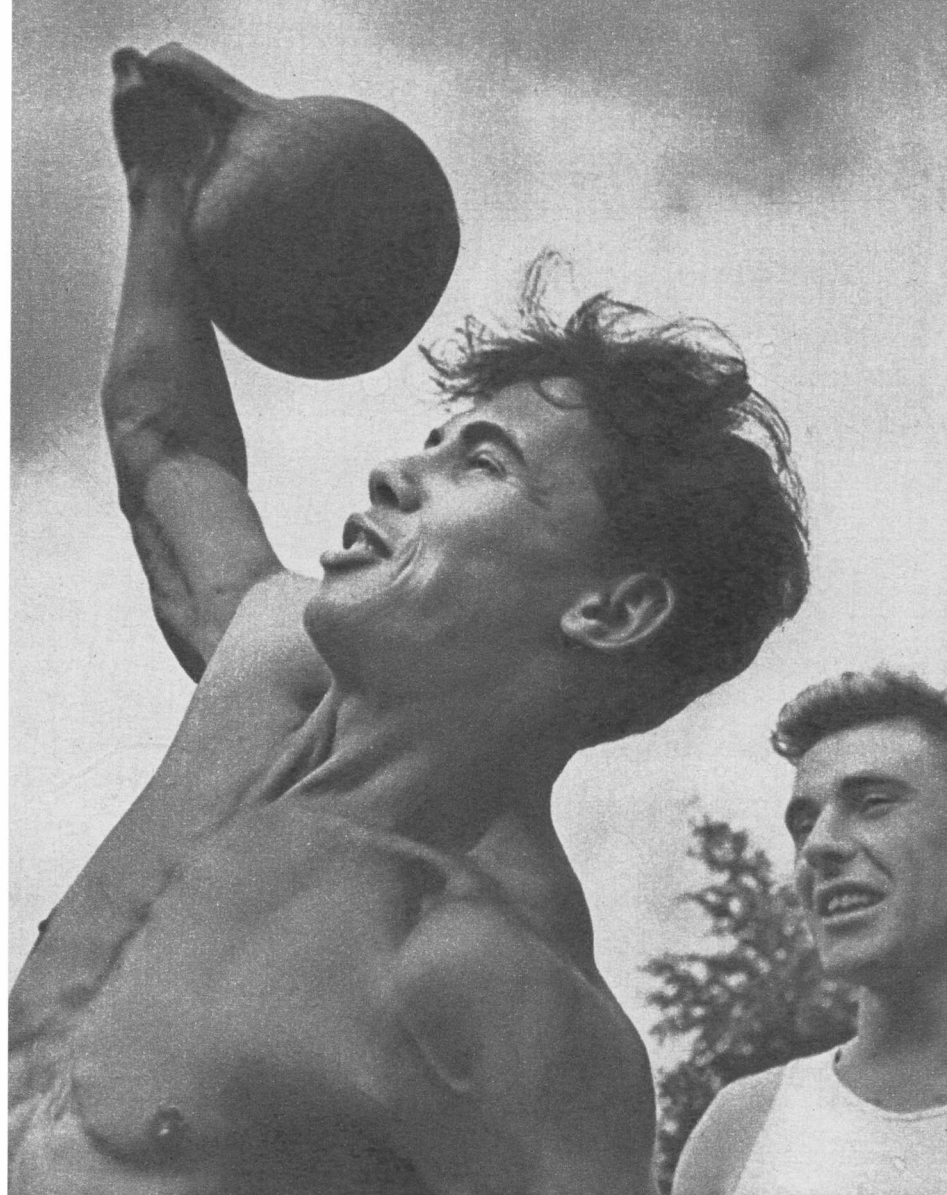
Белокурая туристка — Нина Колбасова. Она два года назад окончила физико-математический техникум, теперь работает техником-расчетчиком. Она рассказывает о слетах заводских туристов, о походах «по лосиным следам», о переправах по бревнам через реку, о дождях и майских снегах, о рыбной ловле, о велосипедном пробеге Таллин — Ленинград, в котором она участвовала, и убежденно говорит:

— Да ведь все, ну все на заводе станут у нас туристами! Стоит только раз пойти в поход — все ясно станет каждому.

Нам ясно одно: если много на заводе вот таких добровольцев — агитаторов спорта, то его массовость обеспечена.

А их много. И агитируют уже теперь не только у себя на заводе. Недавно девятнадцать заводских спортсменов побывали на легкоатлетических соревнованиях в Берлине, Лейпциге, Эрфурте и Веймаре. В этих четырех городах агитация была очень предметной: двадцать пять первых мест на соревнованиях завоевали спортсмены ГОМЗа, одиннадцать — вторых и пять — третьих. Неплохая агитация!

— Выехали мы 27 мая, — рассказывает нам заместитель председателя совета физкультуры Виталий Андреевич Венедиктов. — 29 мая в Берлине — большой спортивный праздник. Кроме наших ребят и спортсменов ГДР, там были спортсмены Англии, Западной Германии, Чехословакии, Австрии, Польши. В общем, в грязь лицом не ударили. Многие спрашивали: неужели с одного завода такая команда? Вечером приехал к нам президент легкоатлетического союза ГДР. Часа три просидел у нас, говорит: расставаться с вами, ребята, жалко. Перейдем, говорит, ваш опыт. Постараемся и у себя завести такие заводские

Нет, он не бросит спорта, фрезеровщик Борис Лагунов!
Фото Г. Копосова (ТАСС).

ОМЗе-26

спортивные коллективы! А 31 мая встретились с немецкими спортсменами. Наши до сих пор забыть не могут, как немец Эйртман пел на русском языке «Катюшу», «Ермака», «Степь да степь...»! А из Веймара до Эрфурта ехали в одном автобусе с делегацией Западной Германии. Подружились. Сначала значками обменивались, потом — майками... Волновались, конечно, и они и мы... Разве забудешь такое?

* * *

На заводе мы знакомились все с новыми и новыми спортсменами. Их было очень много. Нам же хотелось найти одного, на биографии которого можно было бы рассказать, что такое спортивный коллектив ГОМЗ и что собой будет представлять заводской спортивный клуб. Вскоре мы отказались от этой мысли. Отказались не потому, что не нашли интересных биографий. Посудите сами: на заводе к началу года было сорок четыре мастера спорта. Сейчас к ним добавилось еще семеро. У каждого из них очень интересные, даже поучительные биографии, и просто невозможно было бы отдать одному предпочтение перед другим. Если же написать о каждом хотя бы по одному абзацу, и то не уложишься в размер нашего очерка. А ведь, кроме них, на заводе 734 легкоатлета, 362 волейболиста, 430 футболистов, 164 пловца... Опять же даже не перечислишь всех: ведь 26 спортивных секций! Завод может устраивать свою олимпиаду. В Риме будут вестись соревнования по двадцати одному виду спорта. А здесь — двадцать шесть! А многие сотни разрядников? А тысячи значкистов? Огонек, зажженный когда-то на заводе Виктором Ильичом Алексеевым, разгорелся. Нет, одной, даже самой интересной биографии мало! Сотни общественных тренеров по всем видам спорта подхватили эстафету Виктора Ильича!

О комсомоле надо сказать особо. Иногда на заводах комсомол считает спортивную работу одним из второстепенных дел. Для комсомольцев ГОМЗа спорт — дело кровное!

Несколько месяцев назад заводской комитет комсомола созвал молодежно-комсомольское собрание. Просторный заводской клуб оказался слишком тесным. Перенесли это собрание в Выборгский Дом куль-

туры. И две тысячи молодых рабочих завода пришли на это собрание. Подсчитали. За год число членов спортивного общества удвоилось.

«Мало! Добьемся того, чтобы **каждый второй** рабочий ГОМЗа занимался физкультурой и спортом» — вот что решили участники.

Смело? Смелый приступ — половина победы!

Об отношении дирекции завода к спортивной работе тоже нужно сказать особо.

Огромные старые тополя поднимаются над заводским стадионом. Жасмин, сирень, клены опутывают дальние дорожки со скамейками, уютно пристроенными в зарослях. Здесь — футбольное поле, трек, волейбольные, баскетбольные, теннисные, городошные, да мало ли еще какие площадки! Все они в рамках из зелени. Фонтан с большими прозрачными камнями, будто из янтаря. Дорожки чистые, аккуратные, посыпанные мелким гравием. Дышится легко. Стадион отделен от завода лишь стеной. Сюда можно пройти прямо через проходную. Обширные помещения с зимним спортивным залом, душем, с многочисленными комнатами секций. Да на такой стадион только отпетый «сухарь» не захочет пойти! А «сухари» даже на этом заводе еще есть, но встречаются уже редко.

И вот два раза в неделю такая картинка. Утро. Тридцать — сорок немолодых мужчин в тренировочных костюмах выстраиваются на стадионе.

— Внимание, начинаем разминку!

Ходьба, бег, вольные упражнения, подтягивание на брусьях, подвижные игры с мячами. Волейбол.

Занятия продолжаются полтора часа. Потом — теплый душ. «Старички» расходятся по цехам. Начинается рабочий день.

Кто они?

Секретарь парткома Владимир Иванович Кокушкин, его заместитель Борис Евгеньевич Эренберг, заместитель директора Сергей Данилович Данилов, председатель завкома Евгений Георгиевич Михайлов, его заместитель Александр Николаевич Митрофанов, начальники многочисленных цехов. Надо ли их спрашивать, как они относятся к спорту?

Подумайте над этим, руководители заводов! Не завидно ли вам? Вспомните свою молодость. Ведь ее можно продлить!

Скоро рабочий, проходя мимо здания своего спортивного клуба, скажет товарищу:

— Зайдем?

— Зайдем. Надо узнать о туристском походе, — ответит ему товарищ.

В своих нагрудных карманах они с гордостью будут носить билеты заводского спортивного клуба ГОМЗ. Клуба принципиально иного, чем тот, куда постеснялись войти когда-то Крокер и Шелтон.

В строительстве на помощь корейским друзьям всегда приходят советские специалисты.

Богатый улов у рыбаков Синпхо!

15 августа — 15 лет со дня освобождения Кореи от японских захватчиков

С В Е Т С В О Б О Д Ы

Редакция «Огонька» обратилась по телефону к одному из руководителей Союза писателей КНДР, тов. Ли Бук Мену, с просьбой поделиться с нашими читателями своими мыслями в связи с этой знаменательной исторической датой.

Прошло 15 лет, как Советская Армия освободила нашу страну, — сказал тов. Ли Бук Мен. — Конечно, не по гладкому пути шли мы в эти полтора десятилетия. Мы пережили трехлетний жестокий военный пожар, раздутый американскими империалистами и кликой Ли Сын Мана. А потом лечили тяжелые раны, нанесенные войной. Народ наш, удивлявший мужеством и стойкостью весь мир в войне против американских за-

хватчиков, дружно и горячо взялся за строительство новой жизни. Образ легендарного крылатого коня Челлима стал символом небывалых темпов, которыми наш народ, сплотившись вокруг Трудовой партии Кореи, строит социализм.

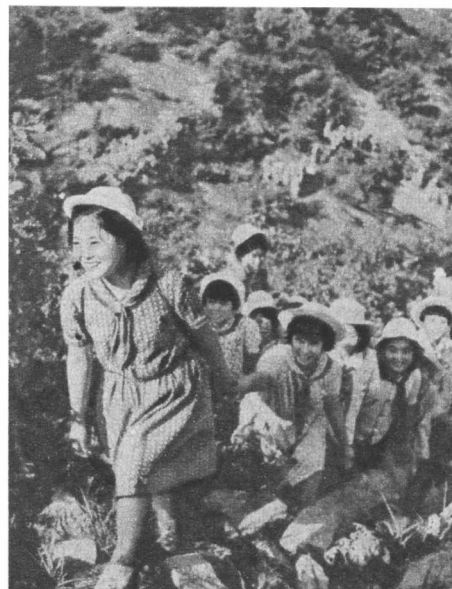
Вы спрашиваете, каковы перспективы на будущее? Всем известно, что корейский народ испокон веков жил дружно, единой нацией. Но из-за захвата Южной Кореи американской военщиной наша страна расколота на две части. 15 лет наши братья в Южной Корее владат жизнь полуголодных рабов, живут в бесправии и нужде. Это адская жизнь. Мы хотим, чтобы южане жили так же счастливо, как мы. И наши сердца бьются сильнее, когда мы видим, что и народ Южной Кореи тоже поднялся на священную борьбу ради новой, светлой жизни. Эта борьба

будет продолжаться. Она не утихнет до того дня, пока не будет объединена наша Родина. Наша партия уже указала реальный путь к мирному объединению Севера и Юга. Мы крепко верим в то, что чем лучше будет жизнь на Севере, тем быстрее мы добьемся объединения нашей земли в одно целое.

Мы счастливо живем в большой и дружной семье стран социализма во главе с великим Советским Союзом. И во время нашей освободительной войны против американских империалистов и в годы послевоенного строительства мы всегда ощущали теплую руку братской, бескорыстной помощи Советского Союза и всех народов социалистических стран. Мы гордимся тем, что на нашей земле процветает благородный дух пролетарского интернационализма, которому мы всегда будем верны.

Любят пхеньянцы свой город.

Фото Центрального телеграфного агентства Кореи.

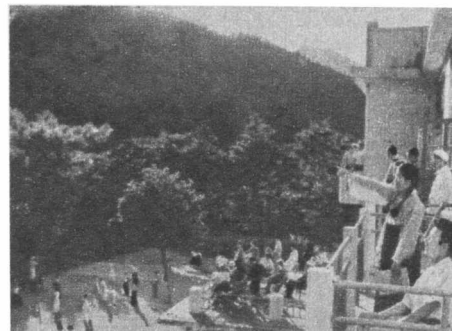

Страна, где дети счастливы, уверенно смотрит в будущее.

Праздник урожая в сельскохозяйственном кооперативе.

Право на отдых дала корейцам народная власть.

В. С. Климашин. ОСЕНЬ В АЛМАЗНЫХ ГОРАХ. Корея.

Повесть

Мария БЕЛАХОВА

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

ПРОДОЛЖЕНИЕ. СМ. «ОГОНЕК» № 32.

Глава 3

Поезд замедляет ход. Москва. Наташа сидит с потухшими глазами, безжизненная, застывшая. На лице ни страха, ни радости — полное равнодушие ко всему. Молчит, даже на вопросы не отвечает. Ирина Андреевна смотрит на Наташу и не узнает ее. Что стало с девочкой? Как будто вытащили душу из человека!

Сейчас встретит Антон свою дочку, и Ирина Андреевна увидит в его глазах жалость. Одну только жалость к девочке и деликатную укоризну в ее адрес.

Поезд остановился. Ирина Андреевна смотрит в окно — Антона Ивановича нет. Уже выходят последние пассажиры из вагона, когда она увидела свою мать.

— Мама! — крикнула Ирина Андреевна.

Екатерина Павловна зашагала быстрее и подошла к окну. Она что-то говорила, но шум стоял такой, что ни слова нельзя было разобрать.

В это время Ирина Андреевна увидела носильщика и дала ему знак. Екатерина Павловна вошла в вагон, когда носильщик связывал ремнями вещи.

— А вот и внучка! Здравствуй, детынька!

Она нагнулась, поцеловала девочку.

— Где Антон, скажи ради бога? — чуть не плача спросила Ирина Андреевна.

— Еще вчера улетел. Куда-то далеко, за границу.

— Как же он мог?!

— Послали. Какая-то там авария на самолете.

Как же это можно? Что она теперь будет делать?

— Когда вернется? Он сказал? — раздраженно спросила она мать.

— Нет, не сказал. Сам не знает. А ты с ума-то не сходи! — рассердилась вдруг Екатерина Павловна. — Когда? Да что? Разве для тебя это впервые? На фронт улетел — вот и все. Давай выходи! Наташенька, детка, пойдем! — обратилась она к девочке.

Они вышли. Носильщик быстро шел по платформе, а Наташа, сутулясь, семенила короткими ножками, как будто у нее связаны ноги. Так ходила она в паре с Галей, когда вся группа гуляла по улице. Так шла она теперь, держась за руку, с бабушкой. А когда Ирина Андреевна пошла вперед, чтобы не отстать от носильщика, Наташа как будто и не заметила этого, продолжала плестись по опустевшей платформе.

Дома девочка оставалась все такой же тусклой и безжизненной. Она не сказала ни одного слова, как ни старались бабушка и Ирина Андреевна расшевелить ее. Кушать она тоже ничего не стала. А когда Ирина Андреевна уложила Наташу в кровать, она закрыла глаза и сразу уснула.

Ирина Андреевна тут же поехала в промто-

варный распределитель. Она сразу использовала все талоны — купила материал на платица, чулочки, штанишки и туфельки для Наташи.

Прошло больше трех часов, а Наташа все еще спала. Она лежала раскидавшись, с красным, пылающим личиком. Ирина Андреевна пощупала лоб и тут же всунула под мышку девочки градусник. Через пять минут вытащила его — тридцать девять и пять!

Правду говорят, что болезнь к человеку приходит, когда не выдерживают нервы.

Наташа болела долго и тяжело. Слабый организм девочки никак не мог справиться с двухсторонним воспалением легких. Пожилой доктор, лечивший Наташу, все больше хмурился.

То, что жена приехала из Ленинграда с дочерью, Антон Иванович Березов узнал через несколько дней. Из Бухареста он позвонил в наркомат авиационной промышленности и попросил секретаршу соединиться по городскому телефону с Ириной Андреевной. Секретарша, держа у каждого уха по трубке, передавала ему все, что говорила Ирина Андреевна, а ей — то, что сказал Антон Иванович.

Вероятно, Березов просил кого-то из министерства оказать помощь жене, потому что на второй же день к ней привезли известного профессора-педиатра. Потом помогли достать пенициллин, который тогда только что начали применять. Этот чудесный препарат спас жизнь Наташи.

Непрерывные волнения и заботы, тревожные бессонные ночи, страх за жизнь девочки крепко привязали Ирину Андреевну к Наташе. Привязали — не то слово, оно выражает что-то внешнее, а Наташа стала частью души Ирины Андреевны. Теперь ей и в голову не приходила мысль, понравится Наташа мужу или нет. Какая ерунда! Об этом нечего и думать!

Отправляя в Ленинград вещи, в которых приехала Наташа, Ирина Андреевна послала и письмо Раисе Яковлевне. Она рассказала о болезни Наташи и спрашивала, как живет Галя. Ирина Андреевна чувствовала себя виноватой перед этой девочкой. Хотя невольно, но она заставила ее страдать. Раиса Яковлевна быстро ответила на письмо. Она дала советы в отношении лечения Наташи и сообщила, что Галя уже живет у хороших родителей, которые в ней души не чают.

Как только Наташа стала поправляться, Ирина Андреевна открыла швейную машинку, и началась пошивка платиц, рубашек, фартуков. Екатерина Павловна распустила старую шерстяную кофточку и завязала носочки. Прошел уже май, в квартире стояла жара, но бабушку это не смущало.

— Готовь сани летом, а телегу зимой!

Спицы так и сверкали в ее руках. А когда

бабушка начала вязать варежки, Наташа каждый час требовала примерки и с удовольствием продевала худую ручонку сквозь квадрат спиц.

Почти ежедневно Ирина Андреевна писала мужу письма, рассказывая о Наташе все до мельчайших подробностей. И, находясь за тысячу километров, никогда еще не выдав своей дочки, Антон Иванович уже многое узнавал о ней. Наташа не выговаривает букв «с» и «ш», заменяя их одной «ч». Это очень потешно! Ночью больная попросит пить и благодарит:

— Чпачибо, мамуча!

Дочка умненькая и с лукавинкой. Ей дают лекарство, она отстраняет руку.

— Чпачибо, не хочу!

Антон Иванович в письмах и телеграммах настойчиво требует, чтобы Ирина Андреевна сообщала ему все новые подробности о Наташе, срочно фотографировала ее и прислала ему карточки. Ирина Андреевна только пожимает плечами. Чудак! Какая фотография, если девочка еще лежит в постели? Приезжал бы ты, Антон, скорее! Разве напишешь обо всем?

Наташа выздоравливала. На щеках ее появился нежный румянец. В ярких, цветных платицах, с большими бантами в волосах она стала неузнаваемой. Но Ирина Андреевна огорчалась: там, в яслях, Наташа была иная, более естественная. Теперь какая-то деланная, ненастоящая.

Трудно взрослым понять маленького человека. Ирина Андреевна знала и видела, как жила Наташа до сих пор. И несмотря на это, она удивлялась и огорчалась состоянием скванности и напряженности, в котором находилась девочка. А ведь Наташе было нелегко. Слишком много всего нового сразу обрушилось на нее. Приезд мамы, поездка в машине, в поезде, тяжелая болезнь, новый дом, где нет детей, нет подруг. На стене висит портрет братика Сережи. А живого его нет, и Наташе не с кем играть. В квартире странные, знакомые вещи: большие кровати, высокие столы, буфет, трельяж, телефон, который сам звонит и с которым мама разговаривает. Все надо понять, запомнить все названия, которые трудно иногда выговаривать.

Легче всего Наташа освоилась с кухней. Ей нравились кастрюли, сковородки, запах вкусной пищи и, главное, нравилось помогать бабушке — резать морковь, капусту, лепить из теста пироги. Но мама не позволяла ей долго сидеть на кухне.

— Здесь жарко и душно, — говорила она.

Наташе не было жарко и душно. Хорошо с бабушкой! Но она покорно шла в комнату, сутулясь и спотыкаясь. Странное дело, если девочка делала что-нибудь неохотно, она становилась обмякшей и тусклой.

Наташа давно уже вместе со всеми ждала папу. Она хорошо узнавала его на всех фотокарточках, которые давала ей Ирина Андреевна. Мама и бабушка говорили, что папа скоро приедет. Слово «скоро» Наташа понимала как «сейчас» и сама бежала к двери, если раздавался звонок. Но пока приходили только письма от папы.

Когда Ирина Андреевна кончила пошивки для Наташи, считая, что у девочки на первое время все есть, Антон Иванович с оказией прислал маленький чемоданчик. Там оказалась уйма красивых вещей для Наташи: панталончики, рубашечки, шапочки, шарфики, носочки, разноцветные ленты и два шелковых платица. — Целое приданое! — восторгалась бабушка.

Наташа неумело увешивалась подарками, смотрела на себя в зеркало и впервые после болезни громко смеялась.

В чемоданчике лежало письмо, адресованное специально Наташе Березовой.

«Моя любимая, хорошая дочка! — писал отец. — Как я рад, что ты выздоровела. Я очень скучаю по тебе. Скоро приеду и привезу тебе большую куклу. Когда она ложится спать, то закрывает глаза.

Поправляйся, не хвори больше. Поцелуй маму и бабушку. Твой папа».

Когда Ирина Андреевна прочитала Наташе письмо, та подошла к ней и сказала:

— Дай поцелую, папа велел.

Она поцеловала мать в щеку, потом повернула ее голову.

— Дай другое лицо!

И поцеловала вторую щеку. Так же она расцеловала бабушку. Письмо взяла себе и положила в кармашек фартука.

Спустя некоторое время Наташа снова попросила мать прочитать письмо. Она была задумчива весь день, а вечером сказала матери:

— Мамуча, поедem чами к папе. Мне его жалко. Он чкучает. И кукла там одна.

Девочка вытянула нижнюю губу, готовая расплакаться.

— Но ведь папа скоро сам приедет, он же написал тебе!

— А когда будет папино чкоро?

Однажды, когда Ирины Андреевны не было дома, раздался, резкий, незнакомый звонок в дверь. Бабушка побежала открывать и, крикнув «сынок!», вдруг начала обнимать военного человека. Тогда Наташа тоже подбежала:

— Папа!

Военный посмотрел на нее, широко раскрыл глаза от удивления и медленно проговорил:

— Это что за человек?

Бабушка рассердилась вдруг на него:

— Володя! Ну как тебе не стыдно. Неужели ты не узнал Наташу? А ты, детынька, ласково обратилась она к Наташе, — как же ты-то перепутала! Это дядя Володя, брат твоей мамы, мой сын. Он только тем и похож на папу, что форма военная.

Бабушка говорила, а дядя Володя стоял все такой же удивленный и растерянный. Потом, когда бабушка строго посмотрела на него и осуждающе покачала головой, он вдруг засмеялся, хлопнул себя по лбу и сказал:

— Какой я дурень! Так это ты, моя племянница! Так выросла!

Дядя поднял Наташу, как перышко, выше своей головы и колючими губами поцеловал ее. И сразу началось веселье.

Дядя Володя затеял с Наташей игру в прятки. Сам он не умел прятаться, Наташа его сразу находила. А он Наташу никак не мог отыскать. Наташа сидит под столом, а он ищет ее в буфете, на книжных полках, даже в книжках. Раскрывая то одну, то другую книгу, он говорит:

— А может, она здесь, моя племянница!

Когда пришла домой Ирина Андреевна, она удивилась: Наташа бегала, визжала от радости, толкала дядю Володю. Куда девалась ее скованность! Ирина Андреевна ревниво посмотрела на брата. Сумел человек так растормошить девочку!

К огорчению Наташи, дядя Володя пробыл всего сутки. Он сказал, что приедет к ней снова, когда побьет всех фашистов.

Наконец была получена долгожданная телеграмма: «Буду двадцатого Киевском вокзале шесть утра».

Укладываясь спать, Наташа знала, что завтра, когда проснется, папа уже будет дома.

Она проснулась ночью:

— Папа приехал!

— Да что ты! — заворчала бабушка. — Ночь еще, я только уснула. Он завтра приедет.

Наташа просыпалась еще несколько раз, но в квартире было тихо и темно. А потом она крепко-крепко уснула.

Антон Иванович едет с женой с вокзала. Ему не хочется ни о чем рассказывать, хотя поездка была интересной. Он не хочет и жену одолевать вопросами. Скоро он сам увидит дочку. Не надо бы сейчас вспоминать родное личико сына с каштановой челочкой. Не надо сравнивать или противопоставлять. Но он поневоле вспоминает Сережу. К горлу подкапывается ком и душит.

Квартира встречает хозяина ласково. Как всегда при встречах после долгой разлуки стол накрыт и по квартире разносится аромат традиционных бабушкиных пирогов. Но сегодня Антон Иванович этого не замечает.

— Где она? — спрашивает он бабушку.

— Наташа спит еще! — отвечает та.

Но он не ждет, распахивает дверь в комнату и подходит к маленькой кровати.

Наташа тотчас открывает глаза.

— Папа!

— Я, дочка!

Она вскакивает, теплыми ручонками обнимает его, целует. А он, прижавшись к ее тельцу, весь замер от детской ласки, тепла, доверия. Потом отстранил ее немного от себя, посмотрел на сонное личико с яркими толстыми губками, розовыми щеками, чистыми глазками и снова прижал к себе.

— Радость ты моя! Солнышко!

Бабушка закрыла лицо фартуком и вздрагивала всем телом. Ирина Андреевна стояла и не замечала, как текли слезы по ее щекам.

Где-то там, на работе, Антон Иванович главный. За ним приезжает машина ему звонят по телефону, обо всем спрашивают, советуются. Но дома хозяева они, женщины, Ирина Андреевна, бабушка и Наташа. Конечно, главная хозяйка — Ирина Андреевна. Но Антон Иванович не всегда ее слушается. Вот если что-нибудь скажет или захочет Наташа, ей он никогда ни в чем не откажет. И Наташа, сама еще беспомощная и неловкая, сразу почувствовала свою власть над отцом.

Она не злоупотребляет этой властью. Нет. Папа приезжает с работы усталый, немножко сердитый. И, как мама говорила в вагоне, глаза у него становятся действительно круглые, невнимательные, как будто он никого не видит. Но обнимет его Наташа теплыми, мягкими ручонками, поцелует в колючую щеку влажными губками — папка сразу заулыбается, глаза становятся узкими, как щелочки, веселыми и хитрыми. Наташа помогает накрывать на стол, укрывает отца пледом, когда тот ложится на диван отдыхать. Если папа спит, ходит тихонько, на цыпочках. Отдохнул отец — Наташа к нему, и вся власть в ее руках. Захочет гулять — пожалуйста, с удовольствием!

— Одевайте мне дочку покрасивее, — говорит он. — Мы уходим. Когда вернемся, неизвестно.

Захочет Наташа играть в прятки — ну, что ж, не возражаю! Но этого не любит бабушка, потому что в квартире все становится вверх дном и так шумно, что хоть уши затыкай.

Ирина Андреевна удивлялась: видно, с возрастом человек становится мягче, добрее. Когда-то Антон гораздо строже и трезвее относился к своему сыну. Конечно, Наташа больше всего нуждается в ласке. Но Антон Иванович уж слишком ее балует. Надо вырастить хорошего человека. Надо уметь направить его, поддержать, уметь не только одобрить, но и сказать неприятное «нет», «нельзя», «плохо». У Березовых как-то само собой получилось, что эта неприятная и тяжелая сторона воспитания легла на Ирину Андреевну. Когда она упрекала в этом мужа, Антон Иванович оправдывался:

— Ты права, Иринушка. Но что я могу сделать? Я так мало ее вижу! Да и не знаю, как мне ее воспитывать. Ты подскажи. Хотя она, плутовка, все равно меня не послушается!

И, видно, Антону Ивановичу очень приятна была мысль, что Наташа его не послушается, потому что при этих словах он так довольно улыбался, что Ирина Андреевна поняла всю бесполезность дальнейших разговоров.

Для Наташи непререкаемым авторитетом была только мать. Если в действиях отца она усматривала слишком большую самостоятельность, то обязательно спрашивала:

— Папа! А ты маму чпочил?

Антон Иванович, пряча улыбку, отвечал:

— Конечно, спросил! Разве можно без разрешения мамы такое затевать!

Затеи были довольно однообразные, но всегда приятные для отца и дочери. Они отправлялись вдвоем гулять, покупали конфеты (их Наташа съедала сколько угодно), мороженое и разнообразные игрушки. Домой возвращались всегда с опозданием и молча, покорно выслушивали упреки матери и бабушки.

Ирине Андреевне начинало казаться, что Наташа больше любит отца. Он всегда для девочки праздник. С ним связаны только удовольствия. Так, вероятно, думал и Антон Иванович. И однажды, желая похвастаться своей победой, он затеял шуточный разговор.

М. ДОКУЧАЕВ,
главный инженер «Союзвзрыв-прома»

Правду говорят, что у многих людей случай преддрекает судьбу всей их жизни, выбор профессии, путь, с которого они уже не сворачивают. Долго иной раз молодой человек ждал этого случая, ищет, увлекается одним, другим делом и вдруг — нашел! Пожалуй, чувство такое можно сравнить с понятием «любовь с первого взгляда».

Когда меня спрашивают, почему я стал взрывником, сразу вспоминается 1930 год, тесный штрек шахты «Ирминка» на Донбассе. С замиранием сердца я, практикант-студент Московского горного института, несущий взрывную машинку. Впереди шагает широкоплечий человек с мешком динамита, Ваня Лоев, человек удивительной, непостижимой профессии, к которому я назначен помощником.

Вот мы в лаве. Пробурили шпур, заложили патроны, туго забили отверстия глиной. Присоединив детонаторы, вышли наверх. Лоев подает мне машинку.

— Крути!

Руки трясутся от волнения. Что-то будет! И тут все дрогнуло вокруг, сверху посыпалась порода, казалось, многометровая толща земли собралась рухнуть и задуть нас.

— Пошли, увидишь, что натворил, — смеется довольный Лоев. Спустились в лаву. В свете лам-

Продолжение на стр. 25.

З А П И С К И В З Р Ы В Н И К А

В. В.

почек сверкают черным блеском россыпи угля.

— Ну и силища!

Думы о взрыве долго не оставляли меня. И когда нужно было делать курсовой проект, я выбрал тему «Взрывные работы при проходке выработок».

Осенью 1932 года наш институт выпускал первых горных инженеров. Помню, сидели мы в «дипломке» и рассуждали о том, кто куда желал бы попасть. Вдруг сообщают: восемь инженеров нужны молодой тогда организации — тресту «Союзвзрывпром». Я первым предложил свою кандидатуру. Работать в этой отрасли пожелали и мои друзья Иван Мещеряков и Николай Буханцев.

В конторе треста приняли нас с распростертыми объятиями, говорят:

— Первыми инженерами-взрывниками будете, у нас ведь пока одни практики; все на глазок делается, без научных выкладок.

Через месяц с небольшим я уже был в Ташкенте — назначили главным инженером среднеазиатского производственного управления «Союзвзрывпрома».

Труба с трещиной

Первую крупную работу мне предстояло сделать на Куvasайском цементном заводе, близ Ферганы. Предприятию не хватало сырья. Нужно было вскрыть известковый карьер, выбросив двадцать тысяч кубометров грунта.

Составил расчеты. Получалось, что взрыв лучше всего сделать, положив в два заряда три тонны динамита. Сразу три тонны! Даже дух захватило: по тому времени это было грандиозно, ведь в шахтах применяли за раз всего по несколько килограммов.

В августе тридцать третьего года все было готово. Прошли штольни, сделали рассечки-камеры, заложили взрывчатку. И тут произошла неожиданная задержка. Прибежал взволнованный и бледный главный инженер завода Мазуров.

— Братцы, а ведь взрыва делать нельзя! Погубите вы нас.

— Как? В чем дело?

— Да обернитесь назад и поймете. Труба-то наша заводская треснутая, старая, вся на обручах, развалится она.

— До нее же двести пятьдесят метров, — заспорил я, — не заде-нем, аккуратно взорвем.

— А сотрясение земли, а воздушная волна? Нет, нет, я категорически против!

Внутренне я был убежден, что взрыв не принесет вреда злополучной трубе, но доказать не мог. В ту пору сейсмика взрыва еще не была достаточно изучена, и расчеты на нее не делались. Собрал товарищей. Начали думать, советовать. Старые, опытные взрывники убеждали, что все пройдет гладко.

Но Мазуров был неумолим. Сырье нужно, слов нет. Но упадет труба — замрет производство.

И он написал протест в Наркомтяжпром. Пришлось ехать и доказывать возможность взрыва. Разговор кончился тем, что я дал подписку и взял всю ответственность на себя. Признаюсь, когда поезд вез меня в Фергану, на душе стало скверно: «А вдруг свалится проклятая?»

И вот назначен день и час. Поставили оцепление. А за ним, на бугре, — все руководство завода, рабочие. На минной станции я остался с инструктором нашего управления Игорем Романовым. Включили рубильник. И нет, чтобы полюбоваться на свой первый в жизни крупный взрыв, — повернулся и гляжу на трубу. От сильного толчка подогнулись колени. Глухой гул прокатился по окрестностям. А я все жду, не упадет ли. Вот небольшим серым облачком вырвалась из трубы сажа. Стоит!..

Оглянувшись, застал лишь конец взрывной феерии: серую тучу оседающей пыли. До чего же было обидно!

— Молодцы! — кричит, подбегая, Мазуров. Хлопает по плечу и протягивает руку. — Давайте дружить. — И, улыбаясь, добавляет: — Ну и упрямый же ты, как верблюд...

Позднее мы действительно стали с Мазуровым большими друзьями. А через год-другой уже никто не спорил даже тогда, когда мы взрывали и по семьдесят тонн динамита. И труба прочно стояла на своем месте. Но по

установившейся традиции, прежде чем включить рубильник, взрывники кланялись «старушке» и говорили:

— Извините за беспокойство!

Осушение... динамитом

Все началось с короткого разговора.

...В ту пору шло освоение плодородной Вахшской долины. Нужно было построить большой канал, отвести воды реки Вахша, а затем осушить многочисленные малярийные болота и озера. Малярия в тех местах буквально косила людей...

— Канал построен, — сказали нам. — От реки его отделяет небольшая перемычка. Думается, вам не представит сложности убрать ее взрывом.

— Уберем!

Но после первого же знакомства с обстановкой бодрость нашу как рукой сняло. Кто бы мог предположить, что перемычка находится всего в тринадцати метрах от главного сооружения канала! Это похуже трубы загвоздка. Стоит немного ошибиться, и все пойдет насмарку. Грунт на перемычке скальный.

На всякий случай решили обратиться за помощью в Москву. Приехал опытный практик-взрывник Николай Яковлевич Золотарев.

Приехал, посмотрел. Говорит:

— Можно, начинайте подготовку.

Неоценимую услугу оказал нам

тогда Золотарев. Учились мы у него скрупулезной аккуратности во всем: и как лучше класть взрывчатые вещества — «В.В.» и как монтировать электровзрывную сеть.

В назначенный день перемильча взлетела в воздух, вода пошла в канал.

Вахшская долина! Сколько воспоминаний связано с ней: жаркое солнце, соленый, едкий, как уксус, пот, духота, тучи комаров. Машина в ту пору почти не было, и каждый метр земли отвоевывался у природы лопатой да мотыгой. Золотарев не торопился возвращаться в Москву. Нас обоих увлекла одна идея: а если осушить болота и озера взрывами? Решили попробовать. С энтузиазмом поддержал нас и Семен Лазаревич Затлотский — начальник участка.

Проба оказалась удачной. Взрывом на выброс была образована траншея глубиной до пяти метров, именно такая, какая требовалась. И началась работа. Теперь чуть ли не каждый день долина сотрясалась от взрывов. Траншеи-арыки доводились до Вахша, в него-то и стекали воды болот и озер. К началу 1934 года с помощью взрывов было образовано около двухсот километров таких мелиоративных сооружений. Расширились посевные площади под хлопчатник, отступила малярия.

После осушения Вахшской долины нашему управлению поручили добывать камень и рыть грунт на строительстве Чирчикской ГЭС. Признаться, дело это мы выполняли без особого воодушевления. Хотелось много, над чем можно было поломать голову, понервничать, поспороть.

И вдруг неожиданно: «Сможете построить взрывом плотину?» Подобных работ еще не знала мировая практика. И сразу вот так ответить «сможем»?

— Дайте несколько дней для исследования, — попросили мы.

...Сооружение ГЭС на Чирчике уже началось. Чтобы пустить воды в отводной канал, необходимо было перекрыть реку. Иными словами, нам предлагали оторвать у берега громадный кусок земли и швырнуть его в русло. Швырнуть метко, так, чтобы сразу остановить поток, создав на пути его высокую и прочную стену.

Внимательно изучив рельеф берега — высота его была 12 метров, — мы наконец нашли способ удивительно удобный и простой. Направленно бросить грунт в реку решили по принципу, которым уже не один век пользуются дровосеки. Вспомните: чтобы свалить дерево в желаемом направлении, они вначале подрубают с этой стороны ствол, пилить начинают несколько выше засечки, по другую его сторону. Каким бы ни было дерево гигантом, оно послушно валится туда, где поработал топор.

Так мы поступили и на Чирчике. Снизу под берег заложили вспомогательный заряд, основной — восемнадцать тонн — подальше от реки и повыше. Электровзрывную сеть смонтировали таким образом, чтобы сначала сработал вспомогательный заряд — сделал подсечку, а секундой позже — основной. Замысел полностью оправдал себя. Чирчик был успешно перекрыт.

...В 1935 году наркомат решил пересмотреть и значительно улучшить технику взрывных работ на горных предприятиях Советского

Союза. Меня вызвали в Москву. Нужно отметить, что результаты при добыче угля не всегда были удачными.

Создали специальную комиссию во главе с академиком И. П. Бардиным. Я занимался в ней буровзрывными работами. Исколесили чуть ли не всю страну. А когда шахта стала для меня, как говорится, родным домом, снова пришлось подняться на поверхность. «Союзвзрывпром» перевел меня в аппарат треста разрабатывать проекты крупных промышленных взрывов.

Трофейным динамитом

Однако осуществить их не удалось. Над Родиной загрохотали взрывы войны. Многие наши специалисты отправились тогда на поля сражений, чтобы применить свои знания для победы над врагом. Кто рушил, глотая слезы, вздвигнутые с такой тщательностью и любовью цеха заводов, мосты и шахты, чтобы они не достались врагу; кто, ежесекундно рискуя жизнью, вывозил из городов и уничтожал неразорвавшиеся фашистские бомбы.

В августе 1941 года мне приказали выехать в район Селижарова, Калининской области.

— Установите возможность строительства противотанковых рвов взрывами на выброс, — сказали мне перед отъездом в штабе фронта. — Очень надеемся на вашу помощь, вручную такие сооружения копать некогда...

В Селижарове стало известно, что враг уже недалеко. Ждать нельзя ни минуты. Потребовали взрывчатку, и началась упорная, напряженная работа без сна и отдыха. Вздохи наших взрывов перекликались с гулом канонады приближающейся линии фронта. В течение нескольких дней на этом участке было сделано более 83 километров рва. Позднее он сыграл очень большую роль: на нем отважные советские воины надолго приостановили продвижение фашистских войск к Москве.

...В сорок третьем году меня вызвали в наркомат и заявили:

— Приступайте к выполнению своих прямых обязанностей.

— То есть каких прямых?

— Хватит заниматься войной, настраивайтесь на мирный лад. Вот направление в Узбекистан.

Никакие отговорки не помогли. Снова Средняя Азия. В том же году по методу направленного взрыва была уложена плотина на строительстве Бозсуйской ГЭС. Затем сооружение металлургического завода, гидроэлектростанции, каналы...

Примечательно: эти работы мы уже производили не динамитом или аммонитом, а трофейной немецкой взрывчаткой, минами и снарядами. Осторожность требовалась особая.

Сумасшествие! Нет, расчет

Мирные взрывы с новой силой загремели после окончания Великой Отечественной войны. В самом деле, где только они не требовались: восстанавливались города, разрушались руины, возводились мосты и прокладывались дороги! «Союзвзрывпром» вырос, пополнился тысячами новых специалистов, буровых и взрывных мастеров. Теперь уже каждая союзная республика, каждый про-

мышленный район имели свои управления.

Наиболее крупной послевоенной работой была надстройка Кассансайской плотины. Ее водохранилище нужно было увеличить с семи миллионов кубометров до пятидесяти. Задача заключалась в том, чтобы суметь бросить взрывом на уже существующую плотину еще 330 тысяч кубометров грунта, да так, чтобы не раздавить ее, не повредить донные отверстия.

Споров было немало. Тогда-то мы и обратились за помощью к видным советским ученым. На наш призыв откликнулся член-корреспондент Академии наук М. А. Садовский, доктор технических наук Г. И. Покровский и И. С. Федоров. Они взвесили все обстоятельства и дали отправные расчеты: как произвести взрыв, чтобы сейсмические колебания не разрушили донных отверстий.

В сорок седьмом году произвели взрыв. В одну камеру был уложен невиданный еще заряд — 400 тонн аммонита. И все произошло именно так, как предсказали ученые.

С этой поры дружба с учеными крепла из года в год. И особенно она проявилась в 1952—1953 годах, когда «Союзвзрывпрому» поручили вскрывать Алтынтюпканское свинцовое месторождение. Рассчитали, что для образования нужного котлована потребуется в одной камере взорвать 1 600 тонн. Проект всколыхнул всех специалистов. Каких только не было мнений! Некоторые считали, что это — сумасшествие.

Поддержали нас ученые. Взрыв подтвердил верность проекта и позволил установить новые положения для расчета зарядов на глубины более двадцати метров.

Кстати, взрывные работы на Алтынтюпкане позволили сократить срок строительства рудника почти на три года и дали экономии средств более одиннадцати миллионов рублей.

Один взрыв — тысяча вагонов аммонита

Летом 1956 года в провинции Ганьсу, Китайской Народной Республики, жители были свидетелями удивительного зрелища. Над скалистыми сопками Баиньчана, в двадцати километрах от реки Хуанхэ, к небу поднялся высоченный столб дыма и красноватой пыли. Так началось рождение нового в Китае металлургического гиганта — Баиньчанского медносерного комбината.

О сокровищах Баиньчана китайские геологи знали давно. В далекие времена здесь даже велись мелкие разработки. Но добраться к основному рудному телу было почти невозможно. Оно лежало глубоко под землей, и сверху его охраняли каменные сопки.

Победить природу задумали специалисты молодой Китайской Республики. Начались исследования. Путь шахтной проходки был быстро отвергнут: долго и дорого. Сровнять сопки и вести добычу открытым способом — это мнение было общим. Вот тогда-то и решили взорвать каменную броню рудного тела.

В Китае раньше никогда не проводилось крупных взрывных работ, и поэтому специалисты обратились к нам за помощью. Сделали проект. Для взрыва нужно около тысячи вагонов аммонита. Чтобы удешевить работы, половину

дорогостоящего взрывчатого вещества заменили селитрой.

Когда проект был одобрен, приехали на место.

Немало хлопот доставила нам закладка зарядов. В горах оказалось много древних пустот: в далекие времена здесь добывали серебро и медь, — сопки были изрыты узкими норами, нередко встречались и большие камеры. Прежде чем вести зарядку, нам пришлось тщательно изучить все эти сооружения: пустоты могли ухудшить результаты взрыва. В эти «лисы норы» спускались разведчики. В одну из таких разведок обрушившиеся породы завалили нашего инженера В. Саса и закрыли выход из камеры группе китайских взрывников. Правда, их быстро откопали, и все обошлось благополучно.

Первый взрыв — 19 июня 1956 года... А сейчас баиньчанские медные руды уже разрабатываются карьерным способом...

И снова работа в своей стране, дома.

На севере Свердловской области, рядом с поселком Покровско-Уральское, находится богатое железорудное месторождение. Руды его славятся: высоко в них содержание металла. Однако в последние годы запасы стали истощаться. В пору было закрывать рудник, но пришли на выручку геологи. Совсем рядом с поселком они обнаружили новые богатые залежи. Вот тут-то и встал вопрос о реке Колонге. Протекая над месторождением, она заводила грунты своей студенкой водой. Шахтную разработку поэтому вести было почти невозможно. И решили тогда дать Колонге новое русло. Совместно с инженерами института «Уралгипроруда» нам предложили разработать проект строительства взрывом канала. Работы возглавил Н. М. Рождественский, начальник «Уралвзрывпрома».

По трассе будущего канала пришлось пройти 127 шурфов глубиной до 26 метров, соорудить столько же минных камер. Проходчикам сильно мешала Колонга, обильно насытившая почву влагой.

Завершающий взрыв 25 марта 1958 года был самым крупным промышленным взрывом, когда-либо произведенным в СССР...

Несколько лет назад началось сооружение Терско-Кумского канала для орошения засушливых Ногайских степей. Основное количество воды должен был дать Терек. Но чтобы заставить его поток устремиться в головное сооружение, которое находится близ Моздока, необходимо было перекрыть русло реки.

Проект мы поручили делать инженеру Александру Николаевичу Кобзеву. Он пришел к выводу, что для образования плотины лучше всего применить многоступенчатые взрывы. Одного было явно недостаточно: могучие воды способны смыть породы даже в период броска. Серия взрывов — вот правильное решение.

Первый мы произвели несколько выше будущей плотины. Он сбросил с берега 20 тысяч кубометров грунта и частично приостановил потоки длиною более километра. Одновременно возникли две рассекающих волны: одна пошла навстречу течению, сдерживая поток, вторая — вниз. На несколько минут дно ниже взрыва

обнажилось: вода откатилась. Если хотите примерно представить себе эту картину, попробуйте произвести такой опыт. Подойдите к ручью и ударьте палкой попеременно по течению. На мгновение он как бы подсохнет, обмелеет. Вместо палки и сработал у нас первый взрыв. Вторым, основным мы бросили в реку 40 тысяч кубометров грунта в тот момент, когда нижняя волна прошла створ плотины. А чтобы усилить устойчивость перемычки, одновременно произвели и третий взрыв. Он добавил еще 10 тысяч кубометров земли. Работы на Тереке были признаны уникальными.

А мы будем строит!

Думается, читателям «Огонька» интересно будет узнать о некоторых наших планах. Ну, прежде всего я должен сказать, что взрывам в Советской стране открыта, как говорят, «зеленая улица». При Сибирском отделении Академии наук СССР, например, создан специальный научный совет по народнохозяйственным взрывам.

...Неподалеку от столицы Казахстана расположен знаменитый высокогорный каток Медео, где нередко проходят соревнования. К этим поистине чудесным по красоте местам Заилийского Ала-Тау уже много лет приковано внимание ученых. Дело в том, что ущелья эти — давнее русло селей, грязекаменных лавин.

Там, где стоит теперь Алма-Ата, раньше был небольшой городок. В 1921 году здесь произошла страшная катастрофа. Сильный ливень вызвал интенсивное таяние снегов на хребтах, и мелкие горные речки превратились в могучие водные потоки. Они увлекали за собой рыхлые горные породы, несли громадные камни. Вырвавшись с бешеной скоростью из урочищ Чимбулак и Медео, они устремились в долину реки Малая Алма-тинка, а по ней прямо на город. Погибли сады, оказались разрушенными сотни домов, не обошлось и без человеческих жертв.

Специалисты установили, что такие сильные лавины могут повторяться здесь примерно раз в 80—100 лет, а небольшие низвержения — довольно часто. Причем потоки постоянно движутся одним путем. Русло реки стало своеобразной катапульты, которая может неожиданно швырнуть на город миллионы тонн камней и грязи. Известно, что вес одних только камней лавины 1921 года равнялся примерно трем миллионам тонн.

Не случайно поэтому встал вопрос защиты Алма-Аты от грозных сил стихии. Специалисты создали много проектов, все они сводились к одному: путь селям нужно преградить высокой и прочной дамбой-плотиной. Стоимость работ по всем проектам оказалась очень высокой — около двухсот миллионов рублей. Строительство еще осложнялось и тем, что плотину нужно было возвести в 11 километрах от Алма-Аты, в горном районе, на высоте 1900 метров над уровнем моря. Тогда предложили осуществить эту работу нам.

Проект взрыва уже разработан. Взрыв бросит в тело плотины 4 миллиона 540 тысяч кубометров грунта. Перед плотиной образуется селеуловитель — прообраз водохранилища. В случае низвержения грязь, камни, стволы деревьев,

вынесенные потоком, задержатся в этом резервуаре, а вода по особому туннелю под дамбой пройдет в русло реки. Сравнительные подсчеты показали, что стоимость взрыва обойдется в десять с лишним раз дешевле по сравнению с обычными земляными работами.

Скоро жители Алма-Аты будут свидетелями грандиозного «защитного» взрыва.

И еще один проект, о котором я не могу не рассказать. Это, если хотите, вершина промышленных взрывов, когда-либо сделанных на земном шаре. Речь идет о проекте вскрытия так называемого Нерюнгринского месторождения коксующихся углей в Южной Якутии. Это превосходная топливная база для строящегося Тайшетского металлургического завода.

Специалисты института «Центрогипрошахт» пришли к выводу, что для открытой добычи угля необходимо создать широкую траншею глубиной до 96 метров. Расчеты на вскрытие таких глубоких карьеров взрывом никогда и никому еще делать не приходилось. Поэтому, когда «Союзвзрывпрому» предложили составить проект, мы назначили большую группу своих инженеров.

Первый вариант оказался мало-реальным. Уже очень много потребовалось бы взрывчатки — 678 432 тонны; мощность такого взрыва равнялась бы примерно мощности водородной бомбы.

— Дорого, — решили мы и остановились на втором варианте. Его одобрили академик М. А. Лаврентьев, член-корреспондент Академии наук СССР М. А. Садовский и доктор технических наук Г. И. Покровский. По этому варианту вскрывать Нерюнгринское угольное месторождение решено двухрядным взрыванием. На полосу шириной в семьдесят и длиной в тысячу пятьсот метров будет пройдено сорок шурфов на глубину в среднем до 45 метров. В большие минные камеры на дне этих колодцев заложат 55 588 тонн взрывчатки. Таким образом, работы обойдутся значительно дешевле, чем в первом варианте. К тому же и сила взрыва уменьшится. Она будет примерно равна мощности трех атомных бомб — таких, как сбросили американцы в 1945 году на Хиросиму. Взрыв наш поднимет на воздух одновременно 10 миллионов кубических метров породы и откроет доступ к углю примерно на три-четыре года раньше, чем это можно было бы сделать самыми совершенными землеройными механизмами.

...Я рассказал лишь о наиболее значимых и эффективных мирных взрывах. С их помощью добывается и дробится строительный камень, пробиваются туннели, воздвигаются плотины и роются каналы. Взрыв открывает месторождения полезных ископаемых и котлованы для строительства зданий.

Нет сомнения, что придет такое время, когда порох, динамит и тротил будут производить только для хозяйственных целей. Людям земли не нужно взрывов-разрушителей. Пусть гремят над нашей планетой только мирные, созидательные взрывы!

Литературная запись
А. ТАРАДАНКИНА.

Мистер Смит

Акция компании «Рашен реконстракшен фармз, инкорпорейтед», приобретенная Филиппом Смитом в 1925 году.

Джеймс Смит, директор совхоза «Терек» В. Солдатенко и Филипп Смит на совхозных виноградниках.

Фото автора.

На минеральных

А. СЕРБИН

Из двух братьев Смитов Джеймс был старшим: ему уже стукнуло семьдесят три. А Филиппу было всего семьдесят один. Наверное, поэтому Джеймс брал инициативу в свои руки и представлял собеседнику и брата и себя. Делал он это всегда одинаково и немногословно:

— Мы братья Смиты.

Иногда он бывал более разговорчивым:

— Мы фермеры.

А когда его разговорчивость достигала высшего предела, добавлял ко всему:

— Из Пенсильвании.

Впрочем, установить, что оба брата фермеры, можно было и без этого: по большому от крестьянской работы рукам, по простым манерам и по тем репликам, которыми обменивались они,

сидя в машине, подпрыгивавшей на не всегда ровных дорогах Ставрополя. Вертя головами, братья подталкивали друг друга под бок.

— Смотри-ка, какая кукуруза! О!

Или:

— Неплоха у них здесь земля, верно?

И чувствовалось, что им очень хотелось остановить машину, подойти к этой земле и мять ее пальцами, вдыхая свежий и жирный ее запах. Но братья торопились. Шофер прибавлял газ и с веселым недоумением допытывался у переводчика, чего нужно здесь этим двум седым американцам, свернувшим с удобных туристских дорог.

Когда в Кремле Анастас Иванович Микоян принимал группу американских туристов, Филипп

В о г а х

СТАВРОПОЛЬЕ

Смит спросил его: может ли он, Смит, поехать туда, где в 1925 году он вместе с несколькими десятками других американцев помогал Советской России восстанавливать сельское хозяйство? Ему очень хотелось бы снова посмотреть на те места, где тогда он провел около двух лет. Смутно вспоминалось, что это было где-то недалеко от города Минеральные Воды, в степи. Названия этих мест звучали в американском произношении несколько странно: «Мозлоувкут» и «Плэкскэ».

Но теперь все было установлено точно. Машина шла к быстрорастущему городу Ставрополя Прикумску, недалеко от которого, почти рядом друг с другом, две железнодорожные станции — Маслов Кут и Плаксейка. Филипп Смит ехал туда вместе с братом Джеймсом, неисправимым домоседом, впервые в жизни пересекшим пределы США.

...Жарило солнце; машина то мчалась по асфальту недавно проложенного шоссе, то вновь ныряла в пыль проселков; проносились мимо поля с густой пшеницей, с высоченной кукурузой, пастбища с большими отарами овец. Филипп Смит, не сводя со всего этого глаз, рассказывал:

— Наше семейство — настоящие американцы. Мои предки приехали в Америку еще в семнадцатом веке. С тех пор Смиты и живут в Пенсильвании. Они всегда придерживались либеральных взглядов. Во времена рабства Смиты помогали созданию «подземной железной дороги», по которой рабы-негры бежали с Юга на Север. Сам я в 1912 году на президентских выборах голосовал за социалиста Юджина Дебса. Когда в вашей стране произошла революция, на собрании фермерской организации «Грейндж» я сказал моим друзьям: «Новая яркая звезда свободы взойшла на Востоке. Припомните мои слова — это событие будет самым важным...»

В те времена Филипп Смит знал о России немного. Вот если бы послушать того, кто сам побывал там и своими глазами видел, что там происходит!..

Такие люди находились. Среди других вернулся из России Линкольн Стеффенс, знаменитый американский журналист. Для него поездка в Советскую Россию была поездкой в будущее. Стеффенс объехал все Соединенные Штаты, рассказывая о русской революции и призывая американцев помочь русским. Филипп Смит ходил слушать Стеффенса.

То, что узнавал Смит о Советской стране, не делало его коммунистом. Верный традициям своего рода, он оставался квакером. Но чувство симпатии к русским, пролагающим дороги к своему счастью, крепло.

В середине двадцатых годов Филипп Смит встретился еще с одним американцем, вернувшимся из России, — человеком, с которым он когда-то вместе учился в колледже. Звали его Гарольд Уэр.

— Во время своей поездки с лекциями по Штатам Линкольн Стеффенс собрал семьдесят тысяч долларов, — рассказывал Смит. — На эти деньги было решено закупить продовольствие для русских.

Но Гарольд Уэр, который был

секретарем Стеффенса, убедил его передать деньги ему, чтобы купить на них трактора. Так и было сделано. Собрав группу добровольцев, Гарольд Уэр отправился с ними и с купленными тракторами в Россию. Он работал там около года, а когда вернулся назад, создал компанию, которая получила название «Рашен реконстракшен фармз, инкорпорейтед».

Смит доверительно наклонился ко мне и сказал:

— Уэр был коммунистом. И очень хорошим моим другом. Он был замечательным человеком, Гарольд Уэр. Очень здорово чувствовали это женщины: не было ни одной, которой он бы не нравился. Но Гарольд был человеком дела, целеустремленным и волевым. Я думаю, что если бы Гарольд Уэр захотел, он мог бы стать министром, государственным деятелем.

— А что случилось с «Рашен реконстракшен фармз»? — спросил я.

— Компания выпустила акции, и я купил несколько штук. Покупали и другие. Мы, конечно, не рассчитывали на прибыли. Покупали потому, что хотели помочь России. На эти средства купили сельскохозяйственное оборудование. Потом Гарольд Уэр стал снова собирать людей, чтобы отправиться в Россию и организовать там опытную ферму. Тогда-то он и предложил мне ехать к вам.

— И вы?..

— И я поехал. Не без колебаний, конечно. Знаете, фермер хочет все сам пощупать руками, прежде чем решить что-нибудь. Но мне было легче решать: я верил Гарольду Уэру.

...Летом 1925 года из нью-йоркского порта к берегам Европы вышел небольшой пароход, принадлежавший французской компании. На пароходе был только один класс, и его заполняли американцы, ехавшие в Россию. В трюмах покоилось оборудование для фермы. В Испании, в Греции, в Турции пароход заходил в порты. Послевоенная Европа производила тяжелое впечатление. Больше всего врезалось в память Филиппа Смита настроение людей: это была какая-то безысходность, разочарование, апатия.

— Совсем другая атмосфера окружила нас в России, — вспоминает Смит. — Разных людей мы встречали. И босые были и одетые в тряпье. Но каждый нес в себе какую-то большую надежду. Словно каждый хотел сказать: «Будущее теперь мое»...

— Маслов Кут! — громко сказал шофер. — Во-он, видите домики?..

Смиты прильнули к окну машины. Впереди белели строения, стояли деревья, а дальше, отмеченная неширокой полоской леса, текла быстрая и мутная река Кума.

Смит взволнованно искал знакомые места. Найти их было нелегко. Здесь прошла война. Теперь много построено нового. Там, где когда-то были землянки, стоял ряд аккуратных домиков; несколько площадок было расчищено для нового строительства.

— Так что же было, когда вы приехали в Маслов Кут? — задал я вопрос, продолжая разговор.

— Мы начали работать, — отве-

чал Смит, отрываясь от окна. — Дел было много. Я работал на животноводческой ферме. Вместе с русскими. А на тракторах рядом с американцами сидели русские красноармейцы. Это не значит, конечно, что нас тут держали под стражей. Русское правительство присылало к нам молодых ребят из армии, чтобы американцы научили их водить трактора. Помню, был у меня разговор с одним таким парнем. Во время гражданской войны он был партизаном. Рассказывал, как они сражались с белыми. И холодно было и голодно. Иной раз ели только птиц, которых удавалось подстрелить. Но больше всего он любил говорить о будущем. Была в нем огромная уверенность, что Россия станет могущественным государством. О, это были просто замечательные парни!..

В Масловом Куте находится теперь совхоз «Терек». Директор совхоза Василий Солдатенко, молодой, широкоплечий гигант, пригласил американцев в кабинет. Джеймс Смит представился: «Мы братья Смиты». И тут же Филипп Смит засыпал директора вопросами:

— Вы говорите, «Терек» — винодельческий совхоз... Около ста восьмидесяти гектаров виноградников... А сколько сейчас?

— Около тысячи.

— А доходы?

— В прошлом году было шесть миллионов рублей. В этом будет больше.

Филипп Смит выразительно посмотрел на старшего брата.

Потом директор рассказывал, что в совхозе заложен новый большой сад, что виноградники обрабатываются тракторами, что рабочие строят себе дома. Смит кивал удовлетворенно головой и тщательно заносил все в записную книжку. Помолчав немного, он почти умоляюще сказал директору:

— А нельзя ли разыскать хоть кого-либо, кто работал здесь вместе с американцами?

Таких оказалось двое — Сурен Аветович Ягмуров и Дмитрий Григорьевич Подольный. Наступил час воспоминаний.

— Помните Эйвэрсена?

— Джорджа? Это которого Георгием Ивановичем звали? Как же, конечно! Сильный он был. Было, конечно, трое бочку на попу ставят, стараются вояку, а он один подойдет, плечом упрется — и готов!

— Правильно, это Джордж был! — воскликнул Филипп Смит. — Он еще жив.

— Привет ему передайте.

— А Дена Стивенса помните?.. А Эттола Энгстрема?

— Эттол, высокий такой?

— Да, да!

— Помним и его.

— А еще Джо Брокер, в тракторной мастерской...

И выясняется, что и Джо Брокер был славным парнем, веселым и — что было, то было — любил выпить. Все они были хорошие, честные ребята. Как их не запомнить! В трудные для Советской страны времена они оказались друзьями.

Американских гостей повели на виноградники, в новый сад, который уже плодоносит, на винодельческий завод. Нарушая квакерские законы, гости поднимали бокалы за дружбу американцев с

русскими, за прежнюю и за новую, которая должна быть. А в бокалах искрился удивительно ароматный, золотого цвета мускат, получивший три золотых медали на международных ярмарках вин.

После осмотра совхоза Филипп Смит подошел и ткнул меня кулаком в бок.

— А вы не теряли здесь зря время! Теперь догоняете нас, да? Надежды двадцать пятого года становятся реальными делами.

...Из Минеральных Вод я летел с братьями Смитами на самолете. Джеймс, как обычно, был молчалив, а Филипп задумчиво смотрел в окно. Потом он повернулся ко мне и сказал:

— Вас двести с лишним миллионов, да нас, американцев, сто восемьдесят. Вместе четыреста миллионов. Это же сила! Если бы мы были вместе, сколько можно было бы хорошего для людей сделать!

Он порылся в сумке и вытащил оттуда вырезку из газеты.

— Это письмо, которое я написал перед отъездом сюда в газету графства Бокс, где я живу. Прочтите.

«...Жизненно важный вопрос состоит в том, — читал я, — окажется ли наш народ в этот год президентских выборов мудрым, примет ли окружающие факты с точки зрения новой, разумной программы установления мира, или перед ним встанет преграда из страха и фальшивых обещаний, которую сооружают для того, чтобы он поддерживал руководство, преданное войне...»

Инцидент с самолетом «У-2» полностью противоречит правилам ответственного поведения на международной арене и международному праву... Вместо того, чтобы искать, где находятся советские ракетные базы, мы должны убедиться в истинном характере советских намерений. Когда Советы предлагают разоружиться и установить контроль, наше правительство, чтобы проверить их искренность, должно пойти на эти предложения...

Некоторые из хорошо информированных американцев ставят под вопрос искренность стремления наших лидеров к разоружению во имя укрепления мира. Комиссия по атомной энергии и опеределенные военные руководители дали ясно понять, что они против любой программы разоружения, даже если бы мы склонили русских согласиться на все, что мы просим...»

— Вы должны понять, — проговорил Филипп Смит, — почему я критиковал Америку. Это не значит, что я люблю Россию больше, чем мою страну. Нет, Америка — моя родина. Но если у тебя есть сын, который ведет себя плохо, и если ты любишь этого сына, ты должен сказать ему правду о его поведении. Я хочу спасти Америку от того, что Гитлер когда-то сделал с Германией.

Он снова замолчал и стал смотреть в окно. Потом он потянул Джеймса за рукав. Тот тоже посмотрел в окно. Внизу был лес с большими пролысьнами полян.

— Это, наверно, очень хорошие пастбища? — сказал Филипп Смит и тут же добавил утвердительно: — Должны быть очень хорошими.

Джеймс кивнул головой. Он во всем соглашался с братом.

Уральский зарисовки

Анатолий КУДРЕЙКО

Пермь

Из воды возникает прямо
в электрическом свете Пермь;
целым флотом играет Кама,
уносясь под пролеты ферм.
И ее водяную гриву
осыпает огнями мост,
подчиняясь локомотиву,
волочащему длинный хвост.
И мотор, в пути таратора,
суетится на катерке.
И внезапная близость моря
ощущается в ветерке.
В пермский шлюз чернота
морская,
высь и воду сомкнув окрест,
направляет, не иссякая,
засветившейся мачты крест.
И не ведает Пермь покоя:
все дороги держит в руке —
в обе стороны над рекою,
в обе стороны по реке!
Мне размах ее панорамы
много скажет под ровный гул:
золотые ворота Камы
широко Урал распахнул.
Лесом, нефтью, железом, солью
о себе подает он весть,
а ступай по его раздолью —
и не то у предгорий есть!
Не дряхлеет форпост на Каме
под созвездьями близкой ГЭС:
вместе с дерзкими огоньками
поднимается до небес.
Можешь к Верхним Муллам
податься,
можешь ехать в другой конец —
по-над городом колышаться
будет света ночной венец!

На Камском море

Размахнулась на бегу река
(перед Пермью
русло
на подпоре!),
далеко накрыла берега
и сама поверила:
я — море!
Серебристо-бурые бугры,
как борцы, сшибаются в раскате.
Не берутся люди за багры
на былом коварном перекате.

И почти морской голубизной
отливать ее границы стали.
Мыс в нее врезается с сосной,
вскинутой на горном пьедестале.

Море, море!
Но язык примет
говорит о том,
что многоводье
лишь на памяти
последних лет
захлестнуло
старые угодья.

И набраться сил в глухих лесах,
и сквозь них пробраться надо
Каме!

Даже в море,
как бы на весах,
хвойный лес
качается плотами.
Не один свидетельствует плот,
что вокруг —
особенное море:
едет домик,
петушок поет
на совсем игрушечном заборе.

Деревянные статуи¹

В музейном сумраке, серея,
фигуры выстроились в ряд.
Скульптура пермской галереи,
ты уникальна, говорят.

А кто творил — ушел бесследно:
имен не видно на резьбе.
Богатство создал, прожил бедно,
глаза смежил в курной избе.

Напрасно в образе библейском
изображал надежду он
с необычайностью и блеском,
каких не требовал канон.

Не снисходил к мольбам
постылым
господь, им названный отцом,
чьей славе он с незрячим пылом
служил без усталы резцом.

Глядели так на свет фигуры,
что их под сенью алтарей
велел оставить пастырь
хмурый —

Перми всяя архиерей.

Поклоны били им веками,
но старый мир пошел на слом,
и эти статуи по Каме
в мирской пожаловали дом.

Живет творение земное...
Прорвется света полоса —
почудится: следят за мною
чуть-чуть раскосые глаза.

Факел у обелиска

С небес луна льет яркий воск,
на черный пруд нацелясь...
Часами слушает Свердловск
ночного ветра шелест.

Ты шелестишь, листва, о чем?
Куда ведешь, аллея?
Издайка блеснул лучом
огонь, во тьме алея!

Из камня вытесанный горн,
а в нем жерло литое,
и факел вьется, грея дерн
с могильною плитою.

Огонь, скажи, чей стынет прах
под сенью обелиска?
Повеял ветер, как в горах,
сгибая пламя низко.

И проступили имена
уральских коммунаров,
отдавших жизнь во времена
решающих ударов.

Тогда над гривами боров
не молния играла,
а сотрясал орудий рёв
седую мглу Урала.

Они сказали:
— Наша власть
поднимет флаг над краем!..

¹ В Пермской государственной картинной галерее находится редкостное собрание местной деревянной скульптуры XVII—XVIII веков.

Но им пришлось в сраженьях
пасть,
полечь в застенке вражьем.

Оберегая их покой,
Урал над ними дышит,
и факел собственной рукой
о них балладу пишет.

Красота

Всюду читаю:

«Граждане!
Свой
сделаем город красивым!»

На ус мотаю:
твердо усвой
начертанное курсивом.

На площадях
пламенеют цветы,
плещутся
ленты-плакаты.
О манифесты в честь красоты,
вы и просты и крылаты!

Это в Челябинске,
это в Перми,
это, конечно, в Свердловске.
Ласково,
ветер,
кумач распрями —
лозунг и ясный и броский!

Пусть состязаются города
в новом почине годами!
Спора такого еще никогда
не было меж городами.

Прежде
Урал называли седым.
А до красот ли седому?

Сказано ныне:
— Вовек не дадим
стариться нашему дому!

Прежде
поодаль стояла сосна,
глядя на пыльные тракты:
тратилась разве не скупой казна?..
Это известные факты.

Сам предпочтенье богат
отдавал
белым коринфским
колоннам,—
черный посад
наступал на увал,
избы теснились
по склонам...

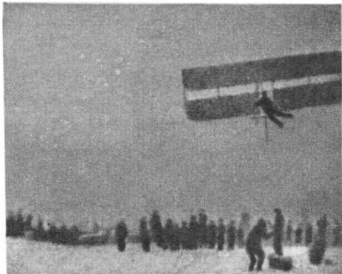
Роща
проходит
перспекты
насквозь!

Город —
в миллионах соцветий...
Молодо так
в старину
не жилось

Каме,
Миассу,
Исети!

ПЕРВЫЕ КРЫЛЬЯ

Недавно, разбирая старые фотографии, я неожиданно наткнулся на снимки первых советских планеров. Старенькие, расплывчатые, любительские снимки. Но сколько дорогих воспоминаний пробудили они во мне! С полетов на этих планерах начинали свой творческий путь всемирно известные авиаконструкторы Туполев, Яковлев, Ильюшин, Антонов...

...1909 год. В этом году я познакомился с Андреем Николаевичем Туполевым. Его полет на балансирном планере собственной конструкции заснят на этой фотографии.

Туполев тогда учился в московском техническом училище и работал в студенческом воздухоплавательном кружке. Своей внешностью он очень походил на рабочего-металлиста: смуглое лицо с опущенными книзу усами, крепкая, приземистая фигура. Носил Андрей черную косоворотку, подпоясанную кожаным ремнем, и простые черные штаны, заправленные в сапоги отнюдь не шикарного вида.

Он был просто влюблен в свой планер, похожий скорее на большой детский воздушный змей, чем на летательный аппарат. Запускался планер тоже, как змей, на длинной веревке, один конец которой привязывался к планеру, а за другой помощники тащили аппарат вперед против ветра. На «балансирных» планерах никакого руля не было, и висящему на двух пропущенных под мышками палках пилоту приходилось управлять летящим аппаратом только перемещением своего корпуса и ног.

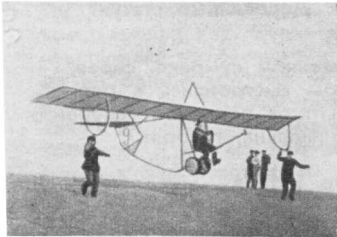
Эту акробатику совсем не безопасно было совершать в воздухе. Частенные полеты заканчивались... вдрызг разбитым планером. И мы, молодые авиаторы, возвращались домой, разукрашенные ссадинами, синяками и царапинами, но с твердым решением как можно скорее построить новый, более совершенный аппарат...

...Лето 1923 года. Я с головой ушел в работу только что созданного «Центра безмоторного летания». Я не хочу участвовать только в роли организатора, но хочу и сам выступить в качестве конструктора и пилота своего планера, символически названного «Макакой» (планер-то был балансирным!..).

Но времени у меня мало, и я прошу К. К. Арцеулова порекомендовать мне хорошего помощника. И вот он приводит ко мне невысокого, смущающегося мальчугана. Говорит: Шура Яковлев. Знакомимся. Узнаю, что Шура увлекается авиацией, успешно строил летающие модели самолетов, умеет столярить и обращаться с другим инструментом.

А вскоре мы с Шурой (он на фотографии в белой толстовке) испытывали мою «Макаку». С этого дня началась авиационная карьера конструктора Александра Сергеевича Яковлева. ...С первыми планерными испытаниями в Крыму связано

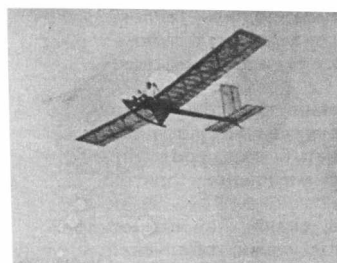
начало конструкторской деятельности творца будущих замечательных «Илов» Сергея Владимировича Ильюшина.

Ильюшин был организатором первого рабочего кружка планеристов при мастерских тяжелой артиллерии, для которого он сконструировал почти в одиночку (ему помогал только столяр завода Малыгин) и собственноручно построил свой первый летательный аппарат — учебный планер «Мастяжарт».

С ним он и приехал в Крым на соревнования.

Планер, очень простой конструкции, был легким и благодаря большой поверхности крыльев обладал способностью взлетать при слабом ветре. Но во время первой же пробы выяснилось, что центр тяжести планера был смещен назад, отчего хвост аппарата в воздухе «зависал». Тогда находчивый конструктор тут же, на месте, нашел простой и остроумный выход. Вперед пилотского сиденья он укрепил на длинной палке валившуюся неподалеку тяжелую кувалду и, передвигая ее ближе или дальше, быстро добился правильной центровки аппарата. Так и зафиксировал фотограф полет первого летательного аппарата конструкции С. В. Ильюшина...

...Рассказывая о своем пути, Олег Константинович Антонов недавно писал: «Первоначальные знания и опыт, а главное, страсть к авиационному делу, особенно к конструированию, я получил в авиамодельных и планерных кружках».

И действительно, посмотрите сами: ведь только «обуреваемый страстью к авиационному делу» был способен вот так, буквально «сидя на жердочке», пускаться в полет, как это делал в 1929 году молодой студент Олег Антонов.

Но именно эта благородная страсть к авиации, соединенная с упорным, повседневным трудом и серьезной, вдумчивой учебной, и привела Олега Константиновича Антонова в первые ряды советских конструкторов.

...Глядя на эти старые фотографии, я всегда думаю о том, что сейчас в нашей стране сотни тысяч молодежи увлекаются этим массовым видом авиационного спорта — планеризмом. Кто знает, сколько талантливых конструкторов-авиаторов выйдет из их среды!..

Н. АНОЩЕНКО,
профессор

У Н А С

Разговор в этом фоторепортаже пойдет о вещах радостных.

...Наш фотокорреспондент, смеявшись с толпой воздушных пассажиров на перроне Внуковского аэропорта, приготовил аппарат, дождался, когда симпатичная, вежливая дежурная по перрону пригласила улетающих рейсом на Симферополь пройти к самолету, и сделал первый снимок: нестрой чередой двинулись люди к трапу «ТУ-104»...

Кто летит рейсом Москва — Симферополь? Кто так удобно расположился в уютных креслах?

Здесь не увидишь на лицах той специфической озабоченности, ко-

сте в Научно-исследовательском институте — первая чертежницей, вторая техником-конструктором, — можно сказать, что они неразлучны на земле, в небесах и на море...

Много пассажиров несет на своих крыльях на крымскую землю «ТУ-104». Их сто, о каждом не расскажешь...

Жаркий Симферопольский аэропорт бережно принял на одну из своих длинных рук-дорожек самолет. Но ведь Симферополь еще не конец путешествия, пассажирам надо дальше. Что же делать? Садиться в автобус, в такси и петлять по шоссе?..

Пожалуйста в вертолет. Он пере-

ХОРОШЕЕ

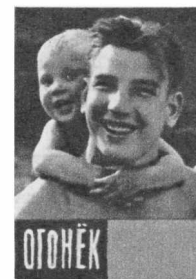
торой отмечены едущие в командировку. Здесь царит несколько легкомысленный дух, разве лишь у маленькой девочки, которой необходимо срочно добраться до конфет, вид сугубо деловой.

Вот сидит молодой человек с газетой в руках. Это Валентин Жеребцов из подмосковного города Люблино. Его место

назначения — если будет позволено так прозаически назвать одну из курортных жемчужин — Алука. Там отдыхают уехавшие раньше его жена Александра и дочь Тамара. Валентин по специальности слесарь, работает с женой в Люблине. Дела задержали Валентина. Это было немного досадно, но не беда: он свое наверстает! Забегая вперед, скажем, что в Алуке ему отдыхалось чудесно, — посмотрите на первую обложку журнала!

Девочку, страстно изучающую коробочку с конфетами, зовут Рита Подгорная, ей полтора года. Ее папа, преподаватель Московского станкоинструментального института, по примеру студентов, развехавшихся на каникулы, тоже решил как следует отдохнуть.

О двух девушках, сидящих рядом, — Галине Ушаковой и Людмиле Крючковой, — работающих вме-

несет вас через горы за тридцать пять минут. И вот она, золотая подкова Южного берега Крыма! Выбирай по душе: Ялту или Мисхор, Алуку или Гурзуф.

Объектив репортерского фотоаппарата пристально наблюдал спустя несколько дней наших знакомых по самолету уже на местах — там, где они набирались сил, где впитывали в себя солнечные лучи и йодистый, соленый морской воздух.

Люди, о которых рассказывает на цветной вкладке, — лишь несколько «единиц» из громадного количества — без малого в шесть миллионов — тех, кто отдыхал, отдыхает и еще будет отдыхать в нынешнем курортном сезоне в санаториях, домах отдыха.

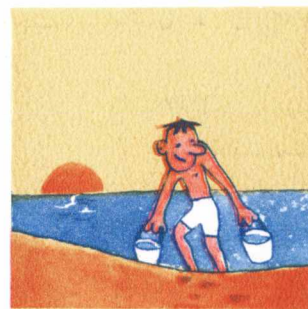
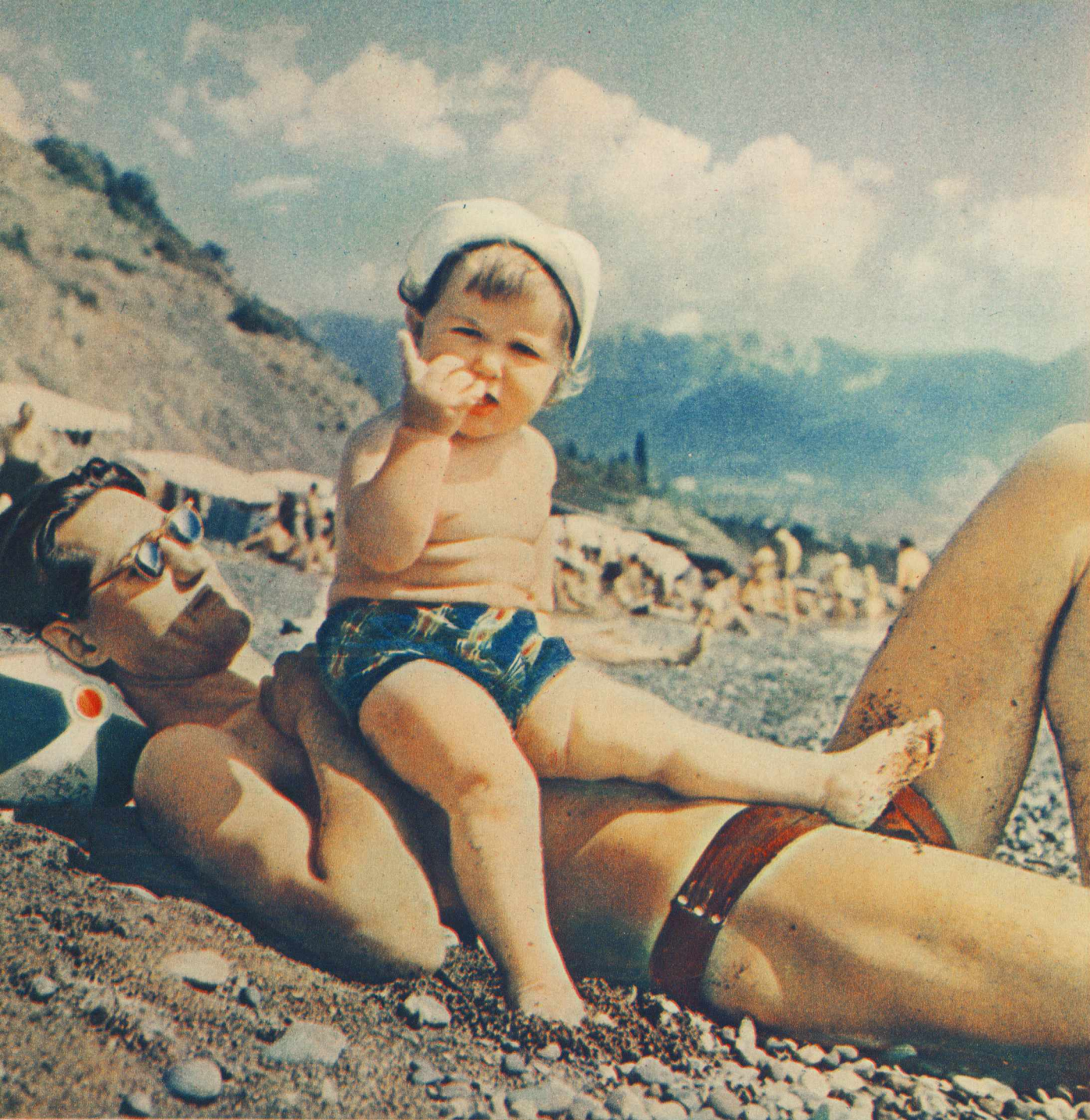
Собственно говоря, когда наш фотокорреспондент сидел в самолете, стартовавший на Крым, — выбор этот был случайным. С таким же успехом можно было отправиться на Кавказское побережье, в Одессу, на Рижское побережье, на курорты дальнего Приморья, на кумыс Поволжья и на кислые воды. И везде фотообъектив запечатлел бы атмосферу прекрасного настроения.

О. ПЧЕЛКИН

Фото В. ТАРАСЕВИЧА.

НАСТРОЕНИЕ

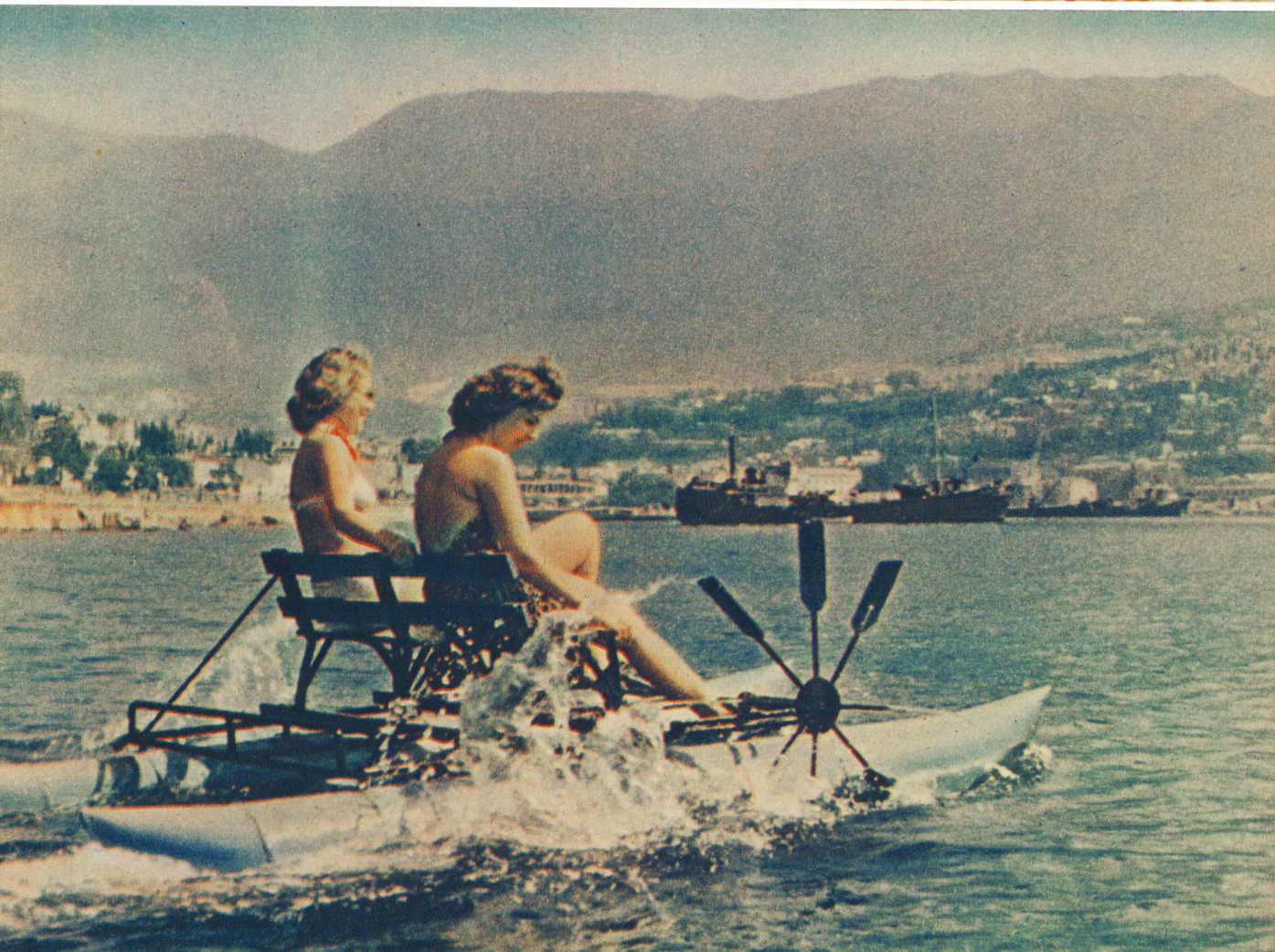
— Перенесу море к себе на дачу.

У.

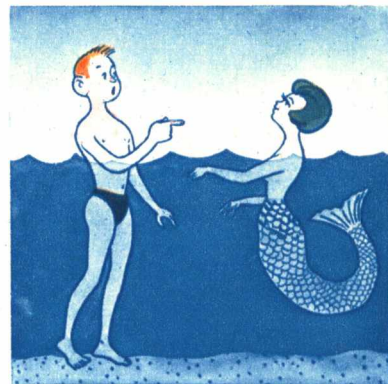
— Согрею воду и буду купаться!

Галина Ушакова и Людмила Крючкова не расставались ни в воздухе, ни на суше, ни на воде.

Когда на море волны...

— А вы умеете плавать?

— Братцы, кончай перекур,
пора отплывать!

Поссорились.

— Придется переждать дождь
здесь.

Рисунки Е. Гурова, В. Сигачева,
М. Ушаца.

а, трудно. Постигнуть тайны чужой грамматики, разобраться в префиксах и суффиксах, склонениях и спряжениях, овладеть незнакомым произношением — все это, как известно, дело нелегкое. Тем не менее тысячи и тысячи людей успешно преодолевают эти трудности.

Но не про них речь. Разговор идет о сложностях другого рода...

В Туле, в киоске «Горсправки» девушка ответила сразу и безапелляционно:

— Нет. И не было и нет!

Собственно говоря, для Владимира Кошелева такой ответ не был неожиданным — за справкой он обратился только для очистки совести. Кошелев и сам знал: курсов иностранных языков в Туле нет.

Но как все же поступить? Слесарю Кошелеву, бригадиру бригады коммунистического труда с Тульского оружейного завода, до зарезу нужен чешский язык. Человек весьма занятый — руководит бригадой, занимается в вечерней школе, ведет общественную работу, — он готов учить чешский, отрывая время от сна и отдыха.

Он-то готов...

Владимир Кошелев побывал в Чехословакии. Бригада тульских оружейников вступила в соревнование с бригадой машиностроителей из чехословацкого города Мартин. Завязалась оживленная переписка.

Бригадир Дизидер Клбик пишет в Тулу по-русски. Бригадир Владимир Кошелев хочет отвечать другу на его родном языке. Стремится читать чехословацкие газеты, техническую литературу.

Подобно Кошелеву, сотни тульских оружейников хотели бы изучать чешский.

Китайская пословица гласит: «Где бы ты ни был, говори на языке тех мест, куда пришел». Споры нет, правильная пословица, а вот попробуй воплоти в жизнь эту мудрость...

...Противившись с огорченным Кошелевым, я отправился в городской отдел народного образования.

— Нет. И не было и нет!

Стереотипный ответ на вопрос о курсах, услышанный в городе, повторился затем в култоделе Тульского областного совета профсоюзов. С небольшими вариациями, конечно. Кое-кто из работников отдела народного образования припоминает, что прежде курсы иностранных языков в Туле существовали. Но то было давненько. Кое-кто из работников облпрофсовета склонен предполагать, что на предприятиях кружки такого рода имеются, — это не исключено и даже возможно, однако сведения на сей счет отсутствуют...

И в том и в другом учреждении люди, с которыми пришлось беседовать, солидарны в одном: тяга к изучению иностранных языков в народе велика, запросов множество.

Почему же тогда эти запросы не удовлетворяются? В чем помехи? — Нехватка преподавательских кадров? — спрашиваю я.

— Что вы, что вы! — машет руками собеседник. — Педагогов сколько угодно. Опытных, знающих. Посудите сами: в одном только Педагогическом институте имени Толстого не меньше тридцати преподавателей иностранных языков! В других тульских вузах тоже немало квалифицированных «иностранных», и в средних школах...

Здесь следует сделать оговорку: речь в данном случае идет только об английском, французском и немецком языках, которые изучаются в школах. Что же касается других языков — славянских (ну, хотя бы того самого чешского, познать который так стремится Владимир Кошелев), или восточных, или скандинавских, — положение меняется в корне. Тут уж поистине: и не было и нет!

Однако педагогов таких трудно сыскать не только в Туле... Но об этом позже. А сейчас вернемся к прерванному разговору: почему же все-таки не организуются курсы иноязыков?

Преподаватели — мы уже знаем — имеются. И помещения, как оказалось, не столь уж сложная проблема. Может быть, нужны средства, ассигнования? Отпадает и эта помеха. Ведь курсы-то платные, на хозрасчете; подсчитано, что они могут даже принести изрядный доход.

Значит, есть все, чтобы туляки приступили к занятиям на курсах

иностранных языков? Все, за исключением одного — указаний... Тульские организации ждут «директивы» Министерства просвещения РСФСР, Министерства высшего и среднего специального образования СССР, ВЦСПС. Ждут, когда из центра будут «спущены» решения, «положение о курсах».

Что уж тут говорить, позиция не очень хлопотная! Спокойнее, чем инициативу проявлять...

Итак, житель Тулы практически лишен возможности изучать иностранные языки на курсах. А столичный житель?

К его услугам созданные Московским городским отделом народного образования восемь курсов английского, немецкого и французского языков. Занимается тут около восьми тысяч человек. И это все. Что ж, больше никто не хочет заниматься?

Скажу без преувеличения: курсовая сеть не в силах удовлетворить даже десятой части желающих.

Курсы иностранных языков квалификация оканчивающим не присваивают, работу не предоставляют. Плата за обучение не столь уж мала: семьдесят рублей в месяц. Заниматься приходится главным образом вечером, после трудового дня. Словом, не так-то гладко и легонько путь к знаниям. А люди идут, идут...

Наплыв такой большой, что курсы на улице Дзержинского сняли вывеску: авось, меньше придется отказывать желающим изучать английский язык. Не помогло: узнают и без вывески.

Для того, чтобы сдержать поток заявлений, установлены довольно высокие барьеры. Принимаются лишь те, кто имеет законченное среднее образование. Принимаются лишь жители Москвы (если ты проживаешь в Голицине или Болшеве, учишься на курсах тебе не придется — не примут!). Чтобы поступить на курсы, надо предъявить семь (!) различных документов, в том числе направление (или справку) с места работы, справку с места жительства, автобиографию... А приняты будут в первую очередь, как гласят правила приема, «лица с высшим образованием, которым по роду их работы необходимо знание иностранного языка, что подтверждается справкой».

Ну, а ежели не имеет человек такого «подтверждения», не имеет и «направления» и диплома соответствующего, а располагает только желанием, обуреваем тягой к знаниям? Может он за счет своего свободного времени, за собственные трудовые денежки учиться на курсах? И если нет, то почему?

Повторяется тульская картина: желающих обучаться превеликое множество. Педагоги есть. Не столь уж сложно найти и учебные помещения. Курсы приносят доход. Однако...

Надежда Даниловна Гудкова, заведующая курсовым сектором Мосгорпро, пытается сформулировать свои требования. О, они совсем, совсем невелики:

— Лишь чуточку внимания. Да самую малую поддержку. И мы развернулись бы. Уверю вас...

Педагоги — об этом уже говорилось — есть. Но, оказывается, преподаватели курсов не пользуются правами и льготами, установленными для учителей. И оплату получают «почасовую», независимо от стажа и опыта, — царит явная уравниловка! Значит, идут работать на курсы либо те, кому девать себя некуда, либо энтузиасты.

Учебный процесс курсы строят на свой страх и риск: методического и организационного центра в республике нет, помощи в этом отношении получить неоткуда. И учебников, которые специально адресовались бы взрослому курсанту, днем с огнем не сыщешь.

Следовало бы разнообразить программу, создавать группы односторонние — для тех, например, кто хочет изучить лишь разговорную речь. Или отдельные группы с техническим, с медицинским уклоном! И особые переводческие классы. И, разумеется, подготовительные курсы, где можно было бы учить язык с азав, где каждый грамотный человек смог бы получить знания.

— За чем же дело стало?

— Очевидно, — раздумывая отвечает Н. Д. Гудкова, — за Министерством просвещения. Следует изменить отношение к курсам иноязыков — и дело пойдёт.

— Обязательно пойдёт!

Эта Тамара Романовна Клименко «подхватывает эстафету» наше-

го разговора. Тамара Романовна — директор «Ин-яз» — государственных центральных курсов заочного обучения иностранным языкам.

Любопытна история этого уникального учебного заведения. Основала его в 1929 году Вера Рудольфовна Менжинская, старая большевичка, великодушный лингвист. И в первые годы на «Ин-яз» мог поступить каждый, кто внес соответствующую сумму и регулярно выполнял задания. Есть желание — учись на доброе здоровье!..

Потом, постепенно, все больше и больше препон воздвигалось на пути заочника-ин-язовца. Тенденция была явная: превратить курсы в некий факультет, принимать людей с высшим образованием, дипломированных специалистов. И тут появились всякого рода «направления» и «подтверждения»: дескать, именно «подателю сего необходимо знать такой-то язык»...

Вот и получилось, что из пятнадцати-шестнадцати тысяч заочников (таков среднегодовой контингент курсов «Ин-яз») не меньше семидесяти процентов составляют дипломированные специалисты. И получилось еще, что программа заочных курсов чрезвычайно сложна, а для того, чтобы поступить на

ваемые «технические средства»: грампластинки и магнитофон, диафильмы и кино, радио и телепередачи. Именно в сочетании с учебными пособиями они приносят значительный успех. Но как слабо налажено еще у нас производство этих «технических средств»!

За примерами ходить недалеко — ну, хотя бы подойдем к прилавку магазина «Грампластинки», что на улице Кирова. Подойдем и узнаем, что значащиеся в каталоге два (всего два!) урока английского языка для студентов, записанные на долгоиграющие пластинки, распроданы давным-давно. В продаже есть только несколько названий обычных пластинок с уроками для средней школы, но и те без методического руководства. И все. А спрос огромный.

Все изложенные выше трудности относятся к очным и заочным курсам английского, французского и немецкого языков. Что же касается других иностранных языков, то трудностей тех вовсе не существует. Потому, что нет в природе и курсов. Никаных: ни очных, ни заочных, ни платных, ни бесплатных. Мы не говорим, разумеется, об учебной сети министерств или «Интуриста». Не говорим также и о специальных высших учебных заведениях. Речь

Трудно ли изучить иностранные языки?

Павел ПОДЛЯЩУК

них, приходилось сдавать нелегкий экзамен...

Лишь в 1960 году делаются шаги по пути, если так можно выразиться, демократизации курсов «Ин-яз». Однако барьеры не сняты, отнюдь. По плану в нынешнем году курсы могут набрать 5250 учащихся, и ни «человеко-единицей» более! А число желающих превышает эту цифру во много раз. Опять будут отказывать, отбирать: не хватает преподавателей, консультантов, нет полиграфической базы, чтобы печатать пособия, методические письма.

Но отвлечемся на минутку от насущных нужд курсов «Ин-яз» и заинтересуемся общим вопросом: а можно ли заочно изучать язык? На этот счет есть разные мнения, среди специалистов имеются и горячие сторонники заочного образования и скептики. За последние годы в спор вмешалась и сказала свое веское слово техника. На помощь доброму учителю заочника — книге — пришли так назы-

идет о курсах, обыкновенных курсах, на которых мог бы учиться тульский слесарь Кошелев и любой из тех, кто читает наш репортаж...

Нет и «технических средств» — грампластинки, кинофильмы. А главное, нет педагогов. И что удивительнее всего: их не готовят. Во всяком случае, готовят в столь мизерном количестве, что и брать их в расчет не приходится.

Чтоб разубедить этот гордый узел, следовало бы всерьез заняться подготовкой будущих учителей чешского и китайского, польского и болгарского... Думаю, что зарубежные товарищи помогли бы в таком деле, может быть, в порядке обмена преподавателями.

...В заглавии нашего репортажа поставлен вопрос: «Трудно ли изучать иностранные языки?» Да, трудно, вынуждены мы ответить сегодня. Но многие искусственные трудности могут и должны быть устранены. И тогда будет значительно легче.

Фото С. Медынского.

ЛЮДИ ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ.

ПО СЛЕДАМ ГОЛУБЫХ ПЕСЦОВ

«Сегодня хороший день», — думает Клара Каляна, широко, по-мужски шагая по заснеженной тундре. Солнце прячется за линией дальних гор, приближается к Белой Долине, где расположен районный центр. Над головою звезды, и на горизонте догорают остатки полярного сияния. Солнца не видать, но Клара хорошо угадывает его передвижение по изменению окраски неба.

Девушка присаживается на небольшую застругу. Отец сейчас непременно закурил бы трубку. Но у Клары трубки нет, нет и папирос. Да и не подобает такой молоденькой девушке извергать из ноздрей и рта дым.

Мысли и так хорошо бегут — как резвая упряжка по гладкой дороге. Такое ясное небо, а солнца нет. Просто жаль, что пропадает столько чистого неба впустую! Разве звезды могут заменить солнце? Это все равно, что собирать всех людей района, а отца не позвать. Так и с солнцем. Много хороших и красивых звезд на небе. Тысячи из них много больше солнца, но родное и близкое солнце милее любых светил.

Тишина в тундре. Тишина настолько привычная, что Клара совсем не замечает ее. Девушка оглядывается вокруг: куда ни кинь взгляд — слегка всхолмленная снежная пустыня. И может показаться постороннему наблюдателю, что девушка — единственное живое существо во всем этом снежном однообразии на многие километры вокруг. И если бы кому нужно было испытать подлинное одиночество, — нет лучшего места, чем заснеженная чукотская тундра в тихую полярную ночь.

А Клара Каляна не чувствует себя одинокой. Все, что вокруг нее, — все родное, привычное с того самого времени, как она начала себя помнить.

Еще маленькой девочкой она любила смотреть, как снаряжается отец на охоту. Вот он надевает белоснежную камлейку, которая всегда висит на улице, чтобы посторонние запахи не въелись в ткань. И действительно, камлейка пахнет, как свежий озерный лед, только что внесенный в ярангу. На ноги надеваются теплые олени торбасы, подбитые пушистым мехом. Привычный домашний атэ — отец — на глазах изумленной девочки превращается в охотника Романа Тэвлячайвуна, как его называют на центральной усадьбе колхоза, в селе Конергино.

Иногда отец отправлялся на охоту пешком. Он выходил из яранги и шагал в белую тундру. Все меньше становилась его фигура, будто он постепенно проваливался в глубокий снег. И как ни напрягала девочка свои черные, зоркие глазки, она уже ничего не могла увидеть.

Клара подрастала. Вскоре начала она одолевая отца просьбами взять ее с собой на охоту. Роман Тэвлячайвун очень любил дочь. Но взять с собой на промысел девочку!.. Только в сказках встречались Тэвлячайвуну женщины-охотницы, а в жизни он их никогда не встречал.

Летом — другое дело. Во время охоты на морского зверя, когда вельбот долгое время находится в море, хорошо, если тебе подадут

кружку горячего, круто заваренного чая.

Каждый раз, возвращаясь на летние каникулы в родной Эпран, Клара садилась на вельбот вместе с охотниками. Но ее больше привлекал мотор, а не примус. Она помогала мотористу заправлять бак бензином, а когда случалось, что мотор вдруг умолкал в самый ответственный момент, Клара помогала мотористу разбирать его, ремонтировать.

Члены бригады неодобрительно поглядывали на девочку, на холодный закопченный походный чайник, молчаливый примус и бригадира. У самых недовольных уже вертели на языке ехидные слова, и они только ждали подходящего случая. Случай скоро представился, но слова пришлось говорить совсем другие...

Стояла отличная погода. Море было тихое и блестящее, как толстый лист стекла. Вдали — с берега видно — шли стада моржей. Но бригада Тэвлячайвуна не могла выйти на охоту: заболел моторист.

Тогда Клара предложила свои услуги. Охотники неодобрительно обернулись на робкий голос и продолжали свой сердитый разговор о коварной болезни, так нехотати решившей посетить моториста.

Роман Тэвлячайвун дал команду: готовить вельбот к выходу в море.

— Мотористом будет Клара! — решительно заявил он.

Охотники уважали Тэвлячайвуна. Слово его для них — закон. Но на этот раз они собирались с явной неохотой, и никто этого не скрывал.

Роман Тэвлячайвун молчал. Он смотрел, как Клара собирала мотор. Обычно сам моторист взваливал рульмотор на спину и относил на берег. На этот раз пришлось тащить бригадиру. Он шел впереди, за ним дочь, а следом тянулись гуськом молчаливые, мрачные охотники. Ни слова, только дымом над головами от папирос и трубок.

Спустили вельбот на воду. Молча уселись на свои места охотники. Клара установила мотор и наматала шнур на маховик. Она уговаривала про себя мотор не капризничать, называла его ласкательными именами, умоляя его завестись с первого рывка.

И мотор, словно вняв ее мольбам, завелся! Лица охотников расплылись в довольных улыбках. Один Роман Тэвлячайвун был необыкновенно серьезен, только в уголках прищуренных глаз светились радость и гордость за свою дочь. Этот день принес удачу бригаде. Вельбот возвратился на берег с богатой добычей, и когда нужно было нести мотор наверх, желающих помочь Кларе оказалось больше, чем необходимо.

Так стала Клара Каляна полноправным членом охотничьей бригады колхоза «Возрождение». Часто, увлекаясь погоней за зверем, Клара покидала мотор и становилась в ряды стрелков, и ее пули метко ложились в цель...

Наступала зима, и Клару снова и снова неудержимо влекло к себе чукотская тундра. Она потеряла покой, донимала отца просьбами, чтобы он открыл ей свои секреты охоты на песца — зверька хитрого и прихотливого.

Роман Тэвлячайвун стал брать с собой Клару на охоту, показывая ей, как надо настораживать кап-

кан, учил читать на снегу еле видимые, неприметные следы тундровых зверей. Он передавал дочери годами накопленный опыт.

— Самый главный секрет, дочка, — говорил он, — в том, что охотник на пушного зверя — особый охотник. Он должен круглый год думать о промысле...

Наступил день, когда пятнадцатилетняя девочка-подросток впервые облачилась в полную зимнюю охотничью форму и вышла в тундру. Этому счастливому дню предшествовала длительная подготовка. Летом Клара прошла десятки километров по чавкающим и качающимся кочкам, примечая песцовые норки. Охотничий участок расположен в районе Эпрана, в ста двадцати километрах от центральной усадьбы, и тянется по косе Мээчкын почти на двадцать километров. Для песцов и их выводков была выложена приманка — ободранные нерпичьи туши и дичь: на них особенно охотно идет песец. Затем подкормка была выложена по побережью, на всем протяжении охотничьего участка, на пути выхода песцов к морю. Подкормка приучает зверьков держаться возле охотучастка, и они привыкают находить себе корм в определенном месте. С приближением охотничьей поры Клара тщательно вычистила капканы и натерла их землей, чтобы удалить посторонние запахи. А когда выпал снег и начался сезон, Клара расставила капканы. Она с нетерпением ждала дня, когда нужно будет пойти в тундру на проверку капканов. Внешне Клара казалась спокойной и даже веселой. Но чем ближе был заветный день, тем больше ее охватывало волнение — сродни тому, что она испытала впервые, когда завела мотор под хмурыми и недоверчивыми взглядами охотников. А тут еще отец то ли в шутку, то ли всерьез предложил:

— Будем с тобой соревноваться, дочка!

...На первую проверку капканов Клара поехала на собачьей упряжке. Она остановила собак в нескольких километрах от первых приманок и прочно закрепила остолом нарту. Дальше пошла пешком.

В первом капкане было пусто, во втором тоже... Зато у третьей приманки лежали припорошенные снегом два окоченевших песца. Клара быстро высвободила их дрожащими от радостного волнения руками, насторожила капканы и со всех ног поспешила к упряжке, чтобы поскорее приехать домой и сообщить радостную весть отцу. На полдороге девушка замедлила шаг, вспомнив, что не все еще капканы проверила. Быстрый бег успокоил ее. Она вернулась, проверила остальные капканы и вынула еще двух песцов.

Отец привез трех песцов.

— Ну как, будем соревноваться? — озорно спросила Клара.

— Обязательно будем! — серьезно ответил отец.

...К следующему охотничьему сезону Клара готовилась исподволь. Она промышляла летом нерпу, моржа и раскладывала по всему участку приманки. Результаты не замедлил сказаться. В новом сезоне Клара оставила далеко позади многих прославленных охотников — добытчиков песца из колхоза «Возрождение».

Опытные промысловики недоумевали и пожимали плечами. Од-

нажды на колхозном собрании Клару попросили рассказать о своем способе отлова песцов.

С задних рядов поднялась невысокая девушка и стала пробираться между сидящими. Она встала за трибуну, и тут все слова, которые она хотела сказать, вылетели из головы.

— Охотиться на песца нужно круглый год, — тихо сказала она и поспешила на свое место...

Об умелой охотнице вскоре узнали в районе, а затем и во всем Чукотском национальном округе. Клара и не подозревала о славе, которая росла с быстротой весеннего дня. Она по-прежнему аккуратно, каждый день проверяла капканы, и почти не было такого случая, чтобы возвращалась в охотничью избушку с пустыми руками.

В длинные зимние вечера и в ненастье она тоже не сидела без дела: обучала малограмотных, читала им свежие газеты и журналы. В такие поздние часы охотничья избушка на Эпране превращалась в своеобразную школу...

Подходил к концу охотничий сезон. Теперь в тундре было так светло, что приходилось надевать защитные очки. Однажды, отдыхая на выступающем из-под снега камне, Клара принялась подсчитывать свои результаты за четвертый квартал прошедшего года — за первые месяцы охоты. Результат поразил ее: девятьсот тридцать один процент! Цифра была выведена тонкой палочкой на снежном насте. Не веря себе, Клара снова подсчитала и прочертила на снегу цифры — «931».

...На центральную усадьбу колхоза, в поселок Конергино, Клара приехала накануне праздника 8 Марта. Она шла по подтаявшим, заблестевшим от солнечных лучей сугробам, и пожилые охотники уважительно и почтительно здоровались с ней. С каждым приездом Клара замечала что-нибудь новое в облике колхозного села. Теперь здесь осталась однаединственная яранга, да и ее скоро тоже снесут.

На следующий день после праздника на краю села приземлился маленький самолет. Ничего особенного в этом событии не было. Прилет самолета — здесь такое же обычное явление, как приезд собачьей упряжки.

Но жители Конергино сразу же почувствовали необычность этого рейса, как только увидели выходящего из самолета секретаря райкома партии Ивана Васильевича Темникова.

— Где Клара Каляна? — ответил вопросом на приветствие обычно вежливый и сдержанный Иван Васильевич. — Немедленно разыщите ее!

Только после этих слов Иван Васильевич поздоровался и сообщил новость, которая моментально облетела все село. Указом Президиума Верховного Совета СССР Кларе Каляне присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Давно не было такой большой новости в Конергино!

В колхозном клубе собрались жители села, приехавшие из тундры оленеводы и многочисленные гости, чтобы поздравить свою землячку с высокой наградой. Клара не знала, куда девать себя от смущения, и жалела, что вместе с ней здесь рядом нет самого родного и близкого человека, которому она обязана всем, — отца.

И, словно повинувшись ее желанию, открылась дверь, и в зал вошел Роман Тэвлячайвун, как всегда, спокойный и невозмутимый.

Улучив момент, Клара спросила его:

— На чем ты приехал?

— На самолете, — спокойно ответил отец. — За мной прилетели и сообщили новость.

Несколько дней продолжались празднества в чукотском селе Конергино. Приехали корреспонденты газет и радио. Они буквально осадили дом, в котором жила Клара Каляна. Но даже самые напористые оказывались безоружными, когда Клара, лукаво улыбаясь, произносила речь из трех или четырех слов и на этом умолкала. Корреспондент радио торжество-

Клара Каляна.

Фото Н. Лобовикова.

вал: ему удалось записать на пленку около десятка слов, которые произнесла в микрофон Клара Каляна!

...Мы прощались с Кларой Каляной в Анадыре. Она возвращалась из Магадана с областного слета победителей социалистического соревнования в родной колхоз.

— Впервые в жизни я видела город, — рассказывала она. — Это удивительно и хорошо, что столько народу живет дружно в одном месте. Когда я была в Магадане, мне захотелось посмотреть и другие города, особенно Москву, откуда мне прислали орден и Золотую Звезду. А пока надо приниматься за работу.

Мы искренне пожелали Кларе Каляне доброй охотничьей удачи, пожелали ей поскорее осуществить мечту — побывать в Москве.

Все, что мы пожелали Кларе Каляне, простой чукотской девушке, сбудется. Сбудется потому, что она живет в Советской стране, где действительность обгоняет любую дерзновенную мечту, сбудется потому, что она еще очень молода и вся жизнь у нее впереди: ей ведь всего девятнадцать лет!

ПАРОЛЬ: ЮНОСТЬ!

С. САВЕЛЬЕВ

«АДРЕСА, АДРЕСА, АДРЕСА — ЭТО ГЛАВНОЕ...»

«...Я очень рад, что ты включилась в наше общее дело. Я был абсолютно уверен, что ты согласишься этой встречей. Сейчас, когда мы в общем едем не на ярмарку, а с ярмарки», особенно дорого все то светлое, хорошее, что сопутствовало нам в юности. Ведь это неповторимо.

Ну, а теперь к делу. Адреса, адреса, адреса — это главное. Узнавай у москвичей, кто кого помнит, знает, где он сейчас. Заведи список адресов и телефонов и по мере накопления пересылай их мне. Необходимо знать и сокращенное имя: Саша, Шура, Маня, Маша... В переписке мы обязательно будем звать

друг друга по имени и на «ты», как и в те далекие годы...

Обнимаю тебя, мой друг. Еще раз спасибо за то, что ты осталась комсомолкой.

Семен.

Да, главным было разузнать адреса: кого куда занесло — то ли «вознесло», то ли «разнесло» — судьбинушка-судьба. Шутка ли сказать, как давно это было! Неужто и в самом деле прошло с тех пор тридцать... нет, даже больше — тридцать пять лет?

Нечего, однако, напускать на себя старческую печаль! Вот оно, письмо из Киева, от давнего товарища по комсомолу Семена Разумовского. Он пишет ей, матери трех взрослых детей, члену партии, театроведу-режиссеру Полине

Черной, что она «осталась комсомолкой». И не она одна, конечно, а все — все, кто шагнул тогда, в шестнадцать мальчишеских и шестнадцать девчоночьих лет, с винтовками за плечами в отряды ЧОНА, бесстрашно боровшихся с бандитизмом; кто яростно воевал с каким-нибудь упрямым, несговорчивым хозяйственником, не желавшим принимать на работу «в счет брони» подростков, или как «агитпроп» до хрипоты в горле произносил чуть ли не каждый вечер горячие речи на диспутах о религии, о любви, о том, можно ли комсомольцу носить галстук.

«Но... где же вы теперь, друзья-кировоградцы?» — задумавшись над письмом и настроившись на поэтический лад, чуть ли не вслух произнесла Полина Черная.

Это было уже второе письмо из Киева. И чтобы вполне стала ясна цель содержащегося в нем комсомольского задания — узнавать у москвичей, «кто кого помнит, знает, где он сейчас», — приведем текст первого письма:

«Дорогой товарищ! Обращаемся к тебе с одним важным предложением.

По инициативе старых комсомольцев-кировоградцев мы опросили около ста наших земляков, согласны ли они провести слет ветеранов комсомола Кировоградщины. Все с радостью приняли это предложение.

ЦК комсомола Украины, партийные и комсомольские организации Кировоградской области с большим одобрением относятся к этой

Профессор Б. Л. Смирнов.
Фото Д. Ухтомского.

Вл. КРУПИН

Небольшой светлый дом в одном из тупичков Ашхабада утопает в зелени. Гулкий шум городской суеты остался там, за калиткой. Тихо во дворе. Еще тише в комнатах, блистающих почти неправдоподобной чистотой. Неслышно ступая по половицам, жена профессора Бориса Леонидовича Смирнова Людмила Эрастовна проводит нас в кабинет.

Хозяин дома болен и очень слаб. И очень занят. Мы пришли посидеть «на полчаса», чтобы подняться по первому же знаку.

Кабинет обставлен просто и скромно. И даже то, что

составляет его особенность — бронзовые и каменные индийские статуэтки, две-три картины на восточные сюжеты, толстые старинные книги, — не сразу бросается в глаза. На письменном столе ничего лишнего. Единственная вещь, которую замечаешь, как толькоходишь в кабинет, — толстая стопка тетрадной бумаги, перевязанная бечевкой. Очевидно, какая-то рукопись. Рядом с ней четыре темно-синих тома, на корешках которых вытиснено: «Махабхарата».

Профессор Б. Л. Смирнов известен в медицинском мире как автор ряда солидных исследований по неврологии. Много лет он руководил научно-исследовательским институтом в Ашхабаде. Был избран действительным членом Академии наук Туркменской ССР. Трудился, пока тяжелый недуг не приковал к постели. В 1956 году пришлось уйти на пенсию. Но дела Борис Леонидович не оставил. Напротив, именно тогда он всецело отдался своей страсти, любимому занятию, которому посвятил сорок с лишком лет жизни. Речь, однако, идет вовсе не о медицине.

Откроем один из томов «Махабхараты». На титульном листе его значится: «Перевод, введение, примечания и толковый словарь академик АН ТССР Б. Л. Смирнова».

Индология, санскрит — это, так сказать, вторая специальность профессора. А началось это увлечение еще в ту пору, когда заурядврач Борис Смирнов возвращался с фронта первой мировой войны.

— Началось все, можно сказать, почти случайно, — вспоминает ученый. — По пути с фронта застрял я в Киеве. Жил на вокзале. Ночевал там под столом. Как-то попал мне в руки словарь санскритского языка. Увлечен я, знаете ли! — Легкая улыбка озаряет его отмеченное следами болезни и непомерной усталости лицо.

Лицо аскета и стоика. Сегодня ему немного лучше. Хочется посидеть, поговорить. И он, медленно подбieraя слова, рассказывает о своей жизни, о санскрите, о «Махабхарате».

Санскрит — один из труднейших языков. Его азбука насчитывает сорок восемь звуков. Многие слова меняют смысл в зависимости от долготы или краткости гласных. Строение санскритской фразы может существенно отличаться от строения слов, ее составляющих и взятых в отдельности.

Добрых десять лет корпел Борис Леонидович над словарями и учебниками, прежде чем осмелился подступить к «Махабхарате». Мысль прочитать в оригинале величайший памятник древнеиндийского героиче-

ского эпоса была весьма соблазнительной. Но дерзнуть перевести хотя бы важнейшие эпизоды поэмы! Для этого нужна отчаянная смелость и решимость. Нужно запастись неистребимым терпением на долгое время и — главное! — это время иметь. Его-то больше всего и не хватало Смирнову, занятому основной работой.

«Махабхарата» создавалась веками. Восемнадцать книг — парв — эпоса насчитывают сто тысяч двустий — шлок.

На русском языке были до сих пор известны лишь немногие эпизоды эпоса: «Наль и Дамаянти» в знаменитом переводе В. А. Жуковского, «Савитри». Трижды издавалась философская поэма «Бхагавадгита», но ни один из переводов не был сделан с оригинала. И лишь десять лет назад вышла на русском языке одна книга «Махабхараты», переведенная В. И. Кальяновым.

Приступая к переводу, Борис Леонидович выбрал наиболее характерные и значительные тексты, которые представляют самостоятельные произведения. Но и в этом случае ему предстояло перевести пятую часть «Махабхараты». И трудность была не только в объеме намеченной работы. Одно — сделать точный, дословный перевод, подстрочник. Другое — передать верно не только смысл, но и ритм,

внутреннюю музыку санскритского стиха, донести до читателя интонации оригинала. Санскритская поэзия вообще широко пользуется глубокими и внутренними рифмами, ассонансами и аллитерациями. Но каждая часть эпоса имела еще и свои особенности, а стало быть, и свои сложности.

И трудно сказать, что труднее — передать тончайшие оттенки буддистского философского трактата «Ангута» или воспроизвести инструментальную «Сказание о Раме», где каждому герою присуща своя аллитерация, свой «мотив». Скажем, у Рамы он строится на звуке «р», а мотив Лакшманы основан на чередовании «л» и «ш».

Все это отлично представлял себе Б. Л. Смирнов. Не без трепета и волнений, но с надеждой и внутренним азартом начал он свой труд. Так же, наверное, чувствовал бы себя альпинист, которому предстояло одному взлезть многоглавую снежную вершину, пройдя по дороге, полной неожиданностей и загадок. С той только разницей, что альпиниста с большим сердцем и восхождению просто не допустили бы.

Профессора Смирнова болезнь подстерегла в самом начале пути. Ее наскоки были опасны и сокрушительны.

Больному прописан стро-

РАССЕКАЯН

идеи, рассматривают будущую нашу встречу как передачу эстафеты нынешней молодежи.

И была потом еще одна восточка:

«В Киев уже поступают ответные письма, много хороших, теплых писем. Прибавляются все новые и новые, вернее, старые, но полустершиеся из памяти имена...»

Недавно двое ветеранов кировоградского комсомола — уже знакомый нам Семен Разумовский и генерал Андрей Олейников — поехали в родной город. На месте была разработана обширная программа предстоящего слета. А еще раньше произошла одна встреча в Москве...

«НЕУЖЕЛИ ЭТО ОН?...»

И впрямь, сразу не узнаешь. Это стало совершенно очевидно уже в первые минуты первого, подготовительного, собрания большого, московского, землячества ветеранов кировоградского комсомола, насчитывающего около ста человек.

Собрание происходило в новом здании МГУ, в просторных и светлых апартаментах, которые гостеприимно предоставил на этот вечер своим землякам проректор Московского университета по научной и учебной части профессор химии Григорий Данилович Вовченко.

Гриша... Неужели это он? Как же изменился член комсомола с 1920 года Вовченко за те тридцать лет, что он живет и работает в

Москве! Каким стал солидным, представительным!..

А это кто? Высокий, стройный, подтянутый, в военной форме, с широченной колодкой разноцветных орденовских ленточек и знаком депутата Верховного Совета РСФСР на груди? Попробуй угадай в этом военном и государственном деятеле бывшего кировоградского комсомольца Володю Судца! Но это не кто иной, как он, — в прошлом рабочий, летчик, а ныне маршал авиации Владимир Александрович Судец. И, видимо, так и должно было случиться, что в первые месяцы Великой Отечественной войны он организовал оборону родного своего Кировограда, а потом участвовал в освобождении города.

А вот еще один ветеран... Кто-то вспомнил, что в двадцатые годы он был комсомольским вождем в селе Каменка, Ново-Миргородского района, Кировоградской области. Со смехом рассказывали еще тогда, что черноволосый этот хлопчик всегда ходил в расстегнутой, с торчащими в сторону «ушами» буденовке и местные кулаки говорили: «Чо це за чертеня таке з рогами?»

Хлопчик этот, Женя Поповкин, стал писателем. И когда в библиотеку села Каменка пришла однажды толстая книга — роман «Семья Рубанюк» — с портретом ее автора лауреата Сталинской премии Евгения Поповкина, книга эта перешла из рук в руки и старожилы Каменки с удивлением спрашивали себя: «Чи той, чи не той это Женя Поповкин, що був колись у нас комсомольським секретарем?»

...Но вот собралось все московское землячество. Минутной молчания почтили память тех, кто храбро сражался и честно трудился во славу Отчизны и не дожид до этой встречи.

А потом — совсем как в бывалые годы в чоновских отрядах — началась перекличка.

Каждый, кто выходил к стоявшему в центре комнаты столу, не только называл свое имя и фамилию, но одной-двумя скупыми фразами напоминал о том, кем он был тридцать — сорок лет назад, и как бы рапортовал сгрудившимся вокруг товарищам, кем он стал:

— Шура... Ну, а теперь, конечно, Александр Иваненко. Был, если не забыли, членом Кировоградского окружного комсомола первого состава. (Голоса: «Не забыли, не забыли!») Потом учился, был директором завода, руководителем главка, сейчас персональный пенсионер.

— Иван Дудник. Вместе с Сашей Иваненко и другими товарищами организовывал на Кировоградщине комсомол. В тридцатые — сороковые годы был главным инженером по проектированию машиностроительных заводов. Сейчас руковожу технологическим отделом научно-исследовательского института.

Как и этим двум ветеранам, Розалии Беловой, Валентине Анкиенко, Самуилу Наумову, Любове Людмиловой, Ольге Шестановой, Вере Сахаровой, Вере Кацен, Владимиру Серову не пришлось особо напоминать о себе. Они тоже были в среде первых организаторов ком-

сомола на Кировоградщине, прошли долгий и славный путь.

Одна из этой группы кировоградских комсомольцев, Софья Корецкая, выйдя к столу, ничего не стала о себе говорить.

— Лучше я вам, дорогие мои товарищи, — сказала она срывающимся от волнения голосом, — прочту свое стихотворение, посвященное встрече с нашей юностью.

За стихами пошли песни, боевые комсомольские песни тех незабываемых лет.

А потом читали приветственные телеграммы от товарищей по комсомолу из Киева, Харькова, Одессы, Кировограда, от Кировоградского обкома партии, обкома комсомола. «До скорой встречи!» — такими словами заканчивались все телеграммы. И, расходясь уже поздним вечером с собрания, каждый повторял эти звучащие как пароль слова:

— До скорой встречи в Кировограде!

И все брали друг с друга обещания.

— Так смотрите же, Бронислава Яковлевна, на слете в Кировограде будете петь!

— С удовольствием! — отвечала своим землякам народная артистка республики певица Бронислава Златогорова. И, смеясь, добавила: — Но я надеюсь услышать и вас, дорогие друзья! Ведь и вам, слава богу, есть что если не спеть, то сказать...

Да, на слете ветеранов комсомола Кировоградщины, на который съедутся из двадцати четырех го-

жайший постельный режим. Но ведь можно работать и лежа! Плохо стали слушаться руки. Но ведь можно диктовать!

Каждый день, несмотря на боли и недомогание, Борис Леонидович открывал страницы «Махабхараты». Каждый день под крышей тихого домина оживали образы древнеиндийских сказаний. Они говорили о том, как две с половиной тысячи лет назад люди умели низвергать тиранов, о величии супружеской верности. О том, что война преступна, и о том, как еще тогда люди чуткой совести прилагали усилия, чтобы избежать кровопролития и братоубийства.

Начатый труд придавал ученому сил для борьбы с недугом.

Дело подвигалось неожиданно быстро. К 1957 году вышло два тома переводов. Среди них была философская поэма «Гита», притягательная сила которой, по словам Дж. Неру, и поныне так велика, что к ней обращаются все философские школы Индии. Третий и четвертый тома, выпущенные издательством Академии наук Туркменской ССР, содержат ряд эпизодов «Махабхараты», впервые переведенных на русский язык: «Горец», «Сказание о Раме», «Путешествие Бхагавана». Ни одного дня не задержал Борис Леонидович издательству рукопись пятого тома — «Мокша дхарма» («Ос-

нова освобождения»). Книга эта популярна в Индонезии. Она должна выйти в Москве, в Издательстве восточной литературы.

— А вот и шестой том, черновик перевода! — Тонкие и сухие пальцы профессора любовно касаются стопки тетрадной бумаги, перевязанной бечевкой. — Здесь еще четыре тысячи шло.

Я мысленно подсчитываю, сколько же переведено всего. Оказывается, около двадцати двух тысяч двустий. Это две «Илиады» плюс две «Одиссеи» по объему. Дело, конечно, не в арифметике, хотя и она о чем-то говорит. Цифра эта уже превосходит первоначальные наметки и замыслы Бориса Леонидовича. А ведь сделан не только перевод. Каждый из пяти томов снабжен введением, поднимающимся до уровня монографии. Титанический труд! (Между прочим, о нем сказано много теплых слов на проходящем сейчас в Москве 25-м международном конгрессе востоковедов.)

Профессор показывает нам письма из Индии. В одном из них его тепло приветствует вице-президент Индии философ С. Радхакришнан. Ученый перебирает журналы с рецензиями на перевод. Припоминает, как «еще в молодости» купил однажды книгу об искусстве Индии «на всю получку». Шутит. И неожиданно вздыхает:

АШХАБАД

— Да, а в Россию, в Питер (он окончил там военно-медицинскую академию), мне уже не попасть...

Очень не хочется покидать этот дом. Но глаза у хозяйки стали тревожными; она беспокойно поглядывает на профессора и на нас. Пора!

Стукнула сзади калитка. Снова шум городской суеты. Но и сквозь него мне все слышится задумчивый, тихий голос, словно бы про себя читающий старинное изречение:

— Праведный в тяжких страданиях да прибегнет к разуму как к лекарству. Пусть принимает он корень знания, труднодостижимое великое средство. Человек, овладевший разумом, рассекает великий недуг страданий...

Перед глазами — невысокий, худой старик с мудрым и печальным взглядом. Невольно думается о великой силе человеческого духа. О добрых «периферийных» традициях российской науки, которая блистательнейшими взлетами своими обязана не только столичным академиям, но и калужскому учителю математики, и механику-самоучке из Нижнего, и часовому мастеру из уездного городка Козлова.

Сильва

Рассказ

Р. ЗЕРНОВА

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Дорога ползет по узкому, скользкому берегу Мши. Она похожа на грозное море, которое вдруг застыло на полном ходу. Застыло, но не до конца, потому что между высокими снежными гребнями ухабов кое-где проступает темно-желтая вода. Скоро Мша и Мшанка разольются, и с лесопункта добрых две недели нельзя будет выбраться. Мужчины, перегнувшись через борт полуторки, смотрят на воду и переговариваются озабоченно. Мужчин двое — дядя Петя и незнакомый Валерке здоровенный парень, наверное, вербованный. Третий, начальник лесопункта, едет в кабине с шофером.

— Застрянем, — говорит дядя Петя.

— Ничего, — ободряет его вербованный. — Не застрянем — самого начальника везем. Только бы машину не занесло.

— А что?

— А то, что тормозов нет. Чуть занесет — и под лед. Понял?

— Ах, понеси тебя лешак! — перепуганно восклицает краснолицая тетенька, которая сидит посреди машины на своих узлах.

Валерка, придерживая рукой Сильву, тоже перегибается через борт, смотрит под колеса, хотя ничего особенного там разглядеть не может, и слышит, как дядя Петя успокаивает краснолицую тетку:

— Не тушуйтесь, дамочка, в крайнем случае мы плавать умеем! С нами не пропадете.

Голос у дяди Пети сейчас воркующий, голубиный. Валерка хоть и не поворачивается, но знает: он смотрит на ту тетеньку и щурится, как кот.

А мать молчит. Привалилась к дяде Пете и молчит. Сама закуталась в платок так, что лица не видать, а в руках пакет — дядя-Петино пальто, что нынче в райцентре купили.

Валерка слышал, что про мать говорят «пожилая», и ему это не нравилось. Пожилая — это же самое, что старуха, только вежливо. Вон Остроносиха всегда говорит про себя: я человек пожилой. Так у нее же и волосы седые и лицо, как печеная репа. Разве сравнишь мать?

И та же Остроносиха говорит матери про дядю Петю:

— Он человек молодой, а ты, Мария, пожилая. С ним знай край, да не падай! Терпи!

И мать терпит, вот уж скоро год. И терпят Валерка с Сильвой. Когда он приходит, оба замолкают, а Сильва для верности еще забивается под Валеркин топчан. Иначе дядя Петя непременно толкнет ее сапогом, хоть пьяный, хоть трезвый.

Когда пьяный, — что тут уж говорить! И Валерке достается и матери. А когда трезвый —

Е Д У Г ...

родов страны сотни людей, не будет ни одного, ни одной, кому нечего будет сказать. Александр Герман из города Горького сможет рассказать о том, как он и возглавляемое им конструкторское бюро Горьковского автозавода создавали «Волгу». Инженер Гайзер из Ленинграда — о том, как участвовал в сооружении атомного ледокола «Ленин». Командующий войсками Киевского военного округа дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Петр Кошевой и москвич генерал-полковник Иван Чухнов поведают о своем боевом пути в рядах Советской Армии. Бывший кировоградский драмкружок Игорь Нежный прочтет главы из написанной им книги мемуаров о многолетней работе в театре. Министр просвещения УССР академик Иван Белодед поведал о своем пути в науку. Степан Стеценко из города Черкассы — о том, как он стал партийным работником, секретарем обкома партии. Старый коммунист кинорежиссер Александр Разумный, постановщик фильмов «Тимур и его команда», «Миклухо-Маклай» и многих других, поделится своими новыми творческими замыслами — он задумал создать фильм о нескольких поколениях комсомольцев...

И из коротких рассказов сложится большая и яркая повесть о том, какой безрадостной, тусклой, постылой наверняка была бы судьба юных жителей провинциального города Елисаветграда и Елисаветградского уезда в прежние времена и какая она теперь, в наше замечательное советское время.

Ветераны кировоградского комсомола на встрече в МГУ. Слева направо: полковник запаса Г. С. Колоколов, персональный пенсионер А. Н. Иваненко, маршал авиации В. А. Судец, министр просвещения Украины, действительный член Академии наук УССР И. К. Белодед, ректор МГУ профессор Г. Д. Вовченко, подполковник в отставке Б. И. Мельников, главный редактор журнала «Москва» писатель Е. Е. Поповкин, режиссер-театровед П. А. Черная.

Фото В. Минкина и Л. Лаговниера.

не лучше. Ходит, смотрит, все ему не так, все кривится, кривится да приговаривает: «Культурненько!» — и посмеивается.

Что ему в городе не жилось? Сидел бы там, они бы с матерью и знать бы его не знали. Да, видно, там его поняли — сюда приехал. Работает. Кондуктором на паровозе, что рабочих в лес возит. Тоже работа — не бей лежачего! А мать — сучкоруб, у самого Гмызина в бригаде, всегда на Доске почета.

А посмотреть на нее, когда дядя Петя обедать приходит! Суетится, бегаёт, в глаза ему заглядывает, тарелки меняет, в стакан наливает, а заговорить боится. И он молчит, молчит. И Валерка молчит, будто что в себе коптит, и дышать ему трудно.

Валерка мечтает поскорее вырасти. Он скоро уже догонит мать, хоть ему всего двенадцатый год. Еще годика два, и он посчитается с этим молодым дядей Петей. Ух, и будет он у него лететь, ну-у! Это пока он терпит, потому что слабый еще. Но уже теперь у него мускулы самые лучшие в классе. Так что еще немного...

Все потому, что матери говорили: в доме мужик нужен. Раньше она отвечала: «Я и сама мужик в доме». Что бы ей хоть немного подождала, ведь скоро уже Валерка вырастет! А вот выкопала себе этого дядю Петю, который, наверно, и сам-то себя раз в год по обещанию любит! И вечно он недовольный. Сейчас недовольный, зачем Сильву взяли.

А Сильве, правда, нехорошо на машине. Тогда ехали — ничего, а сейчас она все зевает, зевает, видно, мутит ее... Сильва — лайка, настоящая вятская лайка: сама рыжая, хвост крючком, ушки топориком... Скоро у нее будут щенята. У Валерки уже сколько ребят просило, чтобы подарил щенка, но он пока обещал только Андрюшке Белозерцеву, у которого есть плоскодонка с моторчиком. Возьмут собаку — и на плоскодонке на охоту.

Валерка треплет Сильву по спине. Она зевает — длинно, с взвизгиванием.

— Вот еще, развилась тут! — сказал вербованный. — Развели на машине псарню!

— И воет и воет! — поддержала краснолицая тетка. — Еще накличет!

— Говорил я! — зашипел дядя Петя. — Тоже надумали, собаку везти! Эх, был бы я дома! Бескультурье!

И стукнул Сильву кулаком. Она заскулила. — Еще перекусает всех, — опасливо сказала тетка.

— Она не кусается, — вступился Валерка.

— Закрой хлебалю! — рявкнул дядя Петя. — Из-за тебя ее потащили! Мать во всем потакает!

— Ого! — сказал вербованный. — Вон ты как можешь!

— Петя! — зашептала мать. — Да не расстраивайся ты, Петя, не обращай внимания!

Валерка сжимает пальцами Сильвину узкую морду. Она затихает, будто поняла, только дрожит еще сильнее.

Машина наконец вырывается на широкую дорогу и набирает скорость, ныряя в ухабах, как в волнах. Сосновый бор обступает их, белый и тихий. Всем становится легче. Вербованный смеется:

— Во дает! Теперь он смелый. И про тормоза забыл.

— Видали мы таких смелых! — немедленно отзывается тетка с узлов.

Валерка отпускает Сильву. Она поднимает морду к темнеющему небу и скулит — тонко, прерывисто, жалобно...

— Опять воет! — добродушно говорит краснолицая тетка.

И вдруг Валерка видит: белая короткопалая рука хватается Сильву за шиворот, поднимает вверх... Валерка вскакивает... Визг Сильвы, ее рыжие лапы, беспомощно скребущие воздух, ощерившееся дяди-Петино лицо... И Сильва летит за борт машины, на убитую, снежную дорогу...

— Сильва! — кричит Валерка не своим голосом.

Он бросается к заднему борту, чуть не опрокидывая тетку на узлах.

— Ах, ну те к шутам! — говорит она.

— Сильва, Сильва!

Сильва бежит за машиной, высунув дрожащий язык. А машина идет все быстрее, ухабы

все реже, и Сильва начинает отставать: ей тяжело волочить свое отвисшее брюхо.

— Сильвушка, догоняй! — кричит Валерка отчаянно.

Но ее уже трудно разглядеть в сползающих сумерках. Машина поворачивает — и вот уже только белая дорога позади да тихие сосны. Отстала. Валерка садится на дно машины, спиной к кабине, и чувствует: кто-то треплет его по спине. Это вербованный.

— Ничего! — говорит он. — Сама домой прибежит. Чего ей в лесу делать-то? Небось, к дому привыкла.

— Это кошка к дому привыкает, — наставительно говорит тетка. — Собака — она к людям больше.

— Ясное дело! — сказал вербованный. — Со-

бака — друг человека. Не переживай, парень, сегодня же прибежит.

— Друг! — буркнул дядя Петя. — Это уж последняя собака, что себя вести не умеет.

— Валерка! — позвала мать.

Валерка обернулся. Мать стояла, привалившись спиной к кабине, отвела от лица платок и тоже смотрела на дорогу.

— Зови, зови его! — говорит дядя Петя. — Потакай, потакай!

— А ты смотри какой! — говорит вербованный. — Такой вроде дохлый, а смотри какой! Сразу справился!

— Иди сюда, Валера, — говорит мать. — Сядь тут.

И Валерка молча усаживается на прежнее место, около матери, и чувствует боком: ее бьет дрожь. Заплакать ему нельзя. Он сжимает кулаки и сжимает пальцы ног в валенках, задерживает дыхание. Эх, будь он такой здоровый, как этот вербованный! Разве он стал бы утешать кого? Да он взял бы того дядю Петю да как шваркнул бы его...

— Такой, смотрю, сопливенький мужичонка, а с такой здоровенной собакой как справился! — не умолкает вербованный. — Ка-ак он ее за шкирку!..

— Тебе-то что? — говорит дядя Петя угрюмо.

— Главное, я думал, он и поднять-то ее не сможет! А ничего, поднял! И не надорвался!

— А чего она тут развилась, только людям настроение портит? — сказал дядя Петя.

— Смотри, как он за людей болеет! — воскликнул вербованный. — Переживательный мужичина, я вам скажу!

Дальше ехали в молчании. Только когда машина въехала в поселок и уже разворачивалась у конторы, вербованный поглядел на дядю Петю и сказал с уверенностью:

— Гадина ты!

И дядя Петя ничего не ответил.

По обыкновению, дядя Петя сразу прошел в комнату, включил приемник, а мать молча колола лучину, растопляла печь, ставила на огонь чайник, кастрюли... Валерка смотрел на нее со своего топчана: лицо у нее было такое, будто она решает задачу; брови сдвинула и что-то шепчет. Мать посмотрела на него — он зажмурился.

— Ужинать! — сказала она.

— Я спать буду! — ответил Валерка.

И она не стала его тормозить, а ушла в комнату кормить дядю Петю. Валерка стал думать про Сильву. Потом он услышал, как дядя Петя сказал:

— Хоть блох теперь у нас не станет!

— Знаешь что! — сказала мать. — Ты уходи. Давай разойдемся по-хорошему.

— Ты что? — спросил дядя Петя. — Совсем ума решилась?

— Ты сейчас не выпивши, — продолжала мать. — Можешь ты понять, что я тебе говорю? Я тебе официально говорю. Уходи от меня. Вон тебе чемодан уже собран, забирай! Все равно жизни у нас с тобой не будет.

— Да ты что распахивалась, Мария? — миролюбиво сказал дядя Петя. — Из-за какой-то паршивой собаки...

— Пусть будет из-за собаки, — сказала мать. — Пусть я психованная. Пусть я некультурная, а ты культурный, — иди, ищи себе культурную. В общепитии койка всегда найдется. Ну? Иди, а то добром у нас не кончится.

Валерка старался не дышать. Неужели будет такое счастье, и они с матерью опять останутся вдвоем? Да, а Сильва? Сильву-то не вернешь. Она убежала в лес, ее там задерут волки. Вон на прошлой неделе волки в поселок забежали, у Коробочкиных задрали козу. Они сейчас злые, в лесу им жрать нечего, разве спастись собаке? Учительница говорила, что звери не умеют думать... Неправда! Сильва, когда ее из машины выбросили, наверное, думала: вот человек — друг, а за меня не заступился. Как она бежала за машиной из последних сил, как повизгивала! А он не вступился! Слезы ползли по Валеркиному лицу, он их не смахивал, боясь пошевелиться, чтобы не скрипнул топчан.

— Не хочется об тебя руки марать, — сказал дядя Петя. — Дура ты, дура, совсем под старость с ума спятила!

Валерка знал, что надо ответить: «Ты умный, дай ума — пятки помазать». Но мать сказала тихо:

— Это ты правильно говоришь. Была дура. Теперь поумнела.

— Культурненько! — сказал дядя Петя и засмеялся. — Ну, что ж!

Он прошел по комнате, заскрипели половицы.

— Сапоги полбжила? — спросил он.

— Не помещались сапоги, — ответила мать деловито. — Я их отдельно завернула.

— Приемник я тоже заберу! — сказал дядя Петя. — Тебе ни к чему!

Музыка оборвалась — дядя Петя выдернул вилку из штепселя.

— И часы!

— Забирай, забирай! — сказала мать. — Я еще живу!

— Еще бы тебе не нажать! — сказал дядя Петя.

— Ну, гляди! — сказала мать. — Не забыл ли чего?

— Мне твоего не надо, — сказал дядя Петя. — Я далекий сторонник того, чтоб чужое брать! У меня какая жизнь тяжелая была, я чужого сроду не брал! А ты есть, культурно выражаясь, проститутка, вот ты кто!

— Ругай, ругай! — сказала мать. — Я у тебя заслужила.

И дядя Петя в последний раз прошел через кухню, толкнул дверь ногой и вышел.

А мать все не шла запирать за ним двери. Валерка слышал: она сморкалась и всхлипывала. Он представлял, как она лежит поперек широкой, красиво убранной тюлем кровати и как вздрагивает ее худенькая спина, и ему хотелось подойти к ней и сказать что-нибудь. Но у него не было слов.

— Мама! — позвал он.

— Спи! — ответила мать, сморкаясь.

— Мама! А может, Сильва и не пропадет. Учительница рассказывала, раз одна собака из дому отбилась и стала с волками бегать. Они ее приняли за свою.

Он услышал, что мать встала, открыла шифоньер; звякнул стакан о бутылку... Мать глотнула раз и другой... Потом подошла к нему, наклонилась, закутала его в одеяло, как маленького. Пахло от нее вином.

— Спи уж, ученик! — сказала она. — Завтра пойдем твою Сильву искать. Я Валентина попрошу, он нас на бензовозе до места подвезет. Валерка ничего не ответил.

— Не бойся, — сказала мать. — Проживем. Слава богу, руки есть, все наживем еще! И приемник и все! И Сильву найдем! Семья, вишь, захотела! Разве ж то не семья — мать и сын?

* * *

Сильва не нашлась.

Два раза ездили они на то место, где она отстала. Сворачивали в лес, бродили по замерзшей, темной согре, звали... Ходил и Маркелыч, лесосплавщик и знаменитый охотник: взял двух зайцев, а Сильвы так и не нашел.

А потом пришла весна, на радость всему поселку разлились реки, потому что с лесосплавом приходили большие заработки. Только Валерка не радовался: реки смыли его последние надежды. Маркелыч предложил ему щенка от своей Пальмы, но Валерка только рукой махнул: не надо ему после Сильвы ничего.

Дядя Петя не приходил больше. Иногда Валерка встречал его в кино или около конторы. И каждый раз при этом сердце его с силой стучалось о ребра, и ему становилось трудно дышать.

Потом дядя Петя уехал. Однажды Валерка услышал, как Остроносиха — она повадилась к ним ходить — говорила матери: жену взял молодую, дом, огород, корова... И хоть не назвала старуха его имени, но Валерка и так понял. Потом, когда ушла она, мать достала из шифоньера чекушечку, выпила, плакала, потом так и заснула за столом. Валерка кое-как уложил ее тогда.

Больше она, правда, не пила, Валерка не замечал. Но дома все как-то не налаживалось, и разговора у него теперь с матерью не было, как раньше, до дяди Пети. И он совсем разлюбил дом, прибежал поздно, и мать кричала: «Явился! Ночлежник!»

Шло лето, необычно сухое, солнечное, ягодное. Остроносиха похвалялась, будто еще в Новый год по звездам увидела, что год будет не грибной, а ягодный, малинный. Валерке хотелось спросить, увидела ли она, что год будет не комариный, но постеснялся. А комаров, и правда, в это лето не было вовсе.

Как-то в воскресенье, еще до света, захва-

тив пестери для ягод, Валерка с матерью отправились в дальний лес за малиной. У Валерки на это воскресенье были свои планы: отправиться с ребятами на верховье Мши за щуками или просто весь день загорать на маленьком песчаном берегу. Ягоды ребята единодушно считали немужским делом. И поэтому сейчас, идя рядом с матерью по узкой тропке меж елок, он молчал и сопел сердито. От реки тянуло холодом, и холодом тянуло от бледнеющих звезд, и мать поеживалась в своей старенькой телогрейке, но Валерка молчал и думал о той щуке, которую он не поймает сегодня.

— Я там, в дальнем лесу, прошлый год была... — сказала мать. — Там малинник один есть — никто не знает.

Валерка молчал.

— Наберем два пестеря — и вертаемся. Я буду варенье варить, а ты можешь на реку — загорать...

— Ну да! — фыркнул Валерка. — Я хотел с ребятами... на рыбалку...

— Тебе бы все ладно, лишь бы матери не пособить!

— А я не пособляю, да?

Мать ничего не ответила. Последнее слово осталось за Валеркой, но радости это ему не принесло. Молчать становилось неуютно.

«Надо купить ему сапоги, — думала Маша. — Лето кончается, дожди пойдут. Остроносиха говорила, что в магазин завезли кирзовые, с хромовыми головками, все номера, на днях будут продавать. Все она знает, Остроносиха. Может сделать, что человек затоскует, места себе не найдет... Если, например, фотокарточку на маятник повесить вниз головой... Глупости, конечно! Или еще она говорила: истопить печь в полночь лучиной да приговаривать громко: «Не из двора в двор, не из двери в дверь... стоит старая баня, в той бане железная доска,

Провела рукой по его голове, от затылка ко лбу, и прибавила:

— Ще мала дытына!

Валерка посмотрел на мать, подумал, что она сегодня веселая. И она, поняв его, сказала:

— В березовом лесу жениться, в еловом — давиться! Вот как старинные люди говорят!

— Ну да! — сказал Валерка. — В еловом лесу охота! Если у кого охотничья собака...

«Опять про Сильву свою», — подумала Маша. И ясно увидела тяжело бегущую собаку, услышала жалобный, затихающий визг, и опять, как тогда, ей показалось, что это ее выбросили из машины на полном ходу и она бежит за ней, задыхаясь и не веря... Много раз ей так и снилось: машина несется по дороге, а в ней он, Петя, тоска ее тоскующая, и с ним та, молодая... И она бежит, догоняет и вдруг вспоминает, что нельзя ей бежать, ведь она же родить скоро должна... И тут она всегда просыпается от нестерпимого ужаса.

Остроносиха говорит: «Ты бога вечно молить должна, что тебе твой Петя ребенка на память не оставил». Маша соглашается: и правда, куда тут — пеленки, соски... И года уже не те, и Валерку жалко. Только и осталось ее неутоленному, ненасытному материнству, что чужих детей тискать. Валерка что? Валерка уж ее перерос, скоро и совсем отделится.

Валерка, обогранный и размягченный лесной тишиной, мечтал. Хорошо бы найти волчье логово, взять волчат, сдать государству и на те деньги купить плоскодонку с моторчиком! Тогда бы он поднялся по Мше до самого истока, туда, где настоящая охота, ловил бы рыбу, стрелял птицу — там, Маркелыч говорил, ее даже из рогатки стрелять можно!

Ну, он, конечно, поехал бы не один, взял бы с собой Андриюшку Белозерцева. Они бы вдвоем исходили все берега, где еще и геологи не бывали, и открыли бы что-нибудь. Может, и

под доской тоска тоскующая, сухота сухотующая...

Это у нее тоска тоскующая, сухота сухотующая. Да пройдет же она, эта тоска! Сапоги Валерке надо купить, это да.

Верхушки сосен слабо позолотились — началось утро. И вдруг брызнул солнечный свет, забелели высокие, прямые, как колонны, стволы — они вышли в березовую рощу. Березы сходились, расходились и на неприступной основной высоте кивали кудрявыми зелеными головами, и свет тут был золотисто-зеленый, праздничный, и легкое небо, еще не наполненное голубизной, сияло по-утреннему.

— Роса на траве, — сказала мать. — Погода, значит, весь день будет. Сейчас кривую березу пройдем — тут, за холмиком, и малинничек мой. Если только прокурор не нахозяничал.

— Какой прокурор? — спросил Валерка.

— Эх ты, а еще лесовик! У лесовиков ведь как? Елка — начальник, медведь — прокурор!

тут они нашли бы такие трубки, как в Якутии, в которых алмазы...

— Мам, ты когда-нибудь видела алмаз?

— А как же, — сказала мать рассеянно.

— Он стекло режет, да?

— Мгм.

— А ветровое стекло он может разрезать?

— Не знаю я.

— Ничего-то ты не знаешь, — сказал Валерка с досадой.

И всегда так. Вот ради него она выгнала Петра, лишила себя всего. И что? Будет он ей когда-нибудь благодарен? Да он и сейчас не помнит ничего, думает, что так и надо! Нет, где уж ждать от детей благодарности!

За холмом, на вырубленной делянке был малинник. Он был никому не ведом, сама Мария попала сюда в прошлом году только потому, что чуть не заблудилась. И даже Топтыгин еще не протоптал сюда дороги — кусты стояли тяжелые, и листьев не видать было за ягодами.

Пахло сладко и нежно, и откуда-то издали прилетевшие пчелы с тихим жужжанием вились над кустами, и казалось, что не с неба, а от этих разогретых разгоревшимся летом кустов летит медовое, томительное, млеющее тепло.

Валерка забыл, что ягоды — дело не мужское, забрался в самую гущу малинника и работал на совесть: ягоду в рот, две в пестерь... Он ни о чем не думал больше, ему было весело.

Вдруг ему послышался какой-то новый, необычный звук — что-то вроде легкого повизгивания. Он прислушался.

И Мария, которая обирала тот же куст с другой стороны, тоже услышала подозрительные звуки: тихие визги, неясное горловое ворчание...

Волчица с выводком!

Оглушительный свист раздался за кустами — и все смолкло.

Обдирая лицо и руки, мать рванулась в гущу, в самые заросли, вцепилась в Валерку. Он стоял и улыбался.

— Не бойся, — шептал он. — Это, кажется, лисята. Такие рыжие, я заметил... Я ка-ак свистну! А они ка-ак подорвали...

Но мать вцепилась в него намертво. Он увидел ее серое лицо и не стал вырываться. Они постояли молча. Все было тихо.

— Удрали! — сказал Валерка. — Наверное, испугались!

— Пошли, — сказала мать. — Хватит мне этой малины. Пестерь не забудь.

Они спускались с холма по узкой тропке, друг за другом, и Валерка смотрел на мать и думал, что она слабая, а он сильный и уже может ее защитить. Жалко, что то были лисята. Эх, если б была волчица!

Они вышли на поляну, к кривой березе; Валерка оглянулся и посмотрел на холм с сожалением.

Солнце стояло уже высоко, ветра не было, и в тихом просветленном воздухе все предметы словно потеряли тяжесть и глубину: остались только линия и цвет, как на картине.

И, четкая на голубом фоне неба, вся золотая от солнца, на темно-зеленой вершине холма неподвижно стояла большая собака с настороженно торчащими ушами и смотрела им вслед.

— Сильва! — закричал Валерка.

Собака чуть шевельнулась и подалась назад. Валерка метнулся к ней, — мать удержала его.

— Сильва, Сильва! — позвала она тихо и ласково и почмокала языком. — Сильва, Сильва! Собака стояла по-прежнему неподвижно.

— Не узнает! — сказала мать.

— Не верит! — сказал Валерка. — Мама, ну, пусть она придет! Мама!

Ему хотелось сказать обеим — и матери и собаке, — что он не даст их в обиду, что больше никогда при нем сильный не посмеет обидеть слабого. Но у него еще не было этих слов, а может, он и не сказал бы их, даже если бы они у него были. Он только звал, звал:

— Сильва! Сильва!

Собака повернула голову, издала легкое ворчание, обращенное к кому-то позади, и начала спускаться с холма — неторопливо, плавно, величественно. А за ней, на крепких коротких ногах, плотные, блестящие, как медные шарики, бежали три солнечно-рыжих щенка.

* * *

Сильвино семейство уже спало в сарае, и мать сидела у стола, штопая Валеркины штаны, а Валерка не мог заснуть.

— Андрюшка говорит, она их мышами откормила, видно, сразу их родила, потому и не пришла.

— А толстые какие! — сказала мать. — Как поросята!

И засмеялась.

— Посиди со мной! — сказал Валерка.

И мать села на край его топчана, и он наконец заснул, прижимаясь лицом к ее руке, как не делал уже давным-давно. А она сидела и думала: вырастешь ты, женишься, может, я тебе и стану не нужна. Да ты-то мне всегда будешь нужен, что ж тут поделаешь!

Старший маячный специалист Иван Егорович Мякинников.

КРОНШТАДТ

СВЕТ

МАЯКОВ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Их летним вечером морской катер покинул Петровскую пристань Кронштадта и вышел на просторы Финского залива. Медленно, словно нехотя, опускалось к горизонту багрово-красное солнце, окрашивая воду в бледно-розовые тона.

Рассекая воду, катер с ревом несется вперед, курсом к старейшему на Балтике Толбухину маяку. Его башня, возвышающаяся на двадцать девять метров над уровнем моря, отчетливо вырисовывается на горизонте. Маяк сооружен по чертежу Петра I. Вычертив башню и указав ее точные размеры, он внизу написал: «Прочее дается на волю архитектора».

Строили маяк примитивным способом. Но, сложенный из прочного, как сталь, кирпича, до сих пор крепко стоит он на крохотном безымянном островке. Почти четверть тысячелетия светит Толбухин маяк, указывая путь кораблям, идущим заливом в морской канал Ленинградского порта. Теперь от старого маяка, конечно, осталась лишь башня, а вся «начинка» новая.

Моряки дальнего плавания, не раз пересекавшие моря и океаны, многое могут рассказать о том, что значат для них приветливо мигающие огоньки маяков... И хотя сегодня суда оснащены самыми точнейшими навигационными приборами, маяки не отжили свой век. Как и сто лет назад, предупреждают они мореплавателей об опасностях и неожиданностях, подстерегающих на морском пути.

Лавируя между отмелями, катер неторопливо подходит к пирсу. Нескольких шагов и мы на усеянном валунами островке. Тут не разгуляешься: семьдесят шагов в длину, полсотни в ширину — вот и вся территория. Посредине ее — башня. С восточной стороны к ней примыкает небольшое здание: внизу маячного хозяйства, наверху квартиры. Три семьи круглосуточно обслуживают маяк. Второй этаж соединен с башней закрытым коридором. Рядом с домом маленький сарайчик, и подле него тоненькая рябина. Деревья на наменистом островке не приживаются. А если и пустят корни, то ненадолго. Осенью, в штормы, волны смывают их.

Суровая жизнь на маяке, но по-своему романтична. Связь с материком осуществляется по радио. Почту и продукты доставляют катером и вертолетом.

Начальника маяка Николая Ивановича Тускова мы не застали: он вместе с женой и двумя маленькими дочерьми проводил свой отпуск на материке. Его заменял старший маячный специалист Иван Егорович Мякинников.

Жизнь на острове идет размеренно, но беспокойно. Маленький дружный коллектив не считает с тем, на чью долю выпадет больше забот и хлопот. Главное, чтобы маяк вовремя зажег свои огни, действовал, как хороший часовой механизм.

У Ивана Егоровича, конечно, дел побольше, чем у других. Но никто не скажет, что их мало у его жены, маячного специалиста Раисы Филипповны. Она несет вахту наравне с мужем. Нелегко подниматься по крутым деревянным лестницам, насчитывающим около двухсот ступенек.

— Но когда взберешься наверх, — говорит Раиса Филипповна, — посмотришь на идущие мимо суда, точно ощущаешь благодарный взгляд капитанов. И сразу забываешь об усталости.

Толбухинцы вместе работают, все вместе, за одним столом, обедают, вместе вечерами сидят у телевизора...

Преодолев крутые лестницы, поднимаемся в купол фонарного сооружения, застекленного прочными прозрачными штормовыми стеклами: ни бояться ни ветра, ни холода, ни снега.

На тумбе смонтирован оптический аппарат. Собранный из множества линз, он походит на большой хрустальный бокал, переливающийся всеми цветами радуги. Внутри его две маячные лампы: одна в центре, другая по соседству. Если вдруг перегорит одна, на ее место автоматически подвинется вторая.

Свет маяка выключается сам. Стоит только солнцу опуститься за горизонт, как в куполе фонарного сооружения вспыхивает яркий огонек. Он горит пятнадцать секунд, потом гаснет и через сорок пять секунд снова вспыхивает. С такими интервалами маяк светит всю ночь. С восходом солнца он автоматически выключается. В куполе есть еще резервный ацетиленовый аппарат. Внутри в небольшой горелке почти невидимо для глаза круглосуточно теплится малюсенький огонек. Если откажут маячные лампы, немедленно включается ацетиленовый дублер.

Только в густой, непроницаемый туман не виден свет Толбухина маяка. Тогда мореплаватели прислушиваются к сигналам его колокола. Прикрепленный к жесткому маячному специалисту старик-колокол с отлитой на нем датой «1898», как и весь маяк, недавно был «омоложен». Раньше приходилось вручную звонить в колокол. Сейчас безотказно бьет электрический ударник.

Находясь в куполе поздним вечером, видишь, как с Толбухиным маяком перемигиваются глазки других маяков. С острова Кроншлота красным оком светит маяк, на котором — мы знали — вахту несет Алексей Семенович Дневалыный. А когда сумерки ступились, на Финском заливе замигало множество маячных огней. Ориентируясь на них, полным ходом шли к Ленинграду и от Ленинграда большие океанские корабли, на которых развевались флаги Советского Союза, Франции, Польши, ГДР, Бельгии, Голландии, Норвегии, Швеции, Финляндии, США...

Судам, везущим мирный груз, всегда гостеприимно светят наши маяки.

К. ЧЕРЕВКОВ

Повесть «Он сделал все, что мог» в целом хорошая повесть. И герой мне понравился. Смелый, умный, преданный Родине молодой человек. Но вот конец повести не удовлетворил меня. Я не ожидала увидеть такого Владимира — сухо, черствого, неприветливого.

И. Иванова

г. Армавир.

Повесть В. Ардаматского «Он сделал все, что мог» мне очень понравилась. Как я хотел бы встретить героя повести и поговорить с ним!

С. Чульба (г. Сухуми).

Случай, о котором пишет С. Смирнов в очерке «Бессменный часовой», кажется, произошел не в Брест-Литовске, а в Перемышле, где была русская крепость. Дата совпадает, выстрелы под землей — тоже.

Брат мой Александр при встрече на фронте в 1916 году рассказывал мне, что 6-й Железнодорожный батальон последним покинул Перемышль. Взорвать склады не удалось, но разрушить и замаскировать входы удалось. Склад продовольствия под землей сохранился, им, видно, и воспользовался часовой.

Сейчас я роюсь в своем архиве. Подробности сообщу.

Н. Н. Смирнов

Москва.

Просим рассказать о микролитражке «Запорожец».

П. Гулев (г. Новошахтинск).

Н. Роголев (г. Красноярск).

«Запорожец» — четырехместный автомобиль. Двигатель воздушного охлаждения мощностью 20—22 л. с. расположен за задним сиденьем. Автомобиль имеет независимую подвеску всех колес, снабжен отопителем кузова. Максимальная скорость машины — 80 км/час.

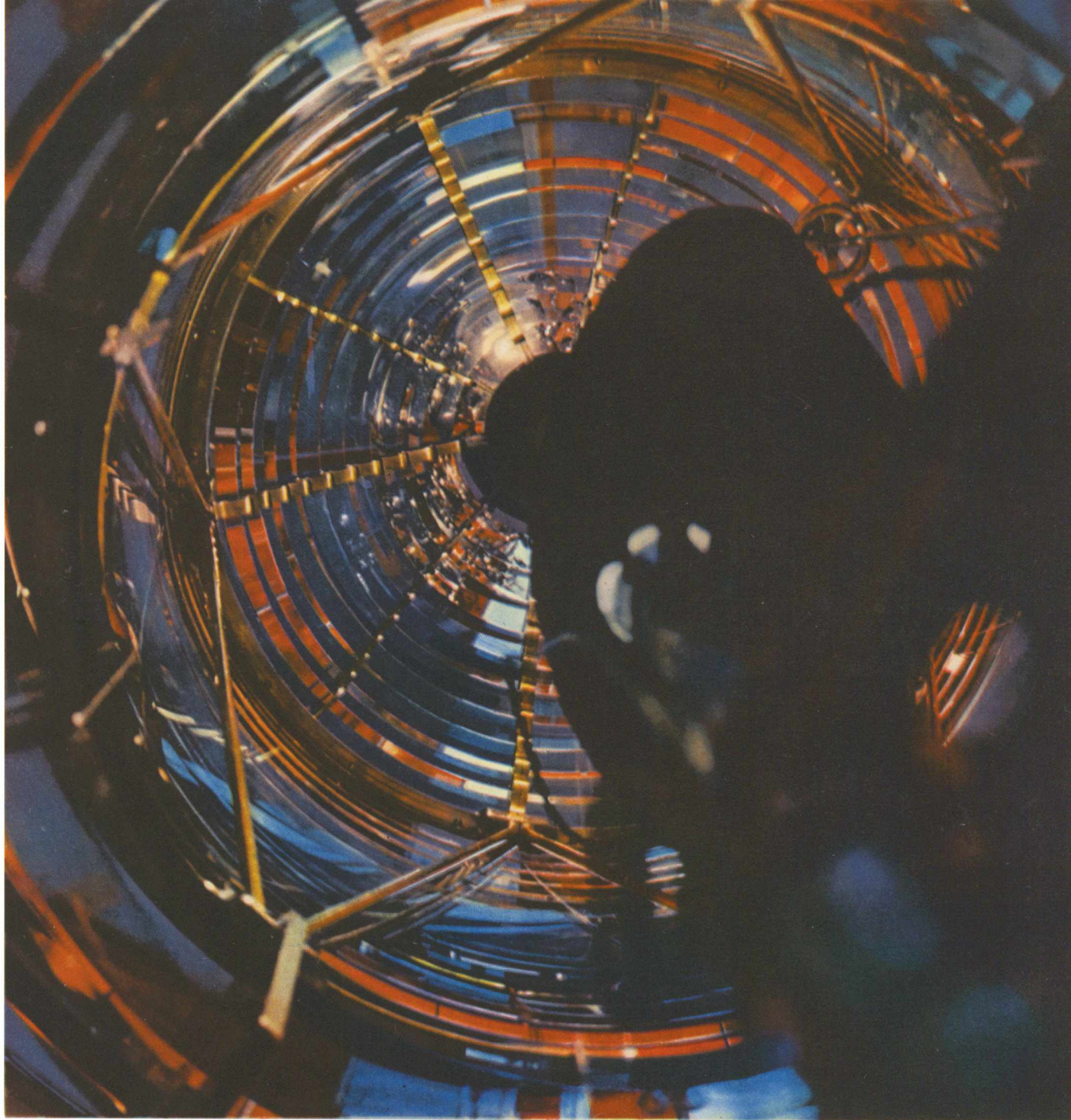
Выпуск автомобилей должен быть начат в 1960 году, а серийное производство его — в 1961 году.

Цена на «Запорожец» и порядок его продажи еще не установлены.

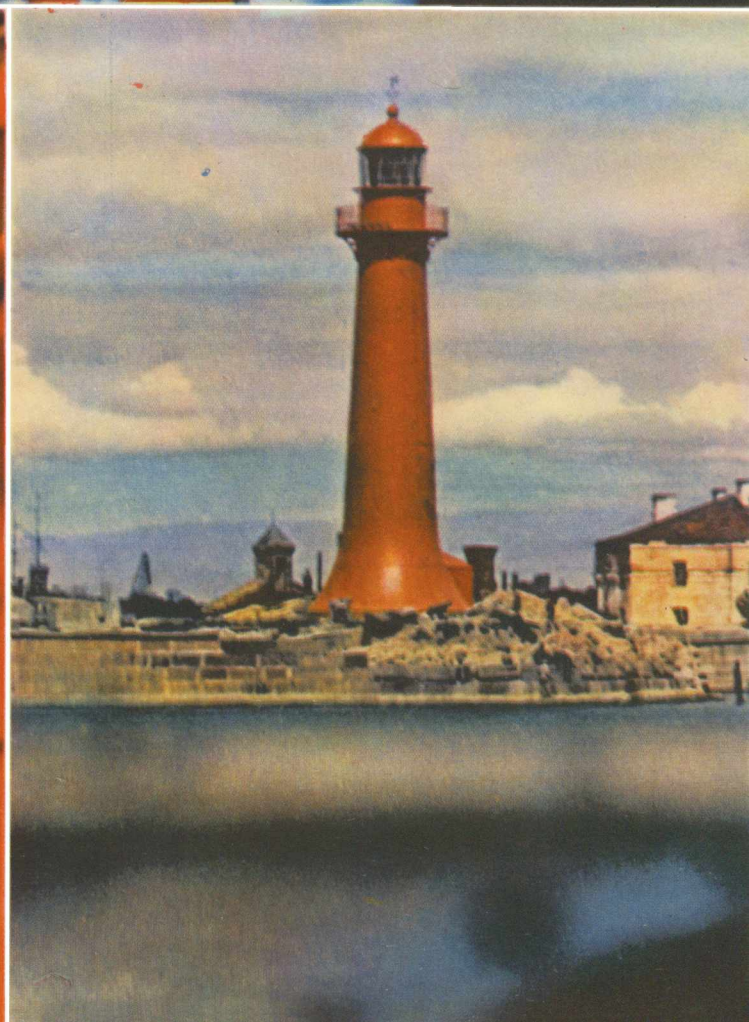
Зам. начальника отдела Госплана СССР

В. ДЕВЯТОВ

Что это — кадр из научно-фантастического фильма? Нет, так выглядит изнутри световой оптический аппарат маяка на острове Кроншлот.

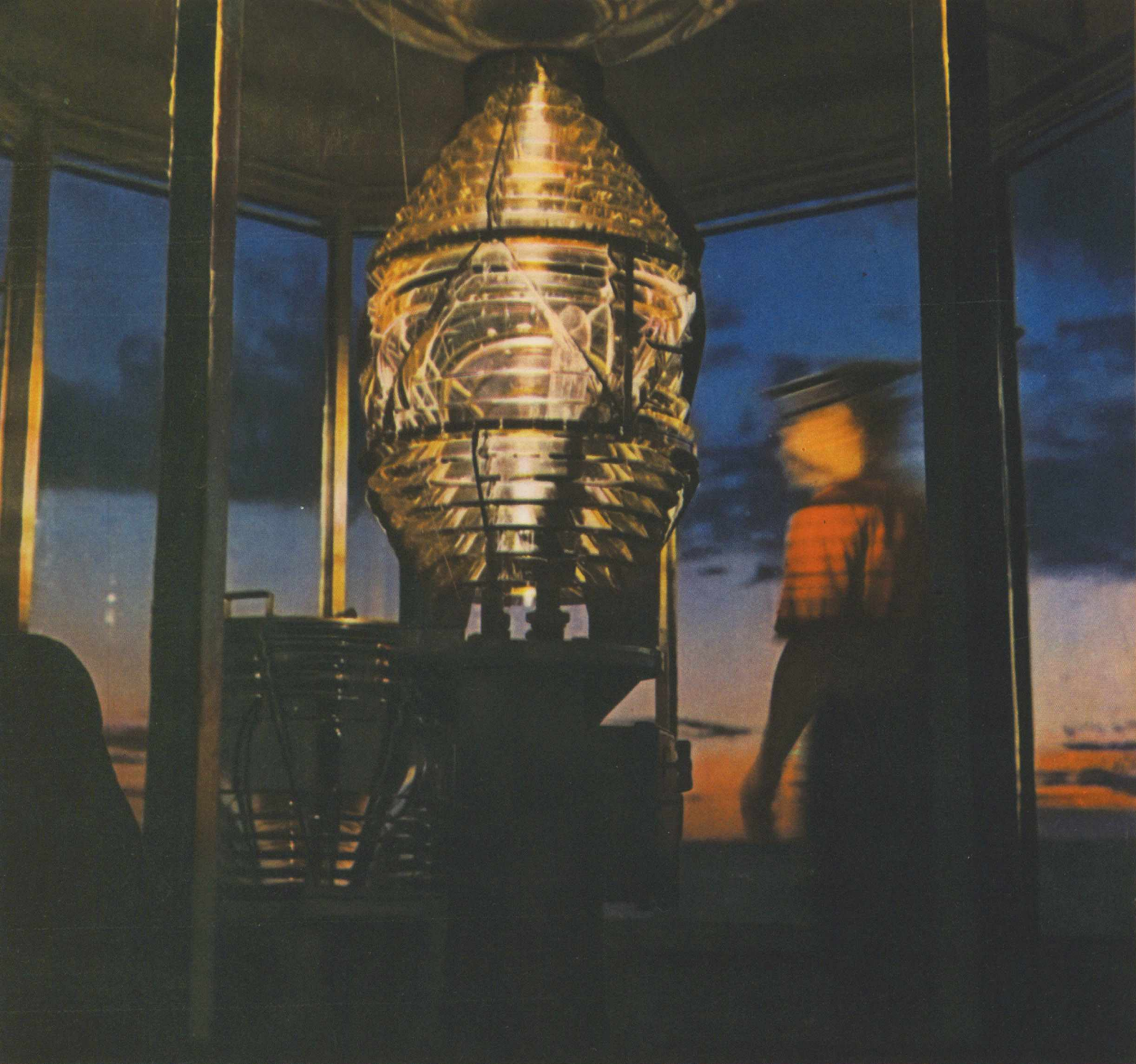

Неусыпную вахту несет начальник маяка А. С. Дневальный. Лишь с рассветом кончается его «смена», лишь тогда, когда становится видна кораблям вся высокая башня маяка.

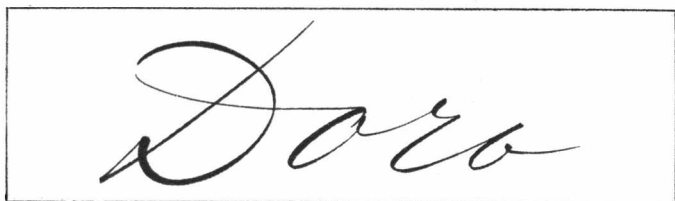

Как только погаснут последние солнечные лучи, автоматически зажигается фонарь Толбухина маяка, и всю ночь он будет светить морякам путеводной звездой.

В куполе Толбухина маяка.

ПРОДОЛЖЕНИЕ.
Начало см. на стр. 9—10.

— Наташа! Я скоро поеду в командировку на юг. Там тепло, море, в котором можно купаться, много фруктов и вкусных конфет. Поедешь со мной?

— Ч мамой,— спокойно ответила Наташа.

Бабушка тоже включилась в разговор. Подмигнув Антону Ивановичу, она обратилась к Наташе:

— А если папа и я останемся дома, а мама поедет? Как ты?

— Ч мамой!

— А если...— на ходу придумывая вариант, заговорил Антон Иванович,— я и бабушка...

Наташа махнула рукой и не дала ему договорить:

— Ч мамой, только ч мамой!

Все засмеялись, а бабушка подвела итог разговора:

— Нам с тобой, Антоша, никакого доверия. Ты конфетки, я котлетки, а она «только с мамой»! Как говорится, «у Фили пили, Филю и побили».

И хоть бабушка сказала, что «Филю побили», Наташе было ясно, что никто не обиделся. Ведь и папа и бабушка тоже любят маму. Папа всегда говорит, что мамуся хорошая и все они должны ее слушаться. Бабушка тоже считает маму главной. Нередко она говорит Наташе:

— А что мать скажет? Ей это понравится? Смотри, девка, как бы нам с тобой не нагелело!

С бабушкой Наташа очень подружилась. И не только потому, что они вместе готовили обед, вместе ходили гулять и спали в одной комнате. С бабушкой было весело и интересно, потому что они много разговаривали. Конечно, говорила больше бабушка, потому что она давно живет на свете, многое в жизни видела, слыхала и сама пережила.

Пожалуй, никому, кроме Наташи, Екатерина Павловна не рассказывала о своей жизни. Кто будет слушать? А Наташа слушает внимательно, не сводит с нее своих ясных глазенок. Она многого, конечно, не понимает, но Екатерина Павловна и не старается говорить так, чтоб девочка все поняла. Она «душу свою отводит» перед внучкой.

Жизнь бабушки была трудной. Жила в деревне в нищете и бедности. Родила одиннадцать детей—семь мальчиков и четырех девочек. Трое умерли младенцами от болезней, остальные, слава богу, все выросли.

— Кругом всегда была куча ребят. Бывало, хочу позвать одного, не вспомню, как зовут. Ванятка, Васятка, Мишатка, Душка, Полюшка, Аришка... тыфу ты! Федька! Тебя зову!

Когда умер муж, старшие дети были уже взрослые. Сами пахали, сами молотили. Жили отдельным хозяйством, колхозов-то еще не было. Самый младший сын—Володя. Для Наташи он дядя Володя.

— Он побьет фашистов?—спрашивает Наташа.

— Побьет. Раз обещал, значит, сделает!

Грамоте бабушка выучилась, когда подросли дети. Учил ее сын Михаил, который теперь тоже на фронте. Бабушка любит читать и газеты и книги. Вслух она читает плохо, очень медленно и нараспев. Поэтому она про себя читает, а потом рассказывает Наташе.

— Опять наши наступают. Скоро придут в Берлин. Так вам, фашистам, и надо! Не лезь в чужой огород!

Бабушка любит читать Чехова, Горького, Толстого. Прочитает и обязательно перескажет Наташе. Наташа смеется над Ваней. Глупый! Не хочет признаться, что съел одну сливу! Она горько плачет над судьбой Ваньки Жукова, который не знал адреса своего дедушки, знает все перипетии Каштанки.

Сказки бабушка не любит рассказывать.

— Вон включи радио и слушай! Там хорошо

рассказывают, я так не умею. И не люблю я эти выдумки.

Зато на пословицы, поговорки бабушка была очень щедра. На каждый случай в ее памяти мгновенно отыскиваются самые меткие, верные изречения. В приметы бабушка не верит, но не упустит случая заметить, что если в ушах звенит, кто-то лихом поминает, икнулось—добро вспомнулось, ресница выпадет—к подарку, губы чешутся—к гостинцу. Последние две приметы у Наташи всегда почти сбывались.

Уже взрослая, Наташа помнила все загадки, которые они разгадывали с бабушкой, которые ей так трудно было выговаривать. Бабушка до слез смеялась над ней.

Постепенно Наташа осваивалась в новой жизни. Она никогда не вспоминала Ленинград. Быть может, в первое время и вспоминала, да говорить об этом не умела и не решалась. А потом и действительно забыла, потому что никто и никогда не напоминал ей об этом.

И вот наступило время, когда Ирина Андреевна должна сама рассказать Наташе о тяжелых и необычных событиях ее раннего детства. Все, что было позже,—на память, а если раскрыть альбом с фотографиями, то, как на пленке диафильма, пройдет перед глазами жизнь Наташи.

Глава 4

Альбом был большой, тяжелый, в толстом коричневом переплете. В нем хранились все лучшие семейные фотографии, начиная с того времени, как Наташа приехала в Москву.

У Березова был хороший фотоаппарат, который он получил в качестве ценного подарка. Проявлять и печатать фотографии Антон Иванович не любил, да и не хватало у него на это времени. Заснятые пленки он отдавал специалисту-фотографу. Но фотографировал он охотно и удачные снимки сам наклеивал в альбом.

Удачными снимками Антон Иванович считал не только те, где хорошо выходили лица и фигуры, но главным образом те, где фиксировались важные и интересные семейные события. Поэтому каждая фотография воскрешала в памяти какой-либо эпизод. Каждая страница альбома отражала новую ступеньку в жизни семьи и главным образом в жизни Наташи.

Ирину Андреевну и Наташу Антон Иванович фотографировал всегда и везде: в комнате, на улице, зимой и летом, с яркой электрической лампочкой и при дневном солнечном свете. Вот уж надоел он им!

— Остановитесь! Вот так, спокойно! Наташа, поверни голову, посмотри на маму. Поправь волосики! Ну, так, снимаю. Ира, почему ты так жмуришься? Солнце? Потерпи немного.

Приходилось терпеть. Разве отвязаться от него! Но теперь Ирина Андреевна и Наташа с удовольствием смотрят на фотографии.

Вот первая, на всю страницу, фотография. Наташа сидит на ковре в окружении веселой компании. На коленях у нее кукла, та самая кукла с закрывающимися глазами, которая еще в письме была обещана Антоном Ивановичем. Справа и слева от Наташи расположились в свободных позах плюшевый мишка и смешная, развязная обезьянка. У ног девочки уселась маленькая собачка, которая сторожит выстроенную из кубиков будку.

Ну что ж! Как видно, помаленьку устраивается человек, налаживает хозяйство. Но сама Наташа, несмотря на веселое окружение, красивое пышное платье и великолепный бант, как будто не вошла еще в роль полноправной хозяйки. Большие глаза девочки смотрят удивленно и немного испуганно.

Вот они двое—мать и дочь—сняты в рост на фоне деревьев. Мать высокая, стройная, еще молодая женщина. А дочь совсем маленькая. Снимок сделан на даче, в Краскове, где Березовы сняли дачу в то лето, после болезни Наташи. Сосна и Елочка...

...На участке около их дачи стояла большая сосна. Ее ствол тянулся высоко в небо, и там, на просторе, она раскинула крону. А совсем рядом росла елочка. Свои неглубокие корни елочка разместила между корнями сосны и лапками нежно обнимала ее ствол. Елочка была совсем маленькая, она только начинала жить, и сосна защищала елочку от дождя, и ветра, и от знойного солнца. Наташа сразу обратила внимание на эту дружную лесную пару.

— Мамуча! Это ты и я!—и обняла Ирину Андреевну у колен, как елочка сосну.

— Значит, ты Елочка, а я Сосенка.

Ирина Андреевна уверяла мужа, что у Наташи поэтическое восприятие мира. Тот согласился и добавил:

— Вообще девочка необыкновенная! На миллион одна такая! Я это говорю не потому, что она наша дочь, а совершенно объективно. Это было очередным преувеличением. Но кто станет возражать?

В альбоме множество снимков Березова с дочкой. Эти фотографии делались так. Антон Иванович сам вымерял расстояние, наводил фокус, потом ставил на свое место Ирину Андреевну, а сам бежал к Наташе. Выбрав позу, он давал команду, и Ирина Андреевна, глядя в глазок фотоаппарата, щелкала кнопкой. Странно, но и эти снимки получались неплохими.

Вот отец и дочь, взявшись за руки, идут по дачной просеке. Вот дочка на коленях отца, и он целует ее в щеку. Вот они в рост, вот их лица крупным планом. Оба они заразительно хохочут.

— До чего же похожи друг на друга!—говорят теперь все, кто смотрит на эту фотографию.

Самая лучшая фотография альбома та, где Наташа снята за мытьем посуды. Она стоит перед табуреткой с блестящим эмалированным тазиком и моет чайную чашку. На девочке платье в горошек и фартук с кармашком. Через плечо перекинута посудное полотенце. Волосы отросли, и теперь торчат две косички с бантиками.

Как все-таки люди меняются! На этой фотографии не сразу узнаешь Наташу. Оказывается, у нее озорное личико с вздернутым носиком и блестящими в смеющихся глазах.

Эту фотографию Антон Иванович увеличил, и она в рамке висит на стене, перед его письменным столом.

Бабушке, Екатерине Павловне, фотография совсем не нравилась.

— Подумаешь, картину повесили! Платье будничное, снимали в кухне, ну какая тут красота?

Бабушка считала, что фотографироваться за просто, без специальной подготовки, неприлично. Когда Антон Иванович неожиданно наводил глазок фотоаппарата на Наташу и бабушку, Екатерина Павловна демонстративно отворачивалась. Поэтому на некоторых снимках где-то на втором плане бабушка видна со спины. Когда такие фотографии помещались в альбом, она сердилась:

— На смех людям меня выставляете!

— Но вас здесь никто не узнает!—оправдывался Антон Иванович.—Зато смотрите, какая Наташа хорошая!

Там, где Екатерина Павловна снималась «настоящему»—в праздничном платье, с прилизанными волосами, в строгой, а по сути дела, напряженной, неестественной позе,—там трудно было ее узнать. Вместо мягкого, доброго лица бабушки, с мудрым взглядом, с фотографии смотрела сердитая женщина с жестким и бессмысленным лицом.

Теперь Ирина Андреевна и Наташа очень жалуют, что не сохранилось ни одной хорошей фотографии бабушки. Екатерина Павловна за эти годы очень изменилась. Когда Наташа приехала в Москву, бабушке было пятьдесят пять лет, она была дородная, статная. Теперь ей

семьдесят. Лицо изрезано морщинами, вся она сгорбилась, высохла.

Не только годы состарили Екатерину Павловну. Состарило и горе. С войны не вернулся ее сын Володя. Хороший, веселый дядя Володя!

Наташа, как Снегурочка, стоит в белой меховой шубке, в белом капоре, с белой муфтой. Кругом заснеженные ели. Чуть-чуть фантазии, и можно подумать, что затерялась девочка в дремучем лесу. На самом деле снимок сделан в Подмоскovie, в Архангельском.

На квадратных полянах старинного юсуповского парка были посажены серебристые ели. Совсем рядом три елочки, как три сестрички — старшая, средняя и младшая. Младшая была немножко выше Наташи. У этих елочек Антон Иванович сфотографировал Наташу.

Березовым этот снимок напоминает их пребывание в военном санатории «Архангельское». У Ирины Андреевны впервые тогда было обнаружено сердечное заболевание. Осенью она ездила на могилу сына, поставила ограду, посеяла многолетние цветы. А домой приехала больная, с ангиной. И после этого почувствовала свое сердце.

Наташа помнит Архангельское потому, что видела там белочек. В парке на ветках древних лип живут ручные белочки. Одна из них взяла прямо из руки Наташи кедровые орешки. Потом убежала и больше не подошла. Разве такое забудешь?

Перевернем страничку альбома и увидим Наташу с ее новыми друзьями. Вот сероглазая, чернобровая Маринка — первая московская подружка Наташи. Живет она в этом же парадном, этажом ниже. Маринка на полгода моложе Наташи, но такая шустрая и смелая, что сразу стала командиром. Наташа охотно ей подчинялась. С Маринкой совсем не страшно во дворе. Попробуй подойди чужой мальчишка — такой крик поднимет, что тот с испугу сразу убежит.

Наташа и Марина стали неразлучными. Гуляют вместе, а только придет Наташа домой — звонок в дверь.

— Наташа дома?

Это Маринка. Она только что попрощалась и тут же снова к Наташе.

А это что за снимок? Новогодняя елка? Подождите, дайте разобраться! Вот стоит Снегурочка. Это Наташа, ее легко узнать. Ну, а кто Кот в сапогах? Не знать, что Марина, — во век не догадаться. А Дед-мороз с большой бородой? Это Женя Ванин.

Женя Ванин... Не он ли стал причиной тягостного разговора Ирины Андреевны с Наташей?

Закроем на время альбом и вспомним детскую дружбу Наташи с Женей. Придется вспомнить, хоть это и неприятно, и Динару Васильевну.

Глава 5

Никогда Ирина Андреевна не стала бы встречаться с Динарой Васильевной Ваниной, если бы не дружба их мужей.

После войны Березов стал ведущим конструктором самолетов вновь созданного конструкторского бюро. Федор Петрович Ванин был летчиком-испытателем и проводил основные испытания самолетов опытного завода, где работал Березов. Их дружба была спаяна общей работой и взаимной ответственностью друг перед другом.

Ванин и Березов любили друг друга просто, по-человечески. Они с удовольствием проводили вместе свободное время за праздничным столом или на прогулке. Встречаться семьями было удобно еще и потому, что жили они в одном доме.

Ирине Андреевне очень нравился Федор Петрович. Русоголовый, голубоглазый, всегда улыбающийся, он напоминал ей сказочного Иванушку — доброго, простоватого и удачливого. Ирина Андреевна как-то сказала об этом Антону Ивановичу.

— Вот именно сказочный! — засмеялся тот. — Насколько мне помнится, сказочный Иванушка-дурачок всегда оказывался самым умным и самым храбрым. Вот так же обманчива и внешность Федора. Ты подумай только, как может летчик-испытатель, испытывающий сейчас первые реактивные самолеты, быть простоватым? Ванин — человек острого, напряженного ума, редкой отваги, отваги уверенного в себе, опытного человека. Это перво-классный летчик-испытатель с врожденным талантом и с редкой трудоспособностью и выносливостью. Ты послушала бы, как он с нами, инженерами, разговаривает, тебе не пришла бы мысль о таком сравнении. А то, как он за столом ваничку валяет да анекдоты рассказывает, — это похоже на Иванушку-дурачка. Федору нравится роль простоватого деревенского парня, и внешность помогает ему играть эту роль.

Жена Ванина, Динара Васильевна, была худая высокая женщина, на полголовы выше Ванина, с недобрим выражением востроносого лица. Она одевалась так, что нельзя было не заметить ее достатка: на плечах лиса, в ушах серьги, на руках браслеты и кольца. Держалась Динара Васильевна жеманно, говорила «академично», «библиотечно», «студентски», делая на «э» ударение, с французским прононсом.

Чуть ли не при первом же знакомстве с Березовыми она, укоряя мужа в какой-то бестактности, сказала Ирине Андреевне:

— Вы уж извините Федора. Он простоват у меня. Сколько раз я ему говорила, что положение обязывает. Нельзя же забывать, что мы из первого миллиона...

— Что вы сказали? — удивилась Ирина Андреевна.

— Говорю, из первого миллиона. Таких, как Федор, по положению и заработку не больше миллиона в нашей стране.

Ирина Андреевна засмеялась.

— Ну, знаете, таких, как ваш Федор Петрович, немного. У него ведь вся грудь в орденках.

— Это мало что теперь дает, — ответила Динара Васильевна.

Когда-то на севастьяпольском бульваре молодой летчик морской авиации Ванин увидел девушку, высокую, строгую, одетую в крепдешинное голубое платье, и сразу влюбился в нее. Она казалась ему не просто красивой, а величественной и недостижимой. Мнение о недостижимости довольно быстро испарилось. С помощью родителей Дуся — так ее звали в ту пору — скоро женила на себе Федора. В отношении красоты, величественности и прочих несуществующих качеств заблуждение Ванина сохранилось на многие годы.

Дуся с первого и до последнего дня совместной жизни не уставала подчеркивать свое превосходство перед мужем, всегда и всюду учила его хорошим манерам. Федор выслушивал поучения Дуси, улыбался и продолжал оставаться самим собой.

За годы их совместной жизни Ванин окончил академию и стал признанным асом. Дуся за эти годы ничего не прибавила к пяти классам средней школы, которые окончила в свое время. Но она продолжала учить Федора и утверждала, что вывела его в люди, что без нее он остался бы неотесанным деревенским парнем. И в подтверждение своего превосходства сменила простое имя Евдокия, которое получила при рождении, на Динару.

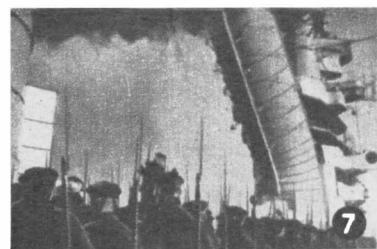
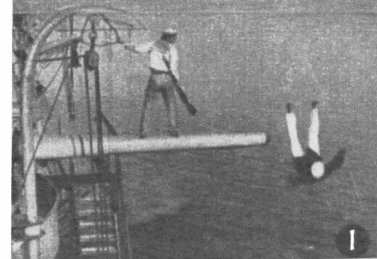
Бесспорным качеством Динары Васильевны было умение вести хозяйство. Хозяйство было целью ее жизни, гордостью, и тут раскрывался весь ее талант. Гости, которые бывали в доме Ваниных, всегда ставили в пример Динару Васильевну. Уж эта умеет угостить! Такого шашлыка, таких чебуреков и всевозможных салатов нигде не приходилось есть. На стол подавались необыкновенного вкуса моченые яблоки, маринованные и соленые огурцы и помидоры, соленая капуста кочанами.

Динара Васильевна, гордая своим искусством, замечала:

— Все со своего дачного огорода. Ничего покупного нет. И все я сама, работницы у меня нет. Представляете, как весна, я с утра до ночи на участке. У Милочки слабое здоровье.

У Ваниных была дочь Милочка — омоложен-

? ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ К И Н О

На этот вопрос, вероятно, почти все наши читатели без раздумий ответят утвердительно. Ну что же, тогда посмотрите внимательно эти снимки... К каждому из них под таким же номером напечатаны вопросы, на которые надлежит ответить. Чтобы облегчить труд, мы поднажмем вам, что все это кадры из советских фильмов, удостоенных наград на международных кинофестивалях.

1. Назовите фильм и фамилию его постановщика. На каком международном

ное издание Динары Васильевны, долговязая, востроносая девица, с томным взглядом, накрашенными ресницами, с длинными перламутровыми ногтями. Милочку обучали музыке, и когда она по просьбе матери играла для гостей на пианино, слышно было, как шуршат на клавишах длинные ногти.

А еще был у Ваниных мальчик Женя, очень похожий на Федора Петровича. Такой же плотный и широкоплечий, с такими же голубыми глазами и русыми волосами. Только у Жени густые и короткие, а у Федора Петровича длинные и поредевшие. И улыбались они по-разному. У Федора Петровича улыбка широкая, смелая и с хитрецей. А Женя улыбался застенчиво и смотрел немножко исподлобья.

— Как похож на вас сынок! — сказала Ирина Андреевна Федору Петровичу, когда впервые пришла к Ваниным вместе с Наташей.

Федор Петрович положил руку на плечо мальчика и, неожиданно сконфузившись, сказал:

— Это мой племянник.

— Да что вы говорите? Удивительно похож! Как родной сынок!

Жене тогда было восемь лет, и он учился в школе. А Наташе только пять. Но они сразу нашли общий язык. Женя повел ее в какую-то маленькую комнату за кухней, заставленную банками и кадками. Здесь стояла его кроватка и столик. Женя показал Наташе спеленные из пластилина фигурки собачек, кошек, слонов, петухов.

— Хочешь, я сейчас слеплю для тебя слонов, и больших и маленьких? — спросил он Наташу.

— Хочу!

Женя взял пластилин, размял его, и очень быстро из бесформенного комочка стал вырисовываться слон с хоботом и большими ушами.

Когда Женя лепил, Наташа заметила, что на одной руке у него только три пальца.

— А почему у тебя так мало пальчиков? — спросила она.

Женя резко отдернул руку за спину, страшно покраснел, опустив глаза, и молчал. Но потом исподлобья глянул в широко открытые, удивленные и вопрошающие глаза и тихо сказал:

конкурсе, в каком году ему присуждена премия? Какие фильмы заняли на этом конкурсе первые три места?

2. Вспомните название этого фильма и участвовавших в нем трех замечательных театральных актеров. Какой этап в развитии советского кино он открывает?

3. Укажите название фильма, кто его ставил, кто играл ведущие роли.

4. Назовите фильмы, вошедшие в эту трилогию. Вспомните, кто автор сценария, режиссер, исполнитель главной роли.

5. В каком году этот

фильм вышел на экраны, чей это был кинодебют?

6. Как называется картина, кто играет в ней главную роль? Какой русский ученый был прообразом героя картины?

7. Назовите фильм, его сценариста, режиссера, оператора. Какая в нем единственная женская роль и кто ее играл?

8. Вспомните этот фильм, его режиссера, название романа, положенного в основу картины. Кто снимался в главной роли? Кто эти актеры и кого они играют?

9. Какой прославленный артист впервые снимался в кино в этом фильме? Назовите другие воплощенные им на экране образы.

10. Кто режиссер этой картины? Вспомните другие его фильмы.

11. Как называется фильм? Какие киноактрисы играли этих девочек, будучи еще детьми? Назовите их взрослые роли.

12. Кто автор рассказа, положенного в основу фильма? Назовите исполнителей главных ролей в этом фильме и в немом, поставленном раньше по тому же рассказу.

13. Вспомните режиссера фильма и автора сценария. Где и какой премией был отмечен этот сценарий?

14. Назовите режиссера этого фильма и другие его фильмы и сценарии.

15. Как называется фильм, сколько в нем серий, кто его постановщик? Какие известные актеры, каких театров снимались в нем в главных ролях?

16. Где впервые был напечатан рассказ, положенный в основу фильма? Кто играет в нем главную роль? Вспомните первую роль этого актера.

17. Как называется этот фильм, на каком фестивале, какая премия была ему присуждена? Назовите зарубежную картину, в которой играл один из участников этого фильма. Она демонстрировалась на том же фестивале.

18. Как называется фильм, кто его режиссер, оператор? Кто играл главную женскую роль и какой награды за это удостоен?

Вы сможете проверить себя, прочитав ответы на эти вопросы в следующем номере «Огонька».

— Мне их в больнице отрезали. Они были отморожены. Это когда я от фашистов убежал.

И снова начал лепить.

Женя шел с мамой по дороге, забитой людьми и повозками. У всех были вещи — в руках, перекинутые через плечи, за спинами, в рюкзаках. Шли быстро, спешили убежать от фашистов. И вдруг налетели самолеты с черной свастикой и начали стрелять в людей. Люди побежали с дороги к лесу. Женя держал маму за руку и тоже бежал. Вдруг мама упала. Женя хотел остановиться, но его захватила толпа, и он вместе с ней продолжал бежать. Он бежал по полю, плакал, звал маму, но продолжал бежать. Потом бежал по лесу. И наконец оказалось, что он остался один-одинешенек в лесу. Как это было страшно, Женя помнит до сих пор.

Вот он сидит на пенечке. Кругом высокие дремучие ели и маленькие елочки. С неба падает хлопьями белый снег. Вся земля в лесу, все деревья покрыты белым снегом. И кругом тихо-тихо. Женя боится плакать, звать маму. Он боится спугнуть эту тишину. Закричит — и вдруг набросятся на него лесные чудовища! Нет, лучше молчать и сидеть тихонько.

Женя тепло одет. На нем валенки с галошками, теплая шубка и шапка-ушанка. Вареники не потерялись: они были пришиты к тесемке, протянутой через вешалку. Но Женя давно уже сидит на пенечке, и ему становится холодно.

И вдруг налетел ветер. Он закачал верхушки деревьев, и на Женю посыпалась снежная пурга. Женя вскочил и побежал, сам не зная куда. Ветер подталкивал и гнал его.

Весь лес качался и чернел. Большие сосны скрипели и готовы были свалиться. Брызги снега, сброшенного ветром с деревьев, пробивали рябины на снежном лесном покрове. Уже кончился лес, а Женя все бежал и бежал, пока не упал без сил.

Его нашли советские солдаты. Сильными шершавыми руками они растерли застывшие руки и ноги мальчика, терли его нос и щеки.

А потом больница и ужасная боль в пальцах левой руки и левой ноги. Нестерпимо болели пальчики, которые уже были отрезаны.

Женя плакал и звал маму.

— Ты лежи спокойно, не плачь! — уговаривала медицинская сестра, поглаживая его мягкие светлые волосы. — Мама потом придет. Нет, мама не придет. Если она не нашла его в лесу, если нет ее сейчас, значит, нет мамы. Так ли подумал Женя или как-то иначе, по-своему, но он с того времени не звал больше маму. Да и отвлекли его иные, хорошие, даже веселые события.

Шутка ли сказать, в больнице сотни взрослых мужчин — солдат и офицеров, а самым знатным человеком оказался он, Женя. Его здоровьем все интересовались. В госпитале не было человека, который с утра не поинтересовался бы, как сегодня чувствует себя Женя. В палату, где лежал мальчик, столько приходило гостей, что доктор не на шутку сердился: — Что ж это за безобразие! Прикажете вооруженную охрану поставить?

Возмущались и медицинские сестры.

— Ну разве ребенок может столько гостей съест! С ума сошли, всё сюда тащат!

Когда Женя стал ходить, его наперебой звали в палаты:

— Женечка! К нам заходи! Мы тебя давно ждем!

— Ребята! Смотрите, кто к нам идет!

Женя был мальчик общительный. Он охотно разговаривал, читал наизусть «Мойдодыра» и «Человека рассеянного». В госпитале все знали, что папа у Жени на фронте, что жил он в Можайске, знали, на какой улице и в какой квартире. Знали и о том, что дома у Жени остался новый трехколесный велосипед, который подарил ему в день рождения дядя. Дядя? Да, у Жени есть дядя, летчик, с орденами, и фамилия его тоже Ванин.

— До чего ж умен паренек! Все на свете знает! Этот не пропадет! Найдутся и родители и родственники!

Человеческая память капризна. Иногда она отбрасывает важные события и сохраняет то, что могло бы и не оставить следа. Женя не

помнит мать, не помнит, как шел с ней по дороге, как налетели самолеты на беззащитных людей. Но госпиталя он не забыл. Не забыл хороших людей, но не забыл и боли в пальцах, которых у него уже не было. И лес Женя помнит. Одиноким снежным, холодным лес, злой лесной ветер и страшный скрип деревьев — все это глубоко, на долгие годы врезалось ему в память. Мальчик боится леса, боится одиночества, даже если он находится в квартире.

Грустную историю Жени рассказал Березов сам Федор Петрович.

— Вот она какая, война-то! Никого не пощадила. Редкая семья осталась в целости.

Антон Иванович добавил:

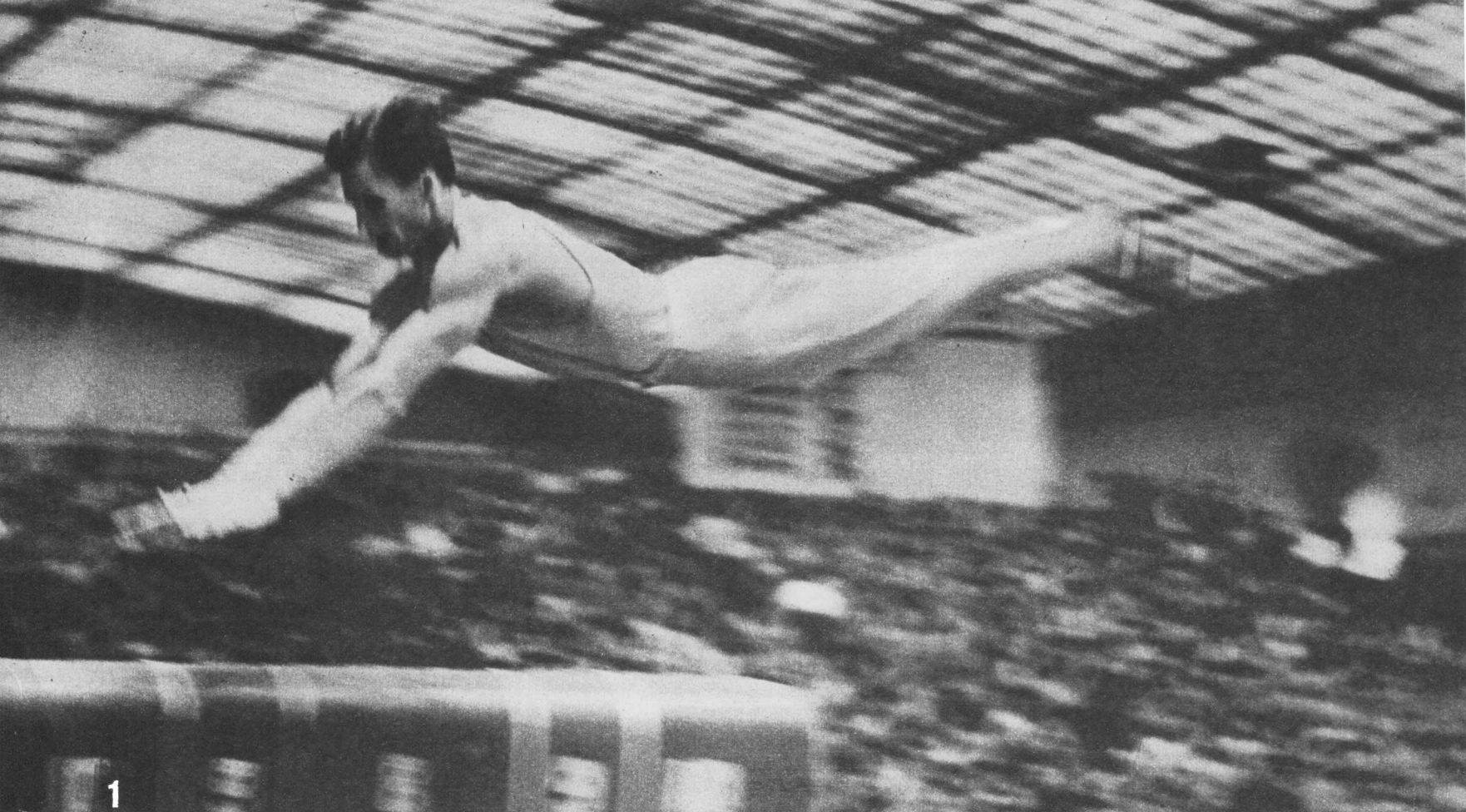
— Построить разрушенное войной жилье, фабрики, заводы — это не самое трудное. Кто вернет сиротам погибших отцов и матерей? Кто восстановит здоровье искалеченных людей? А чем можно компенсировать украденное детство?

Взволнованный историей Жени, раздумьем о войне, Антон Иванович рассказал Ванину о том, как погиб сынишка Сережа и как появилась у них Наташа.

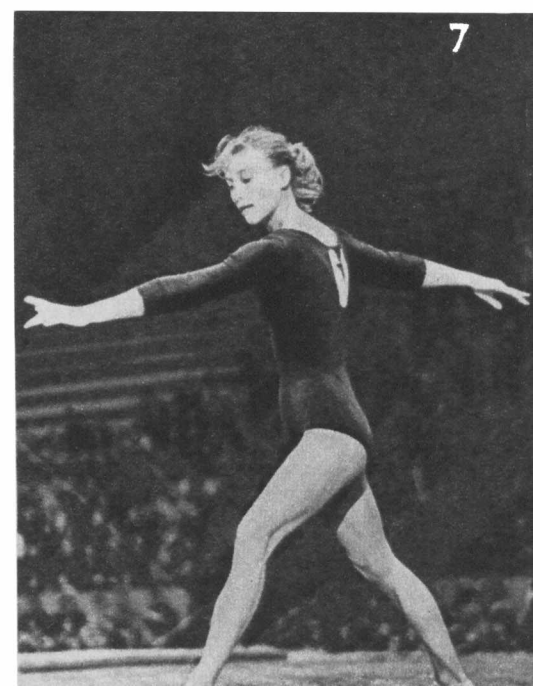
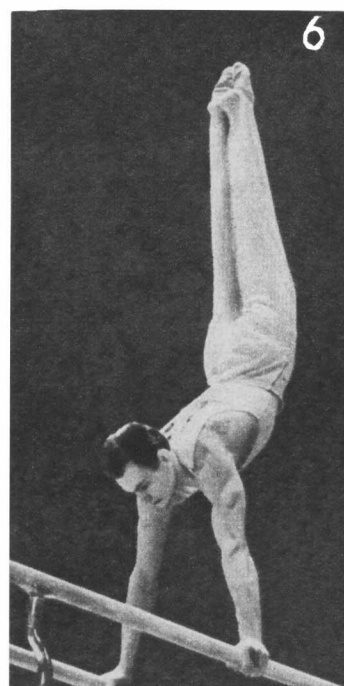
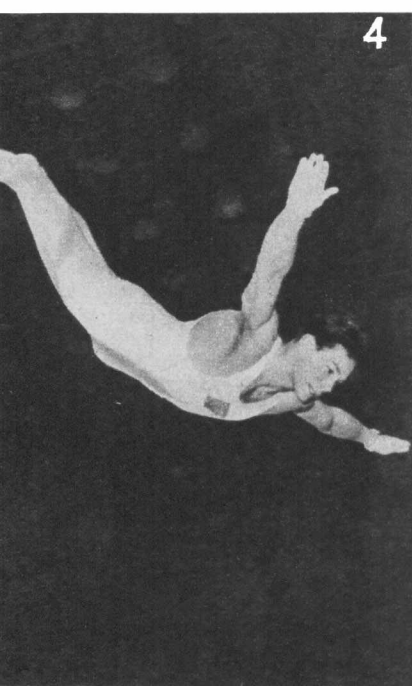
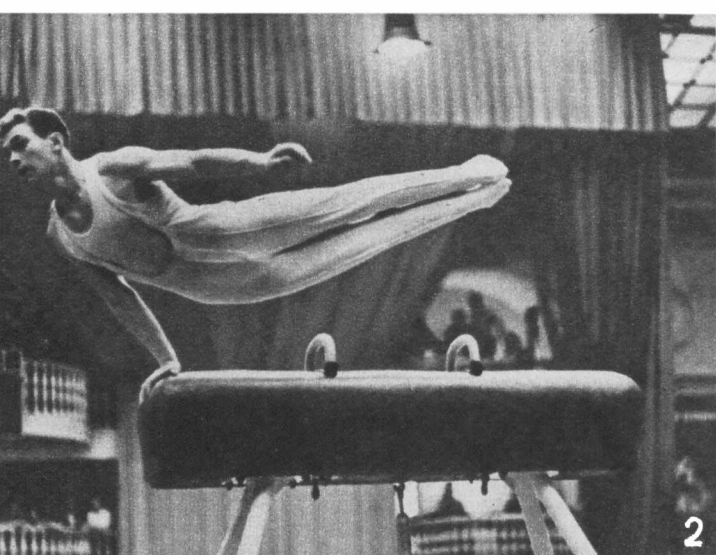
В те дни, когда Ирина Андреевна привезла Наташу из Ленинграда и девочка заболела, в волнении и суматохе Березовы не были достаточно осторожны. Секретарша, которая являлась посредницей в разговорах по телефону, и еще один работник министерства, оказавший медицинскую помощь, узнали об истории Наташи. Но тогда же Антон Иванович просил обоих держать это в секрете. Как видно, они сдержали слово. Теперь узнал об этом и Ванин. Антон Иванович, сам не зная как, расчувствовался и нарушил обещание, данное жене, — никогда и никому не рассказывать о Наташе. Но, в конце концов, не разболтает же Ванин! Тем более, он и его предупредил, просил никому, даже жене, не говорить. И Ванин дал честное слово. Нельзя же не верить друзьям!

Но если Антон Иванович вполне доверился другу, то Ванин, рассказывая историю Жени, не был достаточно откровенен с Березовым.

Продолжение следует.

ПУТЬ В ОЛИМПИЙСКУЮ К

В. МУРАТОВ,
заслуженный мастер спорта

Фото Е. Умнова, Л. Бородулина, О. Неёлова.

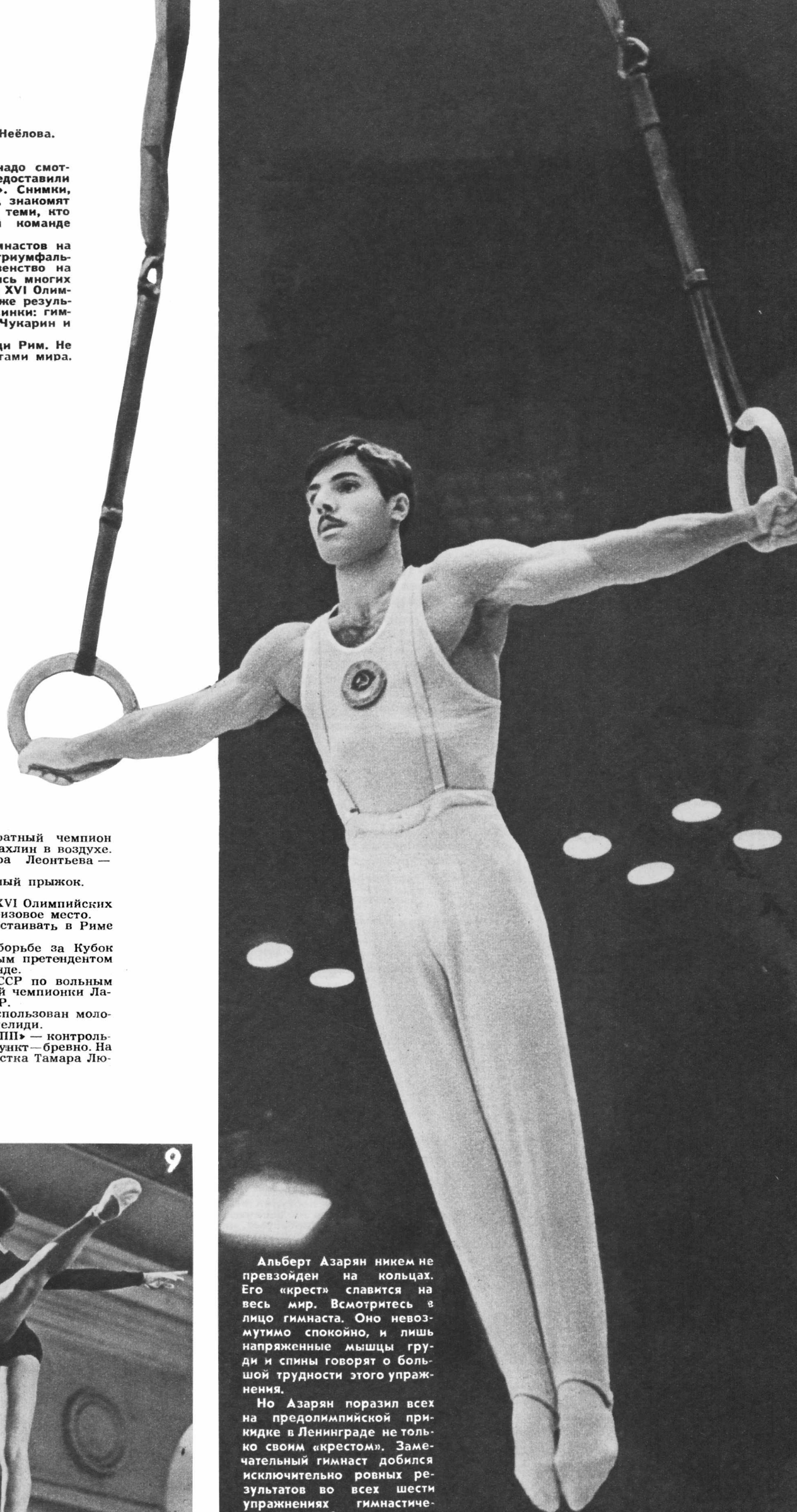
О гимнастике трудно рассказывать. Ее надо смотреть. Вот эту-то возможность нам и предоставили фотокорреспонденты журнала «Огонек». Снимки, которые вы видите на этом развороте, знакомят вас с лучшими гимнастами страны, с теми, кто претендует на места в олимпийской команде СССР.

Уже первое появление советских гимнастов на международной арене закончилось поистине триумфально. Они завоевали и командное и личное первенство на XV Олимпийских играх. С тех пор они добивались многих крупных побед, а выступление команды СССР на XVI Олимпийских играх в Мельбурне закончилось с тем же результатом, что и на предыдущей Олимпиаде в Хельсинки: гимнасты завоевали командное первенство. Виктор Чукарин и Лариса Латынина получили золотые медали.

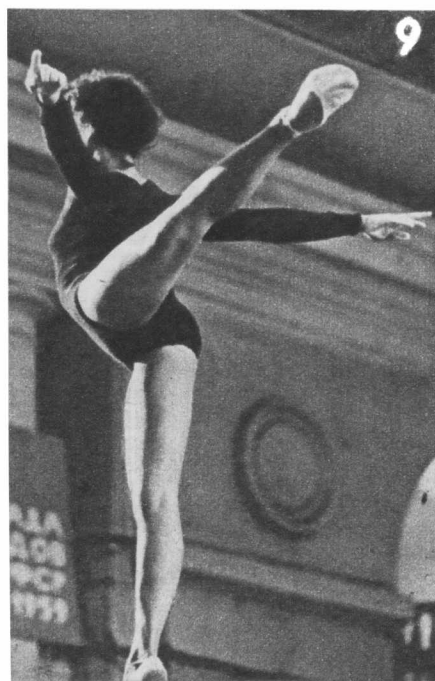
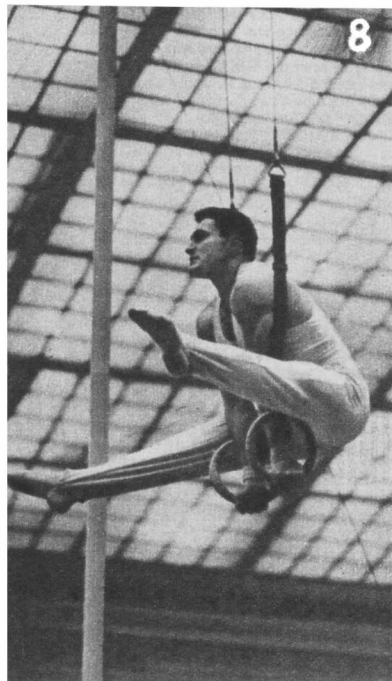
И вот мы на пороге новой олимпиады. Впереди Рим. Не за горами новая встреча с сильнейшими гимнастами мира. К этой встрече вот уже полтора года упорно готовятся советские спортсмены. Они изучали и осваивали обязательную программу, специально разработанную для исполнения в Риме, и совершенствовали свои произвольные упражнения. Недавно была проведена генеральная репетиция перед Римом — в Ленинграде разыгрывался кубок СССР и первенство страны по отдельным снарядам, а в московском Дворце спорта прошли состязания по обязательной программе, которую выполняют в Риме все олимпийцы. Соревнования показали, что гимнасты готовы к предстоящей им трудной борьбе.

Определен окончательный состав сборной команды СССР. У мужчин в Рим поедут: Б. Шахлин, Ю. Титов, А. Азарян, В. Кердемелиди, В. Портной, Н. Милигуло, В. Леонтьев, В. Лисицкий, П. Столбов; у женщин — С. Муратова, Л. Латынина, П. Астахова, Л. Иванова, Т. Люхина, Т. Манина, М. Николаева, И. Первушина, В. Мордовина.

ОМАНДУ

- 1 Взят стремительный разбег — и четырехкратный чемпион СССР, абсолютный чемпион мира Борис Шахлин в воздухе.
- 2 Любимый снаряд двадцатилетнего Виктора Леонтьева — конь.
- 3 Софья Муратова исполняет сложный опорный прыжок.
- 4 Имя Юрия Титова впервые прозвучало на XVI Олимпийских играх. Он занял в Мельбурне третье призовое место.
- 5 Лариса Латынина готова к тому, чтобы отстаивать в Риме свой почетный титул.
- 6 Хотя Павел Столбов и не участвовал в борьбе за Кубок СССР, но он все равно является бесспорным претендентом на место в олимпийской команде.
- 7 Полина Астахова завоевала первенство СССР по вольным упражнениям. Она выиграла у олимпийской чемпионки Ларисы Латыниной Кубок СССР.
- 8 Такой гимнастический элемент впервые использован молодым гимнастом Валерием Кердемелиди.
- 9 У гимнастов существует такой термин: «КПП» — контрольно-пропускной пункт. У гимнасток такой пункт — бревно. На нем выступает молодая воронежская гимнастка Тамара Люхина.

Альберт Азарян никем не превзойден на кольцах. Его «крест» славится на весь мир. Вспомните лицо гимнаста. Оно невозможно спокойно, и лишь напряженные мышцы груди и спины говорят о большой трудности этого упражнения.

Но Азарян поразил всех на предолимпийской приквике в Ленинграде не только своим «крестом». Замечательный гимнаст добился исключительно ровных результатов во всех шести упражнениях гимнастического многоборья.

М ЕДВЕДЬ И К ОМАР

Киносказка

Сергей МИХАЛКОВ

Рисунки А. БАЖЕНОВА.

Обидел большой Медведь малого Зайца: поймал и ни за что ни про что отодрал за уши. Одно ухо совсем набок свернул.

Выплакался Заяц, отошли у него уши, слезы высохли, а обида не прошла. За что пострадал? Не ровен час опять на Косолапного налетишь! Этак ушей не напасешься! А кому жаловаться, когда Медведь сильнее всех в лесу? Волк с Лисой ему первые дружки-приятели, водой не разольешь! У кого теперь защиты искать?

— У меня! — пропищал вдруг чей-то тонкий голосок.

Скосил Заяц левый глаз и увидел Комара.

— Какой из тебя защитник! — сказал Заяц. — Что ты Медведю сделать можешь? Он — зверь, а ты — мошка! Какая в тебе сила?

— Я ему спать не дам! — ответил Комар.

Намотался Медведь жарким днем в лесу. Разморило его. Устал Косолапый, прилег в малиннике отдохнуть. Только глаза закрыл, слышит над самым ухом:

— Дзю-ю-ю!.. Дзю-ю-ю!.. Дзю-ю-ю!..

Узнал Медведь комариный голос. Приготовился, стал ждать, когда Комар ему на нос сядет. Кружился, кружился Комар вокруг да около и наконец сел Медведю на

кончик носа. Медведь не долго думая развернулся — и хват себя изо всех сил левой лапой по носу! Будет Комар знать, как Медведю на нос садиться!..

Повернулся Косолапый на правый бок, закрыл глаза, не успев зевнуть — слышит, снова у него над самым ухом:

— Дзю-ю-ю!.. Дзю-ю-ю!.. Дзю-ю-ю!..

Видно, увернулся Комар от Мишкиной лапы!

Лежит Медведь, не шевелится, притворяется, будто спит, а сам прислушивается, ждет, когда Комар себе новое место для посадки выберет.

Звенел, звенел Комар вокруг Медведя и вдруг перестал.

— Никак улетел, проклятый! — вздохнул Медведь. А Комар тем временем неслышно на медвежье ухо опустился, в самое ухо пролез да как кольнет! Подскочил Медведь. Развернулся и так дал себе правой лапой по уху, что у самого искры из глаз посыпались. Забывает Комар, как медведи жалит!

Почесал Косолапый в ухе, лег поудобнее. Теперь можно спать! Не успел глаза закрыть, слышит опять над головой:

— Дзю-ю-ю!.. Дзю-ю-ю!.. Дзю-ю-ю!..

Что за наваждение! До чего живучая мошка!

Плюнул Медведь, поднялся и пошел прочь от того места, где на него Комар напал. Идет Косолапый по лесу, сквозь кусты продирается, во всю пасть зевает, так ему спать хочется, а Комар за ним:

— Дзю-ю-ю!.. Дзю-ю-ю!.. Дзю-ю-ю!..

Припустился Медведь бежать. Бежал, бежал, из сил выбился, под куст свалился. Лежит, дух переводит, сам прислушивается: где Комар?

Тихо в лесу. Темно, хоть глаз выколи. Все звери и птицы вокруг давно уже седьмой сон видят,

ПОЭТ НА «ТУ-114»

Даулен АЙТМУРАТОВ

Один поэт, летя над миром,
Беседу вел с соседом-пассажиром.
Мол, я — таной-то. Мол, поэт.
— Читали, разумеется?.. Ах, нет!!
Ну, не беда: прочтете скоро!
Талант мой самобытен и могуч,
Я, так сказать, поэзии опора!
Лечу и вижу из-за туч,
Как славою моей все на земле увито...

Сосед взглянул вверх очков сердито.
— Охотно верю, брат. Но все же согласись,
Что, в хвастовстве набрав такую высь,
Ты поступил неосторожно:
Теперь уж ни величию твоему,
Ни дарованью, ни уму
Угнаться за тобою невозможно!

Перевел с каракалпакского
Валентин КОРЧАГИН.

САМОВЛЮБЛЕННАЯ ЛУКОВИЧКА

Луковичка думала всерьез:
Аромат ее нежнее, чем у роз,
Потому что трогает до слез!

ПЕРВЫЙ БЛИН

Первый блин, что вышел комом,
Говорил блинам знакомым:
— Жаль мне вас, бедняги-тезки!
Для блинов вы слишком плоски.
Настоящие блины
Комом выситься должны!

Вл. КАПНИНСКИЙ

Происшествие

Зеленая «Победа» зигзагами мчалась по улице. Семьдесят... Восемьдесят... Девяносто километров... Стрелка спидометра металась около цифры «сто». Садовая... Каляевская... Новослободская улицы. Возле метро «Новослободская» на переходе — люди. «Победа», не сбавляя скорости, врезалась в толпу. Упал мужчина, рядом с ним пожилая женщина, мальчик... «На хвосте» у «Победы» буквально «висят» две или три машины. Их гудки режут, предупреждая о летящей впереди смерти... Грохнул выстрел. Зеленая «Победа» ввезла на тротуар — только брызнули осколки витрины.

Нет, это не кадры детективного фильма. Все это произошло в один из московских вечеров. И на стол следователя легло дело «Об угоне Ивановым Валентином Анатольевичем автомашины марки «М-20» и наезде на шестерых человек». Листаешь его страницы, вчитываешься в показания свидетелей, пострадавших и самого Иванова — и становится страшно за человека, исковеркавшего жизнь себе и другим.

Валентина Иванова на авторе-

Басни

БЕСПОЛЕЗНАЯ ГОРЯЧНОСТЬ

Напрасно критик горячится,
Кричит: «Здесь мед, а не горчица»...
Читатель без него поймет,
Что здесь горчица, а не мед.

ТОПОР-НИЗКОПОКЛОННИК

Он Дубу поклонился в ноги.
И Дуб свалился у дороги.
Давно оценку дать пора
Низкопоклонству Топора.

В. ЛЕВИЦКИЙ, учитель.

г. Скопин.

Москва.

«ТОЛЬКО В ПОЛУЧКУ»

ТЫСЯЧА И ОДИН СОВЕТ

Фельетон

И. ОКУНЕВ

Вскоре после свадьбы у жены обнаружилась страсть покупать книги по домоводству.

— Слушай, — спросил я, увидев две заполненные полки книжного шкафа, — зачем тебе столько сборников полезных советов?

— Как? — Жена посмотрела на меня широко раскрытыми глазами. — Разве ты не видел: по городу разъезжает автофургон, и на нем написано: «Каждому человеку — личную библиотеку»? И потом, ты же сам говорил: грош цена женщине, которая не умеет хорошо вести хозяйство!

И в подтверждение своей правоты она взяла наугад с полки одну из книг и прочитала:

— «Книга знакомит дорогих читателей со всевозможными основами современного домоводства. С тем, как правильно организовать и вести домашнее хозяйство, чтобы в семье царили мир и благополучие». И счастье, — шепнула она мне.

Мы поцеловались. — Но, судя по названиям, все твои книги одинаковые, — пробормотал я.

— Ничего подобного! В одной всего триста советов, а в другой больше тысячи.

— Почему же ты не купила сразу тысячу?

— Но когда я покупала триста, откуда я могла знать, что выпустят еще и тысячу!

Ответ был логичным, и я подумал: «Это еще хорошо, что издатель сразу увеличил число советов втрое. Из коммерческих соображений они могли сперва выпустить 300, потом — 350, затем — 400 и так далее... Нечто вроде бесконечного собрания сочинений полезных советов».

Каких только рекомендаций не было в них! Как часто следует мыть голову и из чего на скорую руку делать бетон. Как клеить разбитую посуду и защищать скворцов от кошек. Как правильно произносить слова и разводить собак, голубей и цветы. Как воспитывать детей, вести себя в обществе и модернизировать мебель...

Под письменным столом у меня стояла плетеная корзина для бумаг. Однажды она исчезла.

— Где корзина?

Жена с загадочным видом повела меня в другую комнату.

— Видишь, во что можно превратить твою мусорную корзину! И я увидел столик с электрической лампочкой. Для этого изобретения, кроме корзины, понадобились еще подставка от жардиньерки и сиденье от венского стула.

— Мы обойдемся и пятью стульями, — успокоила меня жена. — Кстати, еще один мне понадобится, чтобы сделать нашему Володьке дешевый и простой детский стульчик. Для этого стул нужно будет перевернуть, затем прибить к нему несколько досок — и готово.

Жена не преминула воспользоваться и еще одним советом из новосибирского «Домоводства». Чтобы не пропадали пустые катушки из-под ниток, она изготовила из них вешалки.

Усовершенствованию подверглись и носильные вещи. Я взял из химчистки костюм. Когда я оделся, жена брезгливо повела носом:

— Костюм, наверное, следует проветрить. Пока пойдешь в старом.

— Где же мой чистый костюм? — спросил я на другой день.

— Скажи спасибо, что у нас есть пермская книга «Советы по домоводству». Только там я нашла, как удалять из вещей неприятные запахи. После химической чистки их нужно прополоскать в воде с грушевой эссенцией.

Глаза жены сияли счастьем. А мой костюм стал похож на высушенную грушу, хотя и источал ароматный запах.

Достижения в области химии тоже внесли некоторые изменения в нашу семейную жизнь. Полистав книгу «Вам, домашние хозяйки», выпущенную в Костроме, жена на-

тегорически отказалась штопать мне носки.

— При современном уровне техники это не так уж сложно, — сказала она. — В книге черным по белому написано, как чинить чулки с помощью клея «БФ-6». С этим делом может справиться любой мужчина.

И жена углубилась в работу, которой ей рекомендовала заняться в целях экономии времени и денег ленинградская книга добрых советов: она распоролла свои перчатки, выкроила по ним напроновую ткань и принялась сшивать.

— Нигде нет клея «БФ-6», — объявил я, обегав магазины. — Может, ты закончишь свою работу и поможешь мне?

— Закончишь! Тебе хорошо советовать, — сказала жена, чуть не плача. — Я уже три дня начинаю. Только сошью эту напроновую ткань, а она расплывается по швам.

Действительно, до носков ли тут...

При любезном содействии «Книги — почтой» семейная библиотечка продолжает расти день ото дня. Ведь в благородную работу по обучению наших женщин, как обеспечить семейный очаг счастьем, вкусной пищей и уютом в виде живых и бумажных цветов на столе, стай голубей на подоконнике, домашней фотолaborатории и сапожной мастерской, включаются все новые и новые издательства. По их мнению, каждый человек должен уметь собственными руками собрать и разобрать свой дом от начала до конца.

Как же рождается пестрая вереница толстых и тощих книг, выпущенных трехсоттысячными и полумиллионными тиражами от Архангельска до Ташкента, от Смоленска до Хабаровска? Оказывается, это проще пареной репы. Они составляются, как лоскутные одеяла, из обрезков газетных и журнальных заметок. Где только не встречается, например, статья «Ткань и фасон», опубликованная в журнале «Работница» за 1954 год, или статья «Умение одеваться» из журнала «Семья и школа» за 1958 год! Впрочем, это еще современные советы. Часто истинным служат книги столетней давности с пудами, фунтами и вершками.

Из сборника в сборник кочуют целые главы. «То, о чем забывают» — называется раздел в смоленской «Книге молодой хозяйки». Составители для солидности выдали его за сочинение народного художника РСФСР Н. Жукова, даже не спросив его об этом.

Словом, опубликовал теперь автор статью в журнале — и довольно. Дай жить и составителям.

Мне тоже захотелось опубликовать один совет. Тысяча первый. И дать его Главииздату.

Нельзя, чтобы домоводство было отхожим промыслом для людей, ищущих легкого заработка. Нужны книги не обо всем, а по отдельным вопросам с разумными и дельными советами, написанные специалистами. И такие, чтобы они соответствовали нынешнему уровню культуры, техники, промышленного производства и были в самом деле полезны советскому человеку. Ведь ему не нужны «добрые» советы, как утилизировать пустые катушки и переделывать мусорные корзины.

Рисунок В. Сигачева.

один только Медведь не спит, мается.

«Вот напасть! — думает Медведь. — Довел меня какой-то глупый Комаришка до того, что теперь я сам не знаю, Медведь я или нет? Хорошо еще, что мне от него удрать удалось. Теперь-то уж я засну...»

Забрался Медведь под ореховый куст. Закрыв глаза. Задремал. Начал Медведю сон сниться, будто он в лесу на пчелиный улей набрел, а в улье меду хоть отбавляй! Запустил Мишка в улей лапу и вдруг слышит:

— Дзю-ю-ю!.. Дзю-ю-ю!..

Дзю-ю-ю!.. Догнал-таки Комар Медведя. Догнал и разбудил!

Сел Медведь и застонал от досады. А Комар над ним кружит и кружит, кружит и кружит. То ближе, то дальше, то тише, то громче звенит и звенит в темноте:

— Дзю-ю-ю!.. Дзю-ю-ю!..

Дзю-ю-ю!.. Звенел, звенел и замолчал. Молчит, будто куда провалился!

Подождал Медведь, подождал, потом забрался поглубже под ореховый куст, глаза закрыл, только задремал, пригнулся, а Комар тут как тут:

— Дзю-ю-ю!.. Дзю-ю-ю!..

Вылез Медведь из-под куста. Заплакал.

— Вот привязался проклятый! Ни дна ему ни покрывки! Ну, погоди же! До утра не засну, а с тобой разделаюсь!..

До самого солнышка не давал Комар Медведю спать. Измучил, извел Косолапого. До самой утренней зорьки не сомкнул Медведь глаз. Всего себя до синяков исколотил, а с Комаром так и не справился.

Взошло солнышко. Выспались, проснулись звери и птицы в лесу. Поют, радуются. Только один Медведь не рад новому дню. Утром повстречал его на лесной

опушке Заяц. Бредет Медведь лохматый и сонный, еле ноги передвигает. Глаза у него слипаются, а в ушах звенит:

— Дзю-ю-ю!..

Уж и посмеялся же Заяц над Косолапом! От всей души посмеялся:

— Ай да Комарик! Ай да молодец!

А Комар легок на помине:

— Видел Медведя?

— Видел! Видел! — ответил Заяц, держась от смеха за бока. — Как это ты его одолел?

— А я был не один, — отвечал Комар. — Нас много. А всех ведь не перебьешь!

Сказал и полетел:

— Дзю-ю-ю!..

— Обычное дело! От полочки до полочки! Пойдут ребята, скинутся, пол-литра на троих где-нибудь под грибом разопьют! — рассказывает Александр Сухов, бригадир бригады маляров, в которой работал Валентин Иванов.

— Ну, как же! Такое дело... Все-таки получка!.. — разводит руками завскладом А. Кожуханцев.

«Только в получку»... Страшная, старинная традиция. Так и веет от нее чужим, далеким миром. Нет-нет и выступает он во всем своем безобразном обличье, словно репей, цепляется к здоровью, жизни и чести наших людей. В заводском сатирическом листке «Оса» мы увидели фамилии других любителей выпить. В глаза бросились даты выхода: эти листки выходили в свет сразу после дня полочки!

Преступление Иванова не неожиданность. Незачем закрывать на это глаза. Теперь уже не вернуть жизнь женщине, погибшей под колесами зеленой «Победы», ничем не возместить страданий шестилетнего Сережи Обращенно, лежащего сейчас в детской клинике с открытым переломом голени и сотрясением мозга.

А как оценит слезы Евдокии Андреевны Бахиной, матери Валентина Иванова? Как будет его жена рассказывать сыну об отце?

Страшная и поучительная история. А началась она, казалось бы, с малого: выпил парень с полочки...

Е. КОРШУНОВ

монтажном заводе № 6 Москвы знают давно. Он начинал работать здесь еще довольно «лихим» учеником. После службы в армии «остепенился»: стал хорошо работать, наладилось дело и с Дисциплиной. Женится. Мать, старая, немало на своем веку пережившая женщина, с радостью встретила появление на свет внука. Неожиданно дома случилось несчастье — пожар. Но товарищи по заводу помогли, подержали и морально и материально. Казалось, все наладилось. И вдруг...

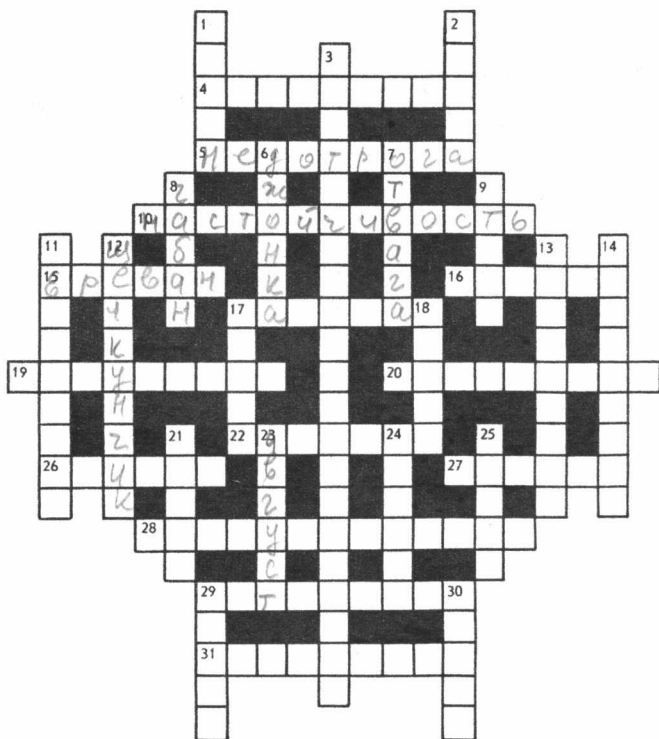
— Для всех нас случай с Ивановым — полная неожиданность, — говорит директор завода Э. Д. Цимеринг. — Бригада, в которой он работал, борется за звание бригады коммунистического труда. К работе парень относился хорошо, взысканий не имеет. Пьяным на работе ни разу не был...

Да, все это так. И тем не менее в показаниях всех свидетелей подчеркивается: был сильно пьян, находился в неадекватном состоянии.

Сам Иванов говорит:

— Выпил четвертинку водки после работы. Пил «под грибом» в Басманном тупике. Встретил там двух наших рабочих — завскладом Кожуханцева и шофера Фаркаша. Взяли еще поллитровку на троих. Они поехали домой, а я сел в какую-то машину. Что было дальше, не помню. Вообще я не пью. Только в получку...

«Только в получку...» Мать Иванова говорит о том же: сын пьет «только в получку»...

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Советский поэт. 5. Растение с плодами, лопающимися от прикосновения. 10. Решимость, упорство. 15. Столица союзной республики. 16. Радиопередатчик, установленный на корабле-спутнике. 17. Литературный жанр. 19. Человек, горячо преданный делу. 20. Персонаж оперы А. П. Бородин «Князь Игорь». 22. Произведение живописи. 26. Общее определение. 27. Высшая точка Алтая. 28. Спортсмен. 29. Центр угольного бассейна на юго-западе Румынии. 31. Математическое действие.

По вертикали:

1. Французский физик XVIII—XIX веков. 2. Птица северных побережий. 3. Свойство фотографической бумаги, пленки. 6. Китайское парусное судно. 7. Смелость, бесстрашие. 8. Пастух-овцевод. 9. Повторяющееся понижение уровня океана. 11. Автор романа «Прощай, оружие!». 12. Балет П. И. Чайковского. 13. Колесница низкого частоты, не воспринимаемые слухом. 14. Героиня романа И. А. Гончарова «Обломов». 17. Породиная лошадь. 18. Духовой инструмент народов Кавказа и Закавказья. 21. Русский художник. 23. Летний месяц. 24. Естественный фон для киносъемок. 25. Марка фотоаппарата. 29. Рассказ из «Записок охотника» И. С. Тургенева. 30. Приток Дуная.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 32

По горизонтали:

7. Ботаника. 9. Саксофон. 10. Тушь. 11. Классон. 12. «Баяна». 13. Нерпа. 15. «Рубин». 16. Птаха. 20. «Трагик». 21. Протон. 22. Космос. 23. Славка. 27. Ясень. 28. Завод. 29. Вазов. 32. Ковш. 34. Алабама. 35. Латы. 36. Фонетика. 37. Индуктор.

По вертикали:

1. Позумент. 2. Юань. 3. Гичка. 4. Окунь. 5. Ромб. 6. Волнухин. 8. Абажур. 9. Суслик. 14. Пуансон. 17. Титовка. 18. Бихор. 19. Кроль. 22. Кислород. 24. Апостроф. 25. Гава. 26. Сомали. 30. Тацит. 31. Гайди. 33. Шлея. 35. Люкс.

На последней странице обложки:

Олешек вышел на прогулку.
Фото Н. Немногова.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Оформление Л. Шумана.

Рукописи не возвращаются.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформление — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 07147.

Подписано к печати 10/VIII 1960 г.

Формат бум. 70×108%.

2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.

Тираж 1 700 000.

Изд. № 1386.

Заказ 2204.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

ФИЛАТЕЛИЯ

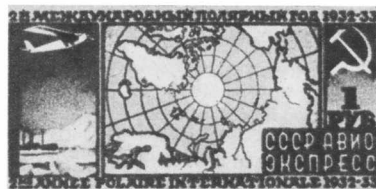
МАРКИ «ДЕДА ПЕРФИЛА»

Эти марки выпущены в 1923 году. На них впервые в истории нашей почты был дан рисунок крестьянина. Он воспроизведен со скульптуры И. Д. Шадра. Кто же этот крестьянин? Ответ дает опубликованная в 1924 году в выходившем на Урале маленьком журнале «Шадринское научное хранилище» статья В. П. Бирюкова. По свидетельству автора, натурщиком у Шадра был житель глухой в то время уральской деревни Прыговой Перфирий Петрович Калганов. Перфирий Петрович Шадру пришлось долго уговаривать согласиться позировать. Зато позднее Калганов был вполне удовлетворен. По свидетельству местных газет того времени, почтовые марки с изображением крестьянина у жителей этой деревни получили название марок «Деда Перфила».

Ю. РЯБОВ

Курган.

УЛОВ КОЛЛЕКЦИОНЕРА

У одного любителя рыбной ловли сорвалась с крючка рыба. Леска перекинулась и зацепилась за что-то на берегу. Каково же было удивление огорченного рыбака, когда он заметил, что крючок зацепился за грудку пустых конвертов (по-видимому, кем-то выброшенных) со старыми марками. В рыбаке проснулся филателист. Отложив удильце в сторону, он с жадностью стал просматривать конверты. И вдруг среди обычных марок он обнаружил «жемчужные зерна»: конверт с Земли Франца-Иосифа, оклеенный марками «авиаэкспресс» Второго международного полярного года, и конверт с одной из редчайших советских марок, выпущенной в 1935 году с надпечаткой к полету С. А. Леваневского из Москвы в США через Северный полюс.

Досада рыбака была вознаграждена.

М. МИЛЬКИН

Москва.

ГЕРОИ КАЛИДАСЫ

В Индии выпущены новые почтовые марки, посвященные крупнейшему древнеиндийскому поэту Калидасе.

Почтовая марка серого цвета воспроизводит сцену из лирической поэмы Калидасы «Мегахдута». Герой произведения Якша обращается к туче с мольбой поведать его возлюбленной, находящейся в далекой Алаке, о его горячей и страстной любви.

На второй марке — сцена из всемирно известной классической драмы Калидасы «Шакунтала». Дочь отшельника Шакунтала пишет письмо своему возлюбленному царю Душьянте. Марка выполнена в желтых и темно-коричневых тонах.

П. КРЕЧНЕВ

Дели.

— Никогда не держал до сих пор в руках роликовые коньки, — говорит П. Д. Жаворонков, приехавший из города Сталино.

— Пропустите его! Он выиграл!..

СЧАСТЛИВЧИКИ

Как часто это бывает! Недовольны жена или мать:

— Провалился бы совсем твой проклятый футбол...

И ты уходишь из дома с виноватыми глазами. А что делать? Ведь сегодня действительно «проклятый футбол». И все замечательное, что с ним связано: взволнованные разговоры еще на дальних подступах к стадиону, солнечный марш, такой молодой и призывный, и, наконец, первый удар по мячу!

Ты забываешь, что виноват: ушел-таки на матч. Ты забываешь о том, что порой с немалыми усилиями достал билет на стадион.

Но, как и всему на свете, и футболному матчу приходит конец. И тут ты снова вспоминаешь о билете и начинаешь судорожно искать его по всем карманам!

Лотерей! Уже медленно, картинно едет по дорожке стадиона тот самый заветный мотороллер, блистая свежей краской. А за ним — машина, полная выигрышей.

Чье сегодня счастье? Может быть, твой билет принесет тебе мотороллер или даже вот то пианино, которое гордо поглядывает на всех с борта разукрашенной полуторки?

Пусть это будут роликовые коньки, пусть дамская сумочка или синий спортивный костюм...

Представляете себе, как вас встретят дома, когда вы вдруг придете и скажете как ни в чем не бывало:

— Освободи-на, мать, вон тот уголок — телевизор поставим!

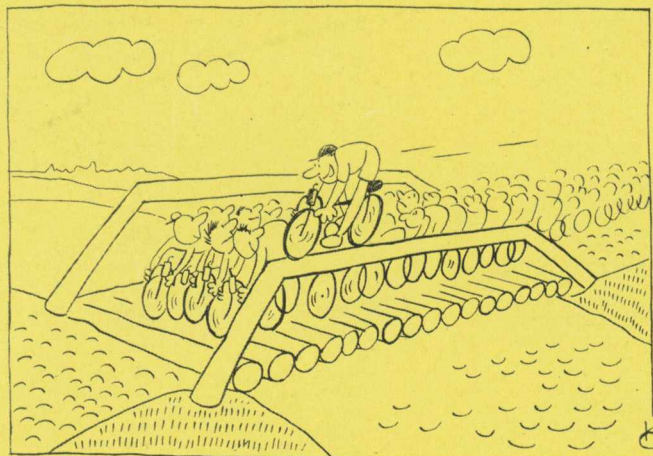
М. АЛЕКСАНДРОВ

Фото А. Бочинина и О. Кнорринга.

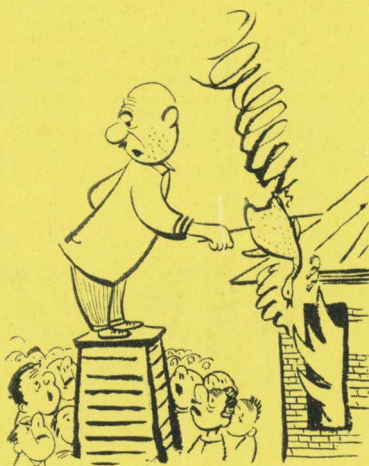
Телевизор с доставкой на дом.

«Круг почета» на новеньком мотороллере совершает слушатель военной академии В. В. Болотников.

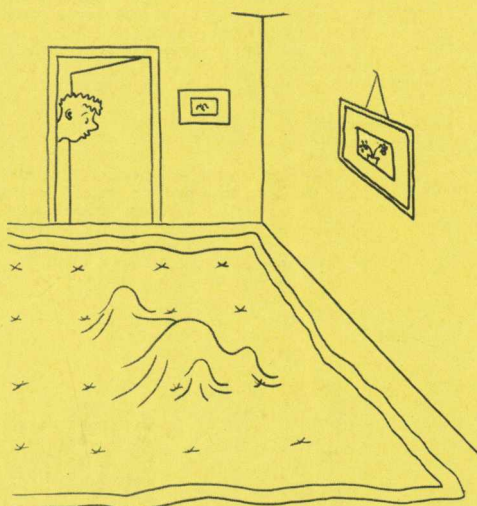
Главное — не потерять скорость.

Рисунок С. Крылова.

— Раз уж нельзя спасти мою квартиру...

Рисунок В. Воеводина.

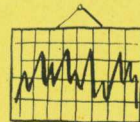
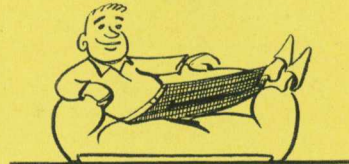
— Ты еще не кончил проявлять пленку?

Рисунок С. Титова.

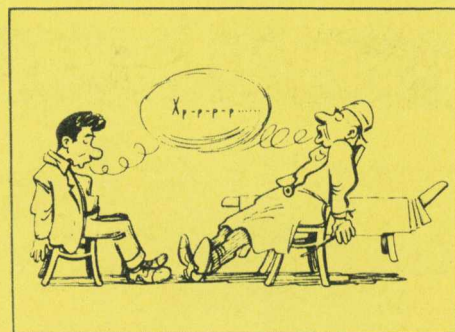
Лекция «Как пользоваться телевизором».

Рисунок Гр. Оганова.

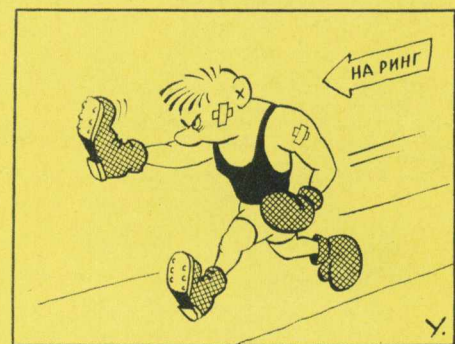
Эпизоды из жизни автолюбителя.

Рисунок Р. Овечкина.

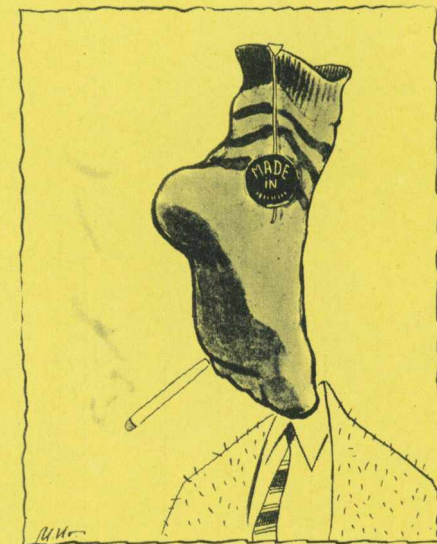
На сеансе гипноза.

Рисунок И. Оффенгендена.

Реванш.

Рисунок М. Ушаца.

Поклонник заграничного.

Рисунок И. Массини.

Цена номера 3 руб.

